

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Кубанский государственный университет»

На правах рукописи

Венцель Сергей Владимирович

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ В ЭПОХУ НОВЫХ МЕДИА:
СПЕЦИФИКА, ФОРМЫ И ТЕХНОЛОГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ**

Специальность: 5.5.2. – Политические институты, процессы,
технологии.

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
Подшибякина Татьяна Александровна
доктор политических наук, доцент

Краснодар

2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СПЕЦИФИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ЭПОХУ НОВЫХ МЕДИА	32
1.1. Теоретические подходы к пониманию политического экстремизма..	32
1.2. Новые медиа как платформы распространения политического экстремизма: теоретический аспект.....	63
ГЛАВА II. ПРАКТИКИ И МЕХАНИЗМЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В СРЕДЕ НОВЫХ МЕДИА.....	86
2.1 Механизмы распространения проявлений политического экстремизма в среде новых медиа	86
2.2. Особенности и нарративы политического экстремизма в среде новых медиа.....	110
ГЛАВА III. ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ В НОВЫХ МЕДИА.....	134
3.1. Технологии и подходы к противодействию распространению политического экстремизма в новых медиа.....	134
3.2. Ключевые субъекты системы профилактики распространения политического экстремизма в пространстве новых медиа.....	161
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	184
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	193
Приложение А – Процедура мониторинга информационного пространства на предмет выявления противоправного контента.....	215
Приложение Б – Процедура анализа статистических данных	218
Приложение В – Процедура проведения социологических исследований...	219
Приложение Г – Процедура проведения анализа материалов на предмет нарушения действующего антиэкстремистского законодательства.....	221

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Выстраивание результативной системы противодействия политическому экстремизму в современных условиях широкого распространения в общественно-политической жизни новых медиа является одним из приоритетных направлений в государственной политике по обеспечению национальной безопасности России на современном этапе. Экстремизм, в том числе его политический вариант, является общественно опасным явлением, нарушающим базовые права и свободы человека и гражданина, посягающим на безопасность общества и государства. Распространение экстремизма, экстремистских проявлений и идей организаций, признанных экстремистскими согласно судебным решениям, оказывает существенное деструктивное воздействие как в целом на все население Российской Федерации, так и на отдельные категории населения, наиболее уязвимые перед данной угрозой (группы риска). Дополнительным фактором, определяющим высокий уровень социальной значимости данной проблемы, является проводимая Россией специальная военная операция по демилитаризации и денацификации Украины, реализуемая спецслужбами и государственными органами недружественных стран подрывная деятельность на территории России с целью вовлечения граждан, в первую очередь представителей молодежи, в экстремистскую, террористическую, диверсионную деятельность, также шпионаж и передачу данных.

Важно подчеркнуть, что в период с 2010 по 2022 год преимущественно наблюдается динамика роста зарегистрированных преступлений экстремистской направленности (от 656 преступлений в 2010 году до показателя в 1566 преступлений в 2022 году). За указанный хронологический период 90 организаций в Российской Федерации внесены в Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным

законом от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Следует отметить и устойчивую динамику числа судебных решений о признании определенных материалов в качестве экстремистских и внесения их в специальный Федеральный список экстремистских материалов: если на конец 2010 года – 801 материал, то в 2023 году показатель достиг значения в 5393 материала. Большинство из признанных экстремистских организаций являлись общественно-политическими или религиозными объединениями, ставившими перед собой цель по насильственному изменению конституционного строя, нарушению территориальной целостности, воспрепятствованию законной деятельности органов власти, пропаганде и разжиганию ненависти по национальному, религиозному и языковому признаку с призывами к насилию в отношении определенных социальных групп. Ключевым инструментом для осуществления экстремистской деятельности как отдельными гражданами, так и организациями становится среда новых медиа, Интернет.

Важно отметить, что количество пользователей сети Интернет в России неуклонно растет. Если в 2021 году российская аудитория глобальной сети составляла 124 млн. человек, по данным главы Роскомнадзора Андрея Липова¹, то уже в 2022 году эта цифра достигла показателя в 127,6 млн. человек². В 2022 году совокупная аудитория сети Интернет достигла следующих показателей: охват в сутки – 95,3 млн. человек (78% населения России), а в месяц – 98.6 млн. человек (81% населения страны)³. Подавляющая часть пользователей – молодежь от 14 до 35 лет, которая является наиболее уязвимой социальной группой перед деструктивным воздействием экстремистских течений и организаций.

¹ Число пользователей интернета в России достигло 124 млн [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12698757> (дата обращения: 04.11.2023).

² Медиаландшафт Digital в России. 2023 год [Электронный ресурс] // Госдиджитал. URL: <https://gosdigital.ru/wp-content/uploads/2023/04/medialandshaft-rossii-20.04.2023.pdf> (дата обращения: 04.11.2023).

³ Аудитория Интернета в 2022 году [Электронный ресурс] // MediaScore. URL: <https://mediascore.net/news/1460058/> (дата обращения: 04.11.2023).

После начала специальной военной операции (СВО) России по демилитаризации и денацификации Украины угрозы экстремистского характера в отношении национальной безопасности государства видоизменились и усилились. Наиболее уязвимой перед деструктивным воздействием спецслужб противника (СБУ и ГУР Минобороны Украины), недружественных государств¹, нежелательных организаций, а также иностранных агентов оказалась молодежь, которую пытались вовлечь в следующие экстремистские действия политического характера: незаконная протестная деятельность; распространение фейковой информации и дискредитация действий законной деятельности государственных органов власти; провоцирование сепаратизма, вовлечение в террористическую деятельность (что также является разновидностью экстремистской деятельности, согласно действующему законодательству²). Важно отметить, что все указанные действия оказывают непосредственное влияние на действующий политический режим в Российской Федерации с целью насильственного изменения конституционного строя и подрыва национальной безопасности нашего государства.

Изучение актуальной системы и потенциала системы противодействия экстремизму в Российской Федерации позволит преодолеть сложившийся дефицит научного знания в отечественной политической науке, с одной стороны, о современных экстремистских проявлениях и методиках вовлечения граждан в экстремистскую деятельность, и, с другой стороны, о субъектах, механизмах, инструментах и ресурсной системы

¹ Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р (ред. от 29 октября 2022 г.) «Об утверждении». [Электронный ресурс] // Консультант.Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411064/e8730c96430f0f246299a0cb7e5b27193f98fdaa/ (дата обращения: 22.10.2023)

² О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 114-ФЗ. [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/12127578/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (дата обращения: 22.10.2023)

профилактического воздействия в цифровой среде новых медиа, в том числе среди молодежи, для предотвращения вовлечения в экстремистскую деятельность и развития гражданственности на основе соблюдения действующего законодательства, уважения и лояльности в отношении государства как гаранта соблюдения прав и свобод граждан страны в новых социально-политических условиях и геополитических реалиях Российской Федерации. Практический аспект данного исследования заключается в предоставлении на основе апробации и последующей корректировки инструментов профилактического воздействия на граждан Российской Федерации, в первую очередь молодежь, для предотвращения вовлечения в экстремистскую деятельность.

Степень научной разработанности проблемы. Предметное поле диссертационного исследования базируется на стыке различных направлений исследований современных проявлений экстремизма в работах отечественных и зарубежных авторов. В период с 1990-х годов по настоящее время в отечественной и зарубежной науке накоплен значительный пласт исследований, посвященный, в первую очередь, причинам возникновения экстремизма и экстремистской деятельности как таковой, а также механизмам вовлечения граждан в противоправную деятельность, в том числе в сети Интернет. Отдельное важное место занимают результаты научных исследований, затрагивающих идеологические основы экстремистских движений и фигуры их лидеров.

Большой вклад в понимание сущности экстремизма, в том числе политического, в контексте политической, правовой, экономической и социокультурной жизни современного общества, а также обеспечения национальной безопасности и гармонизации межэтнических и

межрелигиозных отношений внесли труды М.В. Арчакова¹, А.К. Магомедова², А.В. Иванова³, Е.А. Авдеева, С.М. Воробьева и М.Е. Ерохиной⁴, В.В. Энгеля⁵, Д.А. Кошелева⁶, Н.Б. Бааль⁷, В.М. Капицына⁸ и др.

Отдельно следует выделить вклады А. Шмидта⁹, Дж. Лофланда и Р. Старка¹⁰, Дж. ван ден Эльцена¹¹, Дж. Шантца¹² в теоретико-методологическую разработку процессов превращения обычных граждан в адептов политического экстремизма, в том числе в сети Интернет.

¹ Арчаков М.К. Политический экстремизм: сущность, проявления, меры противодействия: Монография / М. К. Арчаков. – М.: изд-во Юрайт, 2018; Екб.: изд-во УрФУ. 295 с.

² Магомедов А.К. Оптимизация межэтнических отношений в республике Дагестан: роль политических технологий // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки, 2019. № 1. с. 33–39.

³ Иванов А.В. Глава 2.4 Дискурс насилия и вражды как основа идеологии религиозного экстремизма / А. В. Иванов // Религиозная социализация в постсекулярном мире: дискурсивные практики и социокультурные риски: монография. С.: ИЦ «Наука», 2021. С. 87–103.

⁴ Авдеев Е.А., Воробьев С.М., Ерохина М.Е. Социокультурные детерминанты экстремизма среди молодежи Северного Кавказа: проблемы, риски, рекомендации // Обзор.НЦПТИ. 2021. № 2 (25). С. 28–36; Ерохин А.М., Бакланов И.С., Воробьев С.М., Авдеев Е.А. Социальное самочувствие молодежи Кавказа в контексте социально-политических проблем. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. №11. С. 37–42.

⁵ Энгель В.В. Современные дефиниции экстремизма: компаративный анализ // Российский юридический журнал. 2021. №. 5. С. 82–91; Энгель В. В. Основные дефиниции экстремизма в международном праве. Компаративный анализ // Ксенофобия и экстремизм: глобальные вызовы и региональные тренды: Сборник докладов Международной онлайн-конференции. 2022. с. 31–41.

⁶ Кошелев Д.А. Деятельность по противодействию экстремизму в России: необходима точная настройка // Актуальные проблемы правоповедения. 2018. №3. С. 24–27.

⁷ Болгов Н.В., Бааль Н.Б. Политический экстремизм на постсоветском пространстве и в России как угроза ее военной безопасности // Военная мысль. 2021. № 1. С. 20–32.

⁸ Капицын В.М. Экстремизм и терроризм: политико-психологическое сходство и различие // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 5. С. 98–104.

⁹ Schmidt A. Radicalisation, De-Radicalisation, Counter-Radicalisation: A Conceptual Discussion and Literature Review. URL: <http://www.icct.nl/download/file/ICCT-Schmid-Radicalisation-De-Radicalisation-Counter-Radicalisation-March-2013.pdf> (data access: 26.03.2023).

¹⁰ Lofland J., Stark R. Becoming a World-Saver: A Theory of Conversion to a Deviant Perspective // American Sociological Review. 1965. Vol. 30. No. 6. P. 862-875.

¹¹ Elzen van den J. Radicalisation: A Subtype of Religious Conversion?. URL: <https://www.universiteitleiden.nl/binaries/content/assets/customsites/perspectives-on-terrorism/2018/04-radicalization---a-subtype-of-religious-conversion-by-julien-van-den-elzen.pdf> (data access: 26.03.2023)

¹² Shantz J. One Person's Garbage. Another Person's Treasure: Dumpster Diving, Freeganism, and Anarchy. VERB, 2005, Vol. 3, pp. 1-11.

Проблему профилактики распространения экстремистских проявлений в молодежной среде, в том числе посредством использования интернет-технологий, рассматривают Л.А. Потапова¹, Е.В. Щетинина², В.Л. Назаров³ и др.

Проблема распространения экстремистских проявлений в сети Интернет отражена в исследованиях А.В. Серикова⁴, А.С. Быкадоровой⁵, И.В. Пашенко⁶ и др. Весомый вклад в изучение проблем распространения экстремизма, в том числе в виртуальном пространстве интернета, внесла научно-исследовательская команда Южного научного центра Российской академии наук⁷.

¹ Потапова Л.А. Актуализация отдельных методов профилактики распространения идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде (опыт НИЛ «Научно-методическое обеспечение профилактики экстремизма и ксенофобии в системе российского образования» МГПИ имени М.Е. Евсевьева) // Обзор.НЦПТИ. 2019. № 1 (16). С. 14–24; Потапова Л.А. Поиск инструментов преодоления экстремистских и коррупционных рисков мировоззрения в условиях реализации государственной молодежной политики // Обзор.НЦПТИ. 2020. № 1 (20). С. 19–27.

² Щетинина Е.В. Работа киберлабораторий как фактор профилактики экстремистских и террористических проявлений в сети «Интернет» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2018. №1. С. 115–119; Щетинина Е.В., Бредихин С.С. Диагностика выявления маркеров асоциального поведения учащихся как эффективный инструмент организации первичной профилактической работы в образовательной среде // Обзор.НЦПТИ. 2020. № 3 (22). С. 43–47.

³ Назаров В.Л., Колегова Н.С., Горбунов Е.В. Технологии профилактики вовлечения молодежи в деятельность деструктивных организаций, групп и сообществ в сети интернет (на примере Свердловской области) // Обзор.НЦПТИ. 2021. №2 (25). С. 37–44.

⁴ Сериков А. В. Третья генерация молодежных экстремистских организаций в российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2018. № 3 (7). С. 77–87.

⁵ Брайко Д.Н., Быкадорова А.С. Экстремизм, терроризм и информационные угрозы глазами молодежи Ростовской области (опыт пилотажного исследования) // Обзор.НЦПТИ. 2018. № 3 (14). С. 53–61.

⁶ Пашенко И.В. Идеология террористических сообществ в сети Интернет: технологии распространения и специфика противодействия // Caucasian Science Bridge. 2018. №1 (2). С. 12–24; Пашенко И.В. Информационная активность радикальных националистических объединений в социальных сетях рунета и терроризм // Гуманитарий Юга России. 2022. №1. С. 73–86.

⁷ Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д. Факторный анализ динамики региональной ситуации на Северном Кавказе через призму человеческого капитала // Власть. 2017. № 1. С. 33–45; Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Лепилкина О. И., Шульга М. М. Террористические угрозы на Юге России: мнение политиков и экспертов // Научная мысль Кавказа. 2017. № 4. С. 70–77; Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В., Гриценко Г. Д. (и др.). Юг России в зеркале конфликтологической экспертизы / под ред. акад. Г.Г. Матишова, Н.И. Голубевой, В.А. Авксентьева. Р-на-Дону: изд-во ЮНЦ РАН. 2011.

Поскольку распространение идеологии политического экстремизма происходит преимущественно в среде новых медиа, важно отметить работы ученых, внесших огромный вклад в научную разработку данной проблематики. Теоретическое обоснование трансформаций, происходящих в современном обществе в связи с переходом к новой парадигме общественного развития, отражено в трудах М. Кастельса¹, М. Маклюэна² и др. Данное исследование опирается, прежде всего, на классические исследования в сфере новых медиа, проведенных Г. Дженкинсом³, Л. Мановичем⁴ и др. Особый вклад в изучение новых медиа внесли разработчики теорий медиатизации и концепта медиатизированных миров, среди которых можно выделить: А. Хепп⁵, В. Шульц⁶, Дж. Томпсон⁷, Н. Коулдри⁸, Р. Сильверстоун⁹, С. Хьярвард¹⁰, Ф. Кротц¹¹ и др. Важную роль в понимании принципов и механизмов функционирования современного информационного

¹ Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016.

² McLuhan, E. The Genesis of Laws of Media // The Antigonish Review. № 74, V. 5, 1988.

³ Jenkins, H. (2006). *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York: New York University Press.

⁴ Манович Л. Теории софт-культуры. Изд-во: Красная ласточка. 2018.

⁵ Hepp A. The communicative figurations of mediatized worlds: Mediatization research in times of the 'mediation of everything' // *European Journal of Communication*. 2013. Vol. 28. No. 6. P. 615-629.

⁶ Schultz W. Reconstructing mediatization as an analytical concept. *European Journal of Communication*. 2004. No. 19 (1). P. 87–101.

⁷ Thompson J.B. *The Media and Modernity. A Social Theory of the Media*. Cambridge. URL: <https://johnpostill.com/2010/03/30/communication-and-social-context-thompson-1995/> (data access: 11.08.2020).

⁸ Couldry N. *Media Rituals: A Critical Approach*. Routledge. URL: <http://eclass.uoa.gr/modules/document/file.php/MEDIA165/media%20rit-uals.pdf> (data access: 11.08.2020).

⁹ Silverstone R. *Media and Morality: On the Rise of the Mediapolis*. Cambridge: Polity Press. 2006.

¹⁰ Hjarvard S. *The Mediatization of Culture and Society*. London: Routledge 2013. 173 p.

¹¹ Krotz F. From a social worlds perspective to the analysis of mediatized worlds // *Media Practice and Everyday Agency in Europe* / Ed. by L. Kramp, N. Carpentier, A. Hepp, et al. Bremen: Edition Lumière, 2014. P. 83-99.

пространства играет сетевой подход, в развитие которого внесли большой вклад И.В. Мирошниченко¹, Е.В. Морозова², Л.В. Сморгунов³ и др.

Поскольку в цифровой среде одной из основных причин вовлечения в экстремистскую деятельность является низкий уровень критического мышления, важно отметить исследования в сфере когнитивных искажений (А. Тверски и Д. Канеман⁴, Б. Фишхофф⁵, Р. Перлофф⁶), функционирования эхо-камер (С. Санстейн⁷) и пузырей фильтров (И. Паризер⁸), доминирования механизмов алгоритмизации (Д. Кардон⁹) при формировании новостных лент пользователей интернет-поисковиков и социальных сетей.

Особенности развития критического мышления и медиаграмотности в условиях активной цифровизации исследуют с опорой на эмпирический опыт

¹ Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А., Гнедаш А.А., Поляризация дискурсивного пространства (на примере хэштэга #RUSSIA в социальной сети TWITTER) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. №1 (58). С 53–60.

² Мирошниченко И.В., Морозова Е.В. Публичная политика как пространство конвертации нематериальных ресурсов в факторы развития территорий // Полит. наука. 2022. №3. С. 144–161.

³ Сморгунов Л. В. Институты публичного управления интернетом: сравнительный анализ России, Беларуси и Казахстана // Управленческое консультирование. 2020. №12 (144). С. 24–39; Сморгунов Л.В. Современные тенденции в государственном управлении: от нового государственного менеджмента к управлению публичной политикой // Полит. наука. 2022. №3. С. 100–121.

⁴ Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения / Пер. с англ. Х.: Ин-т прикладной психологии «Гуманитарный Центр», 2005.

⁵ Fischhoff, V. An early history of hindsight research. *Social Cognition*, 25, 2007. P. 10-13.

⁶ Perloff R. *Political Communication: Politics, Press, and Public in America*. Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1998.

⁷ Sunstein C.R. *Echo chambers*. Princeton, Princeton University Press, 2001. 108 p.

⁸ Паризер Э. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? / Пер. с англ. А. Широкова. М.: Альпина Бизнес Букс. 2012.

⁹ Cardon D. What re Algorithms dreaming of? *The Berlin Review of Books*. 2017.

Е.В. Бродовская, А.Ю. Домбровская, Р.В. Пырма, А.А. Азаров, Д.Н. Карзубов¹, Ю.Н. Грицкевич, С.В. Лукьянова, Л.М. Попкова², С.А. Чурилов³ и др.

Важно подчеркнуть, что в Российской Федерации создано достаточно количество научно-исследовательских коллективов, занимающихся исследованиями противодействия экстремизму с учетом региональной специфики. Следует отметить опыт экспертов из Республики Дагестан, в первую очередь, коллектив кафедры философии и социально-политических наук Дагестанского государственного университета М.Я. Яхьяева⁴, М.М. Гаджиева М.М.⁵ и др., Е.С. Гундарь из Северо-Кавказского федерального университета (Ставропольский край)⁶, а также Республики Татарстан, в

¹ Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В., Азаров А.А. Специфика критического мышления российской молодежи в условиях цифровизации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. № 1. С. 14–23.

² Грицкевич Ю. Н., Лукьянова С.В., Попкова Л.М. Медиатекст и медиаграмотность в системе высшего образования // СНВ. 2022. №4. С. 253–258.

³ Чурилов С.А., Шевченко Т.С. Курс «Медиаграмотность» для школьников: как разработать и внедрить в образовательный процесс // Обзор.НЦПТИ. 2023. № 2(33). С. 37–41.

⁴ Яхьяев М.Я. Превращенные формы исламских феноменов как идеологическая основа экстремизма и терроризма / В сборнике: Российский ислам как фактор укрепления межнационального и межконфессионального мира и согласия. Материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к празднованию 1100-летия принятия Ислама Волжской Булгарией. Казань, 2023. С. 169-177; Яхьяев М.Я. Шахидство в исламе и шахидизм в современном мире // Исламоведение. 2021. Т. 12. № 2 (48). С. 19-33.

⁵ Гаджиев М.М. Феномен культурного экстремизма в российском обществе: теоретический концепт и реальные проявления // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 3 (91). С. 942-950; Гаджиев М.М. Культурный экстремизм в российском обществе: от реальных проявлений к попытке осмысления // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2022. Т. 37. № 1. С. 53-58.

⁶ Гундарь Е.С. О предотвращении экстремизма // Региональные политические исследования. 2015. № 1 (6). С. 47–49; Гундарь Е.С., Пальцев И.М. Новые формы молодежной политической активности в Российской Федерации (на примере Юга России) // Современная наука и инновации. 2017. № 4. С. 235–239.

частности исследования представителей экспертного совета при региональной антитеррористической комиссии Р.Ф. Патеева,¹ А.В. Иванова² и др.

Однако в накопленной научно-исследовательской базе по-прежнему остаются точки роста, вклад в решение которых может внести данное диссертационное исследование, а именно:

— актуализация подходов к пониманию политического экстремизма как явления, определение механизмов распространения проявлений политического экстремизма в современных условиях в цифровой среде новых медиа, а также в целом формирование и структуризация полноценной теории политического экстремизма в настоящее время;

— определение и систематизация используемых экстремистскими движениями и организациями нарративов как идейно-повествовательных установок для последующего вовлечения граждан в противоправную деятельность.

Не менее важна научная проработка на основе эмпирического опыта особенностей восприятия объектом профилактического воздействия (в первую очередь, молодежи) проблематики экстремизма и предпринимаемых мер по борьбе с угрозой для последующей корректировки деятельности.

Еще один важный пласт для проработки — научно-практическое сопровождение процесса подготовки кадров в сфере профилактики, в том числе привлекаемых лекторов и экспертов в проведении непосредственно профилактической работы.

¹ Патеев Р.Ф. Джихадистская субкультура: механизмы радикализации и внешнее проявление // Гражданско-патриотическое воспитание молодежи – вопрос национальной безопасности: материалы Всероссийской национальной научно-практической конференции (Ростов н/Д, Таг, С., Симф., 25–26 апреля 2018 г.). Т.2. / Южный федеральный университет; Ростов н/Д; Т.: Изд-во ЮФУ, 2018. С. 204–211.; Развитие российской модели мусульманского образования как фактор противодействия экстремизму / Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Мх: Изд-во «Лотос», 2007.

² Иванов А.В., Козлов В.Е. Конструирование радикальной субкультурной идентичности в культурно сложном обществе // Казанский педагогический журнал. 2020. №5. С.253–256.

Объектом исследования является политический экстремизм как социально-политический феномен.

Предметом исследования: специфика, формы и технологии противодействия политическому экстремизму в контексте применения новых медиа в Российской Федерации.

Цель исследования – выработка и обоснование эффективных методик и технологий противодействия политическому экстремизму в эпоху новых медиа.

Для достижения заявленной в работе цели потребовалось решение следующих **задач**:

- концептуализировать понятие «политический экстремизм» на основе анализа актуальных теоретико-методологических подходов;
- охарактеризовать роль новых медиа как платформ распространения политического экстремизма;
- определить механизмы и особенности распространения идеологии политического экстремизма посредством новых медиа;
- выявить основные черты, нарративные стратегии и деструктивные нарративы политического экстремизма;
- сформулировать рекомендации эффективных технологий противодействия политическому экстремизму в эпоху новых медиа;
- охарактеризовать роль субъектов противодействия политическому экстремизму на всех уровнях (федеральный, региональный и местный).

Исследовательский вопрос диссертационного исследования. Какие новые характеристики приобретает политический экстремизм в современных условиях роста влияния новых медиа и как выстроить систему эффективного противодействия политическому экстремизму, в том числе в молодежной среде?

Хронологические рамки исследования – с 2010 года по 2023 год, в которых отражаются процессы и результаты трансформации угроз

политического экстремизма для национальной безопасности, в том числе на фоне проведения специальной военной операции по демилитаризации и денацификации политического режима Украины.

Территориальные рамки исследования охватывают современную территорию Российской Федерации с учетом референдумов 2022 года, по результатам которых в состав государства вошли Донецкая и Луганская народные республики, Запорожская и Херсонская области.

Теоретико-методологические основания данного исследования соответствуют предмету, цели и поставленным задачам. Исследование выполнено на основе методологических принципов структурно-функционального, компаративного и деятельностного подходов.

Структурно-функциональный подход, в рамках которого каждый субъект противодействия угрозам обязан вносить свой вклад в общую работу по достижению поставленных целей, повышать в целом качество работы системы и ее устойчивость перед воздействием угроз, позволяет определить основные функциональные связи в системе противодействия экстремизму и профилактики распространения его проявлений в современных условиях. Данный подход позволил максимально полно решить задачу по характеристике роли субъектов противодействия политическому экстремизму на всех заявленных уровнях.

Сравнительный метод применялся, в первую очередь, на принципах синхронного кросс-темпорального анализа, позволившего определять особенности, механизмы действий различных экстремистских течений и организаций за обозначенный хронологический промежуток, рассматриваемый в диссертационном исследовании. С помощью сравнительного подхода удалось решить в пределах его возможностей поставленную задачу по определению механизмов и особенностей распространения идеологии политического экстремизма в цифровой среде новых медиа.

В рамках использования деятельностного подхода диссертантом процесс выстраивания и обеспечения системы противодействия экстремизму рассматривается как процесс выработки, принятия и реализации решений для государства, общества и отдельных групп граждан внутри этого общества. Однако важно отметить, что простым формальным подходом представляется возможным обеспечить соблюдения гражданами действующего антиэкстремистского законодательства. Но в современных условиях данной меры недостаточно, поскольку цель профилактической работы заключается в дискредитации негативных установок, привитии позитивных установок и моделей поведения, которые сами граждане будут воспринимать как органичную часть своего сознания, и не насильно навязанную установку, от которой они будут готовы отказаться при первой возможности. Благодаря деятельностному подходу решена задача по формулированию рекомендаций эффективных технологий противодействия.

Теоретической основой диссертационного исследования послужили, с одной стороны, результаты исследований М.К. Арчакова¹, Н.Б. Бааль², А.И. Кугая³ и Р.Н. Гетца⁴, акцентировавших в своих исследованиях политическую составляющую в само понятие «экстремизм» политическую составляющую, проявляющуюся в стремлении насильственными методами изменить существующий политический режим и порядок взаимоотношений в обществе. С другой стороны, поскольку диссертационное исследование сфокусировано на особенностях и механизмах распространения политического экстремизма в

¹ Арчаков М.К. Политический экстремизм в России: сущность, проявления, меры противодействия: дис. ... док. полит. наук. Благ. 2016. – 2016.

² Бааль Н.Б. Методы профилактики политического экстремизма молодежи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1 (11). С. 293–297.

³ Кугай А. И. Надежды и разочарование: процессы вовлечения в радикальные экстремистские группировки и выхода из них // Управленческое консультирование. 2023. № 2. С. 122–131.

⁴ Гетц Р.Н. Политический экстремизм: позиции видения в современной научной литературе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Т., 2011. № 4 (10). С. 43–47

цифровой среде новых медиа, фундаментальной частью теоретической основы выступает теория сетевого общества М. Кастельса¹.

Концептуальная основа как совокупность представлений об исследовании заявленной проблемы представлена следующими важными компонентами:

— в контексте исследования основ функционирования современного медиапространства: теория медиатизация реальности С. Хьярварда², теория символического интеракционизма Ф. Кротца³, теория медийного конструирования реальности Н. Коулдри⁴, теория культурной конвергенции Г. Дженкинса⁵,

— в контексте исследования новых медиа как площадки для функционирования экстремистских течений и организаций: концепция «эхо-камер» К. Санстейна⁶, концепция «пузырей фильтров» Э. Паризера⁷, теория когнитивных искажений Д. Канемана, П. Слолика, А. Тверски⁸;

— в контексте механизмов обеспечения вовлечения граждан в экстремистскую деятельность, а также механизмов предотвращения вовлечения: нарративная парадигма У. Фишера⁹, нарративные стратегии В.И.

¹ Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016.

² Hjarvard S. The Mediatization of Culture and Society. London: Routledge, 2013. 173 p.

³ Krotz F. From a social worlds perspective to the analysis of mediatized worlds // Media Practice and Everyday Agency in Europe / Ed. by L. Kramp, N. Carpentier, A. Hepp, et al. Bremen: Edition Lumière, 2014. P. 83-99.

⁴ Couldry N., Hepp A. The Mediated Construction of Reality. Cambridge: Polity Press. 2016.

⁵ Дженкинс, Г. Конвергентная культура. Москва: РИПОЛ классик. 2019.

⁶ Sunstein C.R. Echo chambers. Princeton, Princeton University Press, 2001.

⁷ Паризер Э. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? / Пер. с англ. А. Широкова. М.: Альпина Бизнес Букс, 2012.

⁸ Канеман Д., Слолик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения / Пер. с англ. Х.: Ин-т прикладной психологии «Гуманитарный Центр», 2005.

⁹ Fisher, W. R. Clarifying the narrative paradigm. Communication Monographs. 1989. No. 56(1), p. 55- 58.

Тюпы¹, Е.И. Шейгал² и А.А. Филинского³; исследования в сфере когнитивной нарратологии, включая теорию когнитивной рецепции Й. Эдера⁴, а также публикации Т.А. Подшибякиной⁵, С.П. Поцелуева и М.А. Константинова⁶, обобщающие проблемы использования когнитивной нарратологии в предметном поле политической науки. Акцент на нарративы и их тесную взаимосвязь с когнитивистикой сделан вследствие того, что именно они выступают ключевым инструментом функционирования экстремистских течений и организаций в цифровой среде новых медиа.

Всестороннее изучение выше обозначенных теоретической и концептуальной основ, а также применение методологических принципов ранее сформулированных подходов позволили решить задачи по концептуализации понятия «политический экстремизм», а также охарактеризовать роль новых медиа как платформ распространения политического экстремизма.

В качестве эмпирических методов исследования автором использовались традиционный анализ документов, анализ статических данных, метод нарративного анализа, метод анкетирования, игровые методы, методы наблюдения, метод исследования конкретных ситуаций.

Традиционный анализ документов (нормативно-правовые акты, публикации в масс-медиа и т.д.) применен для выявления и описания нормативных компонентов государственной политики по противодействию

¹ Тюпа В.И. Жанровая природа нарративных стратегий // Филологический класс. 2018. № 2. С. 19–24.

² Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. В: Перемена, 2000.

³ Филинский А.А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999 - 2000 г.г.: автореф. дис. ^ канд. филол. наук. Тв, 2002.

⁴ Eder J. Narratology and Cognitive Reception Theories. Т. Kind, Н.-Н. Müller (eds). What Is Narratology? Questions and Answers Regarding the Status of a Theory. В.: de Gruyter, 2003. P. 277–301.

⁵ Подшибякина Т.А. Когнитивная нарратология: методологические возможности исследования в политической науке // Политическая наука. 2023. №3. С. 81–97.

⁶ Potseluev S.P., Konstantinov M.S., Podshibyakina T.A. Strategies of cognitive censorship as an effect of “new media” // Dilemas contemporáneos: Educación, Política y Valores. 2020. Vol. VII.

экстремизму, в том числе в цифровой среде новых медиа. Анализ статических данных позволил определить тенденции в динамике совершений противоправных действий экстремистского характера, а также примерный социальный портрет экстремистов в современной Российской Федерации. Использование методов анализа документов и статических данных внесло вклад в решение задач по концептуализации понятия «политический экстремизм» и по определению основных черт политического экстремизма.

Метод нарративного анализа использовался для выявления структурных компонентов и идейных конструктов экстремистских течений, сообществ и организаций, действующий в цифровой среде новых медиа. Благодаря методу нарративного анализа выявлены нарративные стратегии и деструктивные нарративы политического экстремизма.

Метод анкетирования использовался для оценки восприятия угроз экстремистского характера самой молодежью как наиболее уязвимой целевой группой в рамках проводимых НЦПТИ ФГАНУ НИИ «Спецвузавтоматика» всероссийских социологических исследований среди обучающихся образовательных организаций высшего образования. Авторский вклад в исследовании заключается в работе в качестве эксперта и соисполнителя при разработке формы анкеты для опроса, сбора результатов и интерпретации результатов. Использование метода анкетирования позволило внести вклад в решение целого перечня задач: характеристики роли новых медиа как платформ, формулирования рекомендаций эффективных технологий противодействия политическому экстремизму.

Игровые методы применялись автором в рамках проведения в качестве ведущего/лектора/эксперта профилактических мероприятий как общего, так и адресного характера с различным целеполаганием: общепрофилактические мероприятия для закрепления неприятия проявлений экстремизма среди молодежи, как адресные – для выявления наиболее уязвимых среди групп риска. Методы наблюдения также использовались в рамках профилактических мероприятий, однако автор диссертационного исследования выступал в

качестве фиксирующего динамику поведения и особенности речевых действий участников таких мероприятий. Благодаря игровому методу частично решена задача по формулированию рекомендаций эффективных технологий противодействия политическому экстремизму.

Метод конкретных ситуаций (англ. case study) применялся для исследования конкретных отдельных экстремистских течений и проявлений экстремизма в цифровой среде новых медиа, а также организаций, непосредственно признанных на основе судебных решений экстремистскими в Российской Федерации. Собственно, данный метод позволил решить поставленные задачи: охарактеризовать роль новых медиа, определить особенности распространения идеологии политического экстремизма, а также выявить основные черты.

Эмпирическая база диссертационного исследования представлена комплексом источников, характеризующих современную ситуацию в сфере противодействия и профилактики распространения экстремистских проявлений в сети Интернет и молодежной среде.

В первую группу источников вошли нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность по защите национальной безопасности, противодействию экстремизму и распространению радикальных идеологий в интернете: Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ¹; Указ Президента РФ от 29.05.2020 г. №344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года»², Указ Президента РФ от 02.07.2021 н. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»³,

¹ О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18939> (дата обращения: 22.10.2023)

² О Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г.: Указ Президента РФ от 29.05.2020 N 344 [Электронный ресурс] // Консультант.Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 22.10.2023)

³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 [Электронный ресурс] // Консультант.Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 22.10.2023)

Указ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 г. № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц»¹ и т.д.

Вторую группу эмпирических источников составляют открытые разработки и материалы аналитических агентств в сфере информационных технологий: АНО «ЦИСМ», АО «Крибрум», проект «Госдиджитал», Brand Analytics, MediaScope и др.

Третьей группой эмпирических источников выступают результаты реализации экспертных, научно-исследовательских и практико-ориентированных задач, выполненных автором диссертационного исследования в статусе участника/эксперта/руководителя рабочих групп в период работы в НЦПТИ ФГАНУ НИИ «Спецвузавтоматика» и деятельности в качестве эксперта автономной некоммерческой организации «Интернет без угроз»:

- результаты проведения в период с 2019 по 2023 год мониторинга интернета (в частности, социальных сетей, мессенджеров и видеохостингов) на предмет выявления противоправного контента, в том числе экстремистской направленности (за обозначенный хронологический промежуток выявлено более 2 500 ссылок на экстремистские материалы). Мониторинг представляет собой гибридный (с использованием специальных автоматизированных систем (парсеров) и с элементами ручного поиска и обработки информации) формат с отбором материалов, имеющих признаки противоправного контента, с последующим направлением выявленной информации в

¹ Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 г. № 430-р (ред. от 29.10.2022 г.). [Электронный ресурс] // Консультант.Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411064/e8730c96430f0f246299a0cb7e5b27193f98fdaa/ (дата обращения: 22.10.2023)

правоохранительные органы для последующего реагирования^{1, 2}. Детальное описание процедуры мониторинга представлено в приложении 1;

- результаты анализа статистических данных по преступлениям экстремистской направленности на территории Российской Федерации с 2018 по 2022 год, опубликованные в рамках отдельной статьи. Детальное описание процедуры анализа статистических данных представлено в приложении 2³;

- результаты федеральных социологических исследований по поручению Министерства науки и высшего образования Российской Федерации об уровне восприятия экстремизма и радикальных идеологий в образовательной среде. 3 исследования проведены с 2019 по 2021 годы: в 2019 опрошено более 5 000 студентов вузов ЮФО, СКФО; в 2020 году – более 11 000 студентов вузов УрФО и ПФО; в 2021 году – более 30 000 студентов вузов ЦФО, СЗФО, ДФО, СФО^{4,5,6,7}. В 2023 году проведено единое на все федеральные округа социологическое исследование «Восприятие радикальных идеологий в образовательной среде»⁸ во всех федеральных

¹ Венцель С.В. Особенности мониторинга противоправного контента в интернете в рамках киберволонтерской деятельности // Обзор. НЦПТИ. № 1 (24). 2021. С. 30–37.

² Волощук А.В. Противоправный контент в русскоязычном сегменте сети Интернет: динамика изменений за период с 2015 по 2020 гг // Обзор. НЦПТИ. № 4 (23). 2020. С. 42–52.

³ Венцель С.В., Врембьяк А.А. Статистические данные по преступлениям экстремистской направленности на территории России // Обзор. НЦПТИ. 2023. № 4(35). С. 22–44.

⁴ Социологическое исследование об уровне восприятия экстремизма в образовательной среде [Электронный ресурс] // Интерактивная карта профилактической деятельности в образовательных организациях и научных учреждениях Российской Федерации. URL: <https://map.ncpti.ru/events/24-03-2022-sotsiologicheskoe-issledovanie-ob-urovne-vospriyatiya-ekstremizma-v-obrazovatelnoy-srede> (дата обращения: 04.11.2023).

⁵ Восприятие экстремизма и других информационных угроз в образовательной среде // Обзор.НЦПТИ. 2022. №1 (28). С. 18–28.

⁶ Куценко М.В. Восприятие молодежью экстремистских идеологий в образовательной среде на примере ЮФО и СКФО: анализ результатов социологического исследования // Обзор.НЦПТИ. 2020. № 2(21). С. 47–55.

⁷ Куценко М.В. Восприятие экстремизма и других информационных угроз в образовательной среде Приволжского и Уральского федеральных округов: анализ результатов социологического исследования // Обзор.НЦПТИ. 2020. № 4(23). С. 12–32.

⁸ Куценко М.В., Венцель С.В. Восприятие радикальных идеологий в образовательной среде: результаты социологического исследования // Обзор.НЦПТИ. 2024 г. № 2(37).

округах (включая новые субъекты после референдумов 2022 года), всего опрошено более 50 000 респондентов – представителей студенческого сообщества. Описание процедуры проведения социологического исследования представлено в приложении 3;

- результаты экспертизы 30-ти комплектов методических рекомендаций, разработанных подведомственными федеральным органам исполнительной власти организациями по тематике противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма. Экспертиза проходила в рамках Рабочей группы по противодействию терроризму Координационного совета Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма Рекомендованные к использованию рекомендации загружены на интернет-ресурс «Интерактивная карта профилактической деятельности в образовательных организациях и научных учреждениях Российской Федерации» в разделе «Методические рекомендации»¹. Публичное представление алгоритма анализа не является возможным;

- результаты анализа на нарушение действующего антиэкстремистского законодательства, полученных из новых субъектов Российской Федерации, 30-ти украинских информационно-просветительских материалов, выявленных в библиотеках и образовательных организациях². Описание процедуры проведения анализа представлено в приложении 4;

- материалы интернет-ресурса «Интерактивная карта профилактической деятельности в образовательных организациях и научных

¹ На заседании Рабочей группы по противодействию терроризму Координационного совета обсудили результаты анализа методических рекомендаций [Электронный ресурс] // Координационный совет Минобрнауки России. URL: <https://news.ncpti.ru/news/4> (дата обращения: 04.11.2023).

² Венцель С.В., Волощук А.В., Саенко А.В. Исследование украинских националистических информационно-просветительских материалов: результаты анализа и выводы // Обзор. НЦПТИ. 2023. № 1 (31). С. 30–42.

учреждениях Российской Федерации»¹, а именно информация о профилактических мероприятиях в сфере противодействия экстремизму и иным деструктивным явлениям, проведенных во всех субъектах Российской Федерации с 2019 по 2023 годы.

Перечисленная эмпирическая база обладает высокой степенью репрезентативности, поскольку охватывает работу со всеми направлениями противодействия политическому экстремизму в цифровой среде новых медиа: нормативно-организационный каркас деятельности, непосредственную профилактическую работу с целевыми аудиториями, взаимодействие с ресурсами-носителями идеологии политического экстремизма.

Научная новизна результатов исследования состоит в следующих ключевых компонентах:

- формулирование авторского определения термина «политический экстремизм», прописанного в основных положениях диссертации, выносимых на защиту;
- характеристика новых медиа как платформ для распространения проявлений политического экстремизма, идеологических конструктов экстремистских организаций и движений, а также вовлечения граждан в противоправную экстремистскую деятельность;
- формулирование авторского подхода к пониманию механизмов распространения идеологии политического экстремизма посредством новых медиа;
- разработка авторской системы медиа-характеристик, технологий привлечения сторонников, основных нарративных стратегий и нарративов, используемых экстремистскими течениями и организациями вне зависимости от идейной принадлежности;

¹ Интернет-ресурс «Интерактивная карта профилактической деятельности в образовательных организациях и научных учреждениях Российской Федерации». URL: <https://map.ncrti.ru/> (дата обращения: 04.11.2023).

- типологизация технологий противодействия распространению политического экстремизма, в том числе в среде новых медиа;
- концептуализация модели системы противодействия распространению политического экстремизма с определением функций и примеров действий субъектов противодействия политическому экстремизму на всех уровнях управления с указанием роли региональных Координационных центров по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Современный политический экстремизм — комплексное социально-политическое явление, адепты которого способны даже при блокировке отдельных ресурсов в цифровой среде новых медиа оперативно создавать и использовать иные каналы, аккумулировать и распространять радикальные идеологические установки и противоправные практики для подрыва текущего конституционного порядка. Адепты политического экстремизма способны действовать как автономные боевые единицы, используя широкий спектр технологий (делегитимация существующего общественно-политического порядка в общественном сознании, демонстративное формирование альтернативного порядка внутри общественного сознания; переход к действиям, в том числе насильственным) с последующей трансформацией в террористов.

2. Платформы новых медиа – это пространственные по своей глубине и возможности охвата аудитории коммуникационные площадки, фундамент которых находится в интерактивной форме манипуляций с информационными ресурсами. Такие платформы являются оптимальным пространством для медиатизированных миров как сообществ, построенных на принципах интерактивного создания информационных ресурсов и равенства пользователей, а также выступающих в качестве инструментов накопления и

обмена социальным опытом. Ключевой механизм функционирования медиатизированных миров, а также формирования в них социальной действительности и виртуальной реальности — нарративы и полноценные нарративные стратегии.

3. Основой деятельности экстремистских организаций и распространения проявлений политического экстремизма в цифровой среде новых медиа остается идеология. Однако основными механизмами распространения политического экстремизма в цифровой среде новых медиа помимо классической пропаганды выступают особенности функционирования самой среды (определенные алгоритмы поисковых запросов, структуризация новостных лент, формирование пузырей фильтров и замыкание пользователей в эхо-камерах), а также подверженность пользователей деструктивному воздействию благодаря наличию в сознании когнитивных искажений.

4. Среди основных технологий вовлечения в экстремистскую деятельность в среде новых медиа следует выделить интерактивные игровые практики, тактики ингимаси и субкультуры, пропагандирующие вербальную агрессию и реальное насилие. В основу экстремистских медиатизированных миров положены особые нарративные стратегии: конструирование собственной общности и выстраивание идентичности; конструирование образа противостоящих социальных групп с приданием им максимально негативных черт; актуализация и репрезентация общественных проблем и конфликтов между различными социальными группами; усиление собственной идентичности за счет системной виктимизации и обвинений других социальных групп в причинах накопленных проблем; снятие барьеров на применение насилия в отношении других социальных групп благодаря демонизации их образов; обоснование необходимости применения насилия для защиты на фоне эскалации конфликта; полная делигитимация образа других социальных групп для последующего их уничтожения, что фактически означает переход к полномасштабному террору. Вне зависимости от

тематической направленности нарративные стратегии эксплуатируют единый перечень нарративов: «погибающее общество», «демонический враг», «предательское окружение», «братство», «герой-спаситель», «лучший мир».

5. В современных условиях политический экстремизм приобретает черты динамического явления, что, соответственно, требует организации и проведения постоянного мониторинга общественно-политической сферы, своевременного внесения изменений в законодательную базу, применения актуальных подходов к профилактике, а также разработки действенного профилактического контента. Поэтому предлагается следующий перечень технологий: нормативно-правовые, организационные, просветительские и информационные. Среди актуальных подходов к профилактической работе следует выделить: институционализация и плановый характер; опора на результаты мониторинга угроз; содержательный и полезный характер профилактических мероприятий; совершенствование профилактической работы на основе обратной связи, а также за счет поиска новых форматов и смыслов для работы с аудиторией. В рамках современной профилактической работы важно делать акцент на инструменты защиты от вовлечения в деструктивные явления, на повышение уровня когнитивной ригидности перед воздействием политического экстремизма, а также на траекториях успешного развития и совершенствования каждой отдельной личности в условиях проводимой против Российской Федерации гибридной войны со стороны недружественных государств и киевского режима.

6. Современная система профилактической работы должна включать в себя широкий спектр субъектов, действующих по нескольким ключевым векторам: информационно-просветительская и профилактическая работа; деятельность в сфере новых медиа по обеспечению информационной безопасности. Данные векторы объединяют органы государственной власти, правоохранительные органы, образовательную систему, институты гражданского общества и лидеров общественного мнения, отдельных граждан как киберволонтеров, а также компании в области информационных

технологий. На региональном и муниципальном уровнях центральным звеном профилактической работы и ключевым партнером для других субъектов профилактики становятся создаваемые на базе ВУЗов Координационные центры по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма. Обеспечение информационной безопасности предполагает, в первую очередь, мониторинг на выявление и пресечение угроз, а также создание и распространение профилактических материалов. Критически важно привлекать к данному направлению деятельности именно молодежь, способную при выполнении задачи аккумулировать особенности собственной целевой аудитории профилактического воздействия, актуальные форматы самого материала и механизмы площадок по распространению позитивного контента.

Научно-теоретическая значимость исследования. В диссертационном исследовании сформулировано авторское определение политического экстремизма с позиции концепции новых медиа, выявлен потенциал использования теории медиатизации и концепта медиатизированных миров в контексте изучения проблематики политического экстремизма, а также определены актуальные нарративные технологии экстремистских организаций в новых медиа.

Практическая значимость полученных автором результатов заключается в формулировании актуальных подходов к реализации профилактической работы по противодействию экстремистским проявлениям в молодежной среде, включающих в себя оценку возможностей использования действенных форматов и моделей реализации профилактической деятельности. Основные практические выводы диссертационного исследования могут быть использованы в качестве ориентиров в образовательной сфере и молодежной среде для совершенствования системы профилактики распространения экстремизма, включая политический

экстремизм. Материалы исследования могут быть интегрированы в программы высшего образования по следующим направлениям подготовки: «Политология», «Государственное и муниципальное управление», «Конфликтология».

Диссертационное исследование соответствует паспорту специальности **5.5.2. Политические институты, процессы, технологии** по следующим направлениям исследований: пункты 19 «Глобализация, сетевизация и цифровизация: политические аспекты», 20 «Механизмы и технологии управления политическими изменениями» и 29 «Информационные процессы и управление политическими коммуникациями: традиционные СМИ, социальные медиа и сети».

Апробация результатов исследований.

Данная диссертация является логическим продолжением научно-исследовательских работ, производимых на кафедре теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета и в Национальном центре информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет, посвященных проблематике процессов распространения политического экстремизма и его идеологии в цифровой среде новых медиа.

Промежуточные и итоговые результаты исследования апробированы на 15 научных конференциях и научно-практических форумах всероссийского уровня, среди них наиболее важные: XVII Международная конференция по вопросам участия СМИ в противодействии терроризму (Москва, 2021 г.), молодежный научно-практический форум «Большой Кавказ: культурно-исторические, этнополитические и международные контуры развития» (Ростов-на-Дону, 2022 г.), III Всероссийская научно-практическая конференция «Теоретические и практические проблемы современного правопонимания» (Мурманск, 2022 г.), Всероссийский форум по профилактике распространения идеологии терроризма и экстремизма

«Формула согласия» (Махачкала, 2022 г.), XVI Всероссийский форум «Современные системы безопасности – Антитеррор» (Красноярск, 2023 г.), Всероссийский научно-практический форум «Безопасность в науке и образовании» (Ростов-на-Дону, 2023 г.), Всероссийский межведомственный форум «Планёрка профилактики» (Москва, 2023 г.) и т.д. Следует отметить, что не все конференции предполагали подготовку статей для последующей публикации, а только непосредственно выступление с определенными тезисами или результатами работы в рамках НЦПТИ ФГАНУ НИИ «Спецвузавтоматика».

Также промежуточные результаты исследования легли в основу:

- подготовки ряда материалов учебно-методических комплексов (включая записи видеолекций, разработки практических заданий и тестовых упражнений и т.д.) для реализации следующих курсов дополнительного профессионального образования НЦПТИ ФГАНУ НИИ «Спецвузавтоматика»: «Противодействие идеологии терроризма в Российской Федерации» (180 ак.ч.), «Противодействие идеологии терроризма в образовательных организациях высшего образования» (36 ак.ч.), «Курс для киберволонтеров» (36 ак.ч.), «Наставничество как форма эффективного противодействия угрозам безопасности (8 ак.ч.);

- лекционных и презентационных материалов для проведения учебно-практических семинаров и обучающих мероприятий для специалистов органов исполнительной власти, органов местного самоуправления и образовательных организаций в сфере противодействия идеологии терроризма, профилактики экстремизма и прочих деструктивных явлений (всего автор диссертационного исследования принял участие в качестве лектора в 39 мероприятиях в период с 2019 по 2023 год).

Основные положения диссертации изложены автором в 32-х научных статьях общим объемом более 25-ти печатных листов, в том числе в 7 статьях в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства

науки и высшего образования Российской Федерации для публикации результатов кандидатских диссертаций.

Методики профилактики распространения экстремистских проявлений среди молодежи апробированы автором диссертационного исследования в рамках:

- разработки 32-х профилактических материалов в формате информационных карточек, лонгридов и видеороликов для распространения в социальных сетях («ВКонтакте»), видеохостингах (YouTube, RuTube) и мессенджерах (Telegram);

- разработки и практической апробации 6-ти сценариев профилактических мероприятий («Квиз», «Кинопоказ», «Холивар», «Открытый диалог «Встреча с героем», «Символика преступной идеологии нацизма», «О духовно-нравственных ценностях в жизни молодежи»), опубликованных в подготовленных по поручению Минобрнауки России Сборниках сценариев профилактических мероприятий (2022, 2023 гг.). Всего организовано и проведено более 50 профилактических мероприятий для молодежи с 2019 по 2023 годы;

- разработки по поручению Минобрнауки России и практической апробации практикоориентированного учебного курса объемом 144 ак.ч. для обучающихся образовательных организаций высшего образования «Противодействие идеологии терроризма в Российской Федерации», включающего в себя лекции и практические занятия по профилактике распространения экстремистских проявлений. Курс разработан с целью подготовки новых кадров в системе противодействия терроризму и экстремизму и апробирован в 2022 и 2023 годах на базе Института социологии и регионоведения ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет».

Диссертация обсуждена на расширенном заседании кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета.

Диссертация состоит из введения, трех глав, шести параграфов, заключения, списка использованной литературы, четырех приложений.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СПЕЦИФИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ЭПОХУ НОВЫХ МЕДИА

1.1. Теоретические подходы к пониманию политического экстремизма

Проблема широкого распространения политического экстремизма в мире, включая Российскую Федерацию, по-прежнему актуальна. Политический экстремизм представляет собой комплексное явление, выработка теоретического определения которого представляет собой отдельную проблему в силу ряда факторов¹:

- сложность самого феномена политического экстремизма, особенности исторической динамики и конкретных проявлений в различных регионах мира;

- наличие идеологической составляющей и определенной тенденциозности при трактовке самого понятия (например, идеи и лозунги о необходимости совершения или оправданности революции на государственной уровне, актуальные для одного исторического промежутка, могут негативно восприниматься в другом историческом промежутке);

- наличие определенного нравственного критерия.

Политический экстремизм является одной из наиболее трудноразрешимых проблем как непосредственно в России, так и в других государствах. Такое положение определяется рядом факторов: отсутствие единой и утвержденной на нормативном уровне дефиниции; рост активности различных общественно-политических течений и организаций, деятельность которых противоречит установившимся законам; широкий спектр идейных течений и форм активности, которые в той или иной степени могут быть

¹ АВ 2001 г. Выпуск 6. О политическом экстремизме (аналитической обзор) [Электронный ресурс] // Портал Государственной Думы. URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4434/14548> (дата обращения: 28.12.2021)

отнесены к проявлениям политического экстремизма (от разжигания ненависти до организации и проведения несанкционированной политической демонстрации); невозможность вести на международном уровне эффективную борьбу вследствие разного подхода к проблеме национальных законодательств. Например, не в каждом постсоветском государстве разработано антиэкстремистское законодательство, более того, в некоторых из них установлена националистическая идеология, предполагающая экстремистские действия по поражению в правах отдельных групп граждан по национальному или языковому признаку (например, режим на Украине после государственного переворота 2014 года).

В научном обществе до сих пор отсутствует консенсус относительно того, что следует понимать под политическим экстремизмом, как он соотносится с экстремизмом в целом и с иными формами экстремизма, в первую очередь националистическим и религиозным. Следует сразу обозначить, что единого определения у термина «экстремизм» в современной науке не сложилось. Как социально-политическое явление экстремизм (от лат. *extremus* – крайний) сформировался в древности, его проявления имели место в различных исторических ситуациях: от акций еврейской боевой группировки сикариев против Римской империи в Иерусалиме до деятельности политических группировок во времена Великой французской буржуазной революции 1789-1793 гг.

Впервые термин «экстремизм» в научной сфере появляется благодаря публикации в 1838 году словаря немецкого философа В.Т. Круга, согласно которому экстремисты – это люди, которые «не признают середину и находят удовольствие в крайностях». В начале XX века французский юрист М. Лерой вводит в научный оборот термин «экстремизм», подразумевая экстремистские методы политической деятельности для достижения власти.

В научном сообществе сформировалось большое количество подходов к пониманию экстремизма. Следует выделить следующие подходы:

юридический, философский, политологический. В юридической литературе следует выделить два подхода:

– первый подход: экстремизм – совокупность противоправных действий и практик, направленных на дестабилизацию конституционного правопорядка. П.А. Данилов определяет экстремизм как противоправную деятельность физических, юридических и должностных лиц, которая базируется на приверженности крайним взглядам и сопровождается насильственными действиями публичного характера. Экстремизм направлен на отрицание конституционных устоев государства и уничтожение прав и свобод человека и гражданина¹.

– второй подход: экстремизм – это комплексное политико-правовое явление, широко распространенное в обществе. С.Н. Фридинский предлагает следующее определение экстремизма: системное по своей структуре и социальное по своему происхождению явление, выступающее интеграционным полем для представителей экстремистских течений, совершающих противоправные деяния по распространению собственных взглядов, в том числе насильственными методами, а также по искоренению тех мировоззренческо-ценностных систем, которые противоречат экстремистским идеологиям².

Философский подход, в свою очередь, акцентирует внимание на рассмотрении и изучении природы экстремизма, его генезиса, выявления аспектов существования объективного и субъективного характера экстремизма, а также раскрытия специфических черт его сущности. Согласно данному подходу экстремизм можно трактовать как:

¹ Данилов П.А. Защита прав, свобод и законных интересов личности при противодействии экстремизму: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. С. 22.

² Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 20.

– разновидность человеческой сущности с присущими ей деструктивными чертами, которая проявляется в отчуждении от общепринятых норм и ориентации на агрессию¹;

– особое социальное явление в контексте политического противостояния, особыми чертами которого является ориентация на систематическое и всестороннее использование противоречащих морально-нравственных и правовых установок общества для достижения поставленных политических целей²;

– как специфическое социально-политическое явление, характерное стремлением определенных политических, национальных или религиозных групп, а также отдельных граждан добиться незамедлительного и необратимого разрушения существующей государственной системы, а также направленностью на построение более справедливого для них общества с опорой на философско-политические доктрины. Суть экстремизма проявляется также в приверженности идеологии крайних взглядов и политики насильственных методов³.

Политологический подход позволяет рассматривать экстремизм как:

– политический термин, «который детерминирует действия, не являющиеся нравственно, идеологически и политически допустимыми в соответствии с нормами (законными, конституционными, а также негласными), а также такими, которые отклоняют демократические средства управления и способы разрешения проблем, отклоняя демократический строй как таковой»⁴;

¹ Хоровинников А.А. Экстремизм как социальное явление (философский анализ): автореф. дис. . канд. филос. наук. Сар. 2007. С. 7–12.

² Романов Н. А. Политический экстремизм как угроза безопасности страны. М.: ИСПИ РАН. 1997. 394 с.

³ Морозов И.Л. Левый экстремизм в современном обществе: особенности стратегии и тактики // Полис. 1998. № 3. С. 212–214

⁴ Sotlar A. Some Problems with Definition and Perception of Extremism within Society. NCJRS - National Criminal Justice Reference Service by U.S. Department of Justice. URL: <http://www.ncjrs.gov/pdffiles1/nij/Mesko/208033.pdf> (data access: 15.02.2020).

– деятельность и взаимодействия различных групп и индивидов оппозиционного характера, цель которых заключается в насильственном захвате власти и последующем ее удержании, а также дестабилизации деятельности органов государственной власти путем насилия и террора¹;

– политическую практику. В.С. Мартьянов и Л.Г. Фишман определяют экстремизм как «политическую практику, в основе которой лежат радикальные идеи, отрицающие идейно-институциональные основы данного общественно-политического устройства и призывающие к немедленному насильственному изменению легитимного конституционного строя»².

Исходя из анализа различных трактовок экстремизма, следует отметить присутствующую практически везде важную характеристику – политическую сущность экстремизма, его тесную связь с политологической категорией «власть», направленность на насильственные методы воздействия на политический режим и общественный порядок в целом.

В действующем международном и российском законодательстве термин «экстремизм» в отличие от термина «политический экстремизм» закреплён, однако он имеет расширенную интерпретацию, причем главный фокус делается на его политическую составляющую. Относительно термина «политический экстремизм» необходимо подчеркнуть наличие попыток в современном российском законодательстве его охарактеризовать.

На уровне ООН еще с середины XX века принимаются документы, обязывающие государств-участников бороться с проявлениями экстремизма: дискриминация, ксенофобия, преступления на почве ненависти и т.д. Фундаментальным документом является Всеобщая декларация прав человека 1948 года, запрещающая любые формы дискриминации и притеснений по признаку национальности, религиозной принадлежности и т.д. В 1966 году

¹ Гетц Р.Н. Политический экстремизм: позиции видения в современной научной литературе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 4 (10). С. 43–47

² Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. Быть свободным или бороться с экстремизмом? // Новый мир. 2008. № 11. С. 132–152.

принят Международный пакт ООН о гражданских и политических правах, где закреплен законодательный запрет на любое выступления в пользу ненависти по религиозному, национальному или расовому признаку, а также выступления, содержащие подстрекательства к дискриминации, насилию или вражде¹.

Однако, как прямого использования термина «экстремизм», так и определений термина во многих документах ООН нет. Преимущественно используются термины «расизм», «ксенофобия», «национализм» и т.д. как синонимы слова «экстремизм». Даже в принятом в 2015 году на уровне Генеральной Ассамблеи ООН Плане действий по предупреждению насильственного экстремизма полноценное определение отсутствует².

В начале 2000-х годов на региональном уровне предпринимаются попытки дать определение экстремизму на фоне роста угроз со стороны экстремистских организаций. В 2003 году Парламентской Ассамблеей Совета Европы (ПАСЕ) была принята Резолюция 1344 «Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе», в которой экстремизм определяется как форма политической деятельности независимо от своей природы, которая отрицает принципы и основы парламентской демократии и которая базируется на идеологии и практике ксенофобии, нетерпимости и т.д. Данный документ напрямую фиксирует политический характер экстремизма³.

Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, принятая главами стран-участниц Шанхайской организации сотрудничества в 2001 году, вводит понятие «экстремизм» как любые

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] Портал ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 28.12.2021)

² План действий по предупреждению воинствующего экстремизма. [Электронный ресурс]. Портал ООН. URL: <https://www.un.org/counterterrorism/ru/plan-of-action-to-prevent-violent-extremism> (дата обращения: 28.12.2021)

³ Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе: Резолюция 1344 (2003) Парламентской Ассамблеи Совета Европы. [Электронный ресурс] // Сайт Парламентской Ассамблеи Совета Европы URL: [https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/\[Russian_documents\]/\[2003\]/\[Sept_2003\]/Res%201344%20Rus.asp](https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/[Russian_documents]/[2003]/[Sept_2003]/Res%201344%20Rus.asp) (дата обращения: 28.12.2021)

насильственные действия, направленные на захват и удержание власти, на изменение конституционного строя, а также насильственное посягательство на общественную безопасность¹. Однако, данное понятие не предполагает действий, которые расцениваются как экстремизм, что весьма примечательно в контексте дальнейшей эволюции российского антиэкстремистского законодательства. В принятой в 2017 году Конвенции Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму само понятие «экстремизм» трактуется как идеология и практика, направленные на решение конфликтов (политические, национальные, социальные и религиозные) насильственными и иными антиконституционными методами². Причем в Конвенции разграничиваются понятия «экстремизм» и «экстремистский акт», под которым могут пониматься следующие действия: организация вооруженного мятежа, участие в нем в экстремистских целях, создание и обеспечение деятельности экстремистской организации, разжигание и пропаганда ненависти и вражды, публичные призывы к экстремистской деятельности, изготовление и распространение экстремистских материалов. В обоих стратегических документах экстремизм рассматривается как противоправная деятельность, в первую очередь, именно политического характера, поскольку направлена на властные институты и на пропаганду идей превосходства отдельных социальных групп.

В рамках Содружества независимых государств в 2009 году на уровне Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ был принят специальный Модельный закон «О противодействии экстремизму», в котором закрепляется определение экстремизма как посягательства на

¹ Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму [Электронный ресурс] // Портал «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/72259556/> (дата обращения: 28.12.2021)

² Концепция сотрудничества государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма (Утверждена Решением Совета глав государств СНГ от 26.08.2005 г.) [Электронный ресурс] // Портал «АТЦ СНГ». URL: <https://www.cisatc.org/1289/135/152/276> (дата обращения: 28.12.2021)

конституционные основы, как нарушение прав и свобод граждан, которые осуществляются вследствие отрицания устоявшихся в обществе правовых и иных социальных норм. В законе также прописано определение экстремистской деятельности как деятельности физического лица, общественной организации, религиозного объединения или СМИ по планированию, подготовке, организации и совершению следующих противоправных действий: насильственное изменение конституционного строя, публичное оправдание терроризма, разжигание и пропаганда ненависти и вражды и т.д.

В российской нормативно-правовой базе понятие «экстремизм» также закреплено. Согласно Федеральному закону от 25 июля 2002 года № 114 «О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями и дополнениями), термин «экстремизм» содержит 13 различных определений, некоторые из них целесообразно проанализировать в силу их тесной взаимосвязи с политической сферой жизни общества с сопутствующим иллюстрированием практическими примерами проявления подобных сущностей. Автор выделяет данный ряд определений в две большие группы по направленности действий: в отношении органов государственной власти и в отношении граждан. Данный метод позволит выделить сущностные характеристики политического экстремизма с целью формулировки авторского определения данного явления.

Первая характеристика: экстремизм представляет собой насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение территориальной целостности Российской Федерации. Иными словами, любое посягательство, в том числе насильственное, на конституционные основы современного государства в Российской Федерации посредством политической деятельности является противоправным, будь то действия отдельных граждан или политических партий, общественных движений. В данную группу можно включить и определение экстремизма как воспрепятствование законной деятельности органов государственной власти,

а также органов местного самоуправления, общественных и религиозных организаций, в том числе с использованием насилия.

В современной судебной практике в качестве примера следует привести признание организаций экстремистскими в 2021 году по решению Мосгорсуда Фонда борьбы с коррупцией (ФБК), Фонда защиты прав граждан (ФЗПГ) и Штабов Навального (сам А. Навальный, как учредитель указанных организаций, внесен в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму)¹. Организации признаны экстремистскими за создание условий для дестабилизации социальной и общественно-политической ситуации, для изменения основ конституционного строя, а также за призывы к насильственным действиям, осуществлению экстремистской деятельности и за вовлечение несовершеннолетних в противоправную деятельность (несанкционированные митинги в феврале 2021 года, а также в феврале и марте 2022 года после начала специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины). В настоящее время ключевые активисты экстремистских организаций находятся за рубежом, осуществляют сотрудничество с украинскими спецслужбами и по-прежнему пытаются вовлекать молодежь России в противоправную деятельность (в частности, в финансирование экстремистской деятельности).

Пример посягательств на территориальную целостность Российской Федерации как формы экстремистской деятельности – риторика и действия активистов украинских националистических организаций, признанных экстремистскими по решению Верховного Суда Российской Федерации: «УНА-УНСО», «Тризуб им. Степана Бандеры», «Братство», «СИЧ-С14»² и некоторые другие. Данные организации не признают вхождение в состав Российской Федерации Республики Крым и города Севастополь (референдум

¹ Экстремистские организации, запрещены в Российской Федерации.

² Экстремистские организации, запрещены в Российской Федерации.

2014 года), а также Донецкой народной республики, Луганской народной республики, Херсонской и Запорожской областей (референдумы 2022 года).

Вторая характеристика: экстремизм представляет собой возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни, пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности людей по какому-либо признаку, а также последующие нарушения прав и свобод человека в зависимости от его принадлежности к какой-либо социальной группе. В данную категорию следует включить также определение экстремизма как воспрепятствование осуществлению гражданами собственных избирательных прав, в том числе посредством насилия. Действия ряда политических партий, религиозных движений или общественных объединений, а также отдельных граждан можно трактовать в качестве экстремистских исходя из обозначенного определения. Однако, если гражданами преимущественно могут совершаться отдельные и не всегда системные административные проступки (например, ст. 20.3.1. КоАП РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства») или уголовные преступления (например, ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства») в форме отдельных высказываний, совершенных, в том числе, в сети Интернет, то в контексте деятельности организаций такие действия носят системный и целенаправленный характер для установления нового политического порядка и ликвидации отдельных социальных групп. Иллюстративным примером является украинское националистическое общественно-политическое объединение «Правый сектор» (позднее трансформировавшееся в политическую партию), запрещенное на территории России за экстремистскую деятельность¹. Идеология базируется на взглядах видных деятелей украинского национализма, в первую очередь Д. Донцова, и заключается в необходимости создания украинского этноцентрического

¹ Экстремистские организации, запрещены в Российской Федерации.

государства с насильственной украинизацией всех национальных меньшинств и собственно украинцев. Следует подчеркнуть, что военную подготовку в рядах «Правого сектора» (экстремистская организация, запрещена в Российской Федерации) проходили и граждане Российской Федерации для последующей насильственной борьбы с действующим политическим режимом России.

Помимо указанного Федерального закона угроза со стороны экстремизма в отношении общества и государства обозначена в двух стратегических документах: во-первых, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации¹; во-вторых, Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года². Если первый документ определяет все угрозы для национальной безопасности без детальной характеристики экстремизма, то второй документ содержит детальные характеристики экстремизма с упором на его политический характер: вводятся термины «экстремистская идеология»³ и «экстремистские проявления»⁴. Фиксируется, что экстремизм во всех его проявлениях ведет к разрушению социума, существующего порядка и конституционного строя, разрушению межнациональных и межрелигиозных отношений. Хотя Стратегия и выделяет три наиболее опасных формы экстремизма (политический, националистический и религиозный), в ней отсутствует детальная характеристика каждого из них, позволяющая провести четкую смысловую

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 [Электронный ресурс] // Портал «Консультант.Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/

² О Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: Указ Президента РФ 28.11.2014 № Пр-2753). [Электронный ресурс] // Портал «Консультант.Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194160/ (дата обращения: 28.12.2021)

³ Экстремистская идеология — специфическая система взглядов и ценностей, которая насильственные противоправные действия представляет в качестве основного средства разрешения конфликтов, в том числе политических

⁴ Экстремистские проявления — общественно опасные противоправные действия, которые совершаются по мотивам ненависти и вражды, в том числе политической, а также способствуют возникновению или обострению конфликтов в обществе.

грань между данными формами. Стратегия предоставляет лишь виды проявлений данных форм, причем данные проявления имеют также политический характер: от пропаганды идей превосходства до организации массовых беспорядков и совершения терактов.

В российской законодательной практике предпринимались попытки ввести термин «политический экстремизм». 23 марта 1995 году Президентом Российской Федерации Б. Ельциным подписан Указ № 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации»¹. Однако, определение термина «политический экстремизм» в документе отсутствует, преимущественно перечисляются проявления политического экстремизма: разжигание ненависти и розни, распространение идей фашизма, создание незаконных вооруженных и военизированных формирований, подрыв общественной безопасности и государственной целостности и т.д.

В 1999 году Правительством Российской Федерации внесен в Государственную Думу проект Федерального закона № 99058804-2 «О противодействии политическому экстремизму», в котором под политическим экстремизмом понималась «деятельность общественных организаций, иных организаций, должностных лиц и граждан, направленная на насильственное изменение конституционного строя страны, насильственный захват власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства, организацию незаконных вооруженных формирований, возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, а также публичные призывы к совершению противоправных действий в политических целях». Разумно предположить, что при создании действующего Федерального закона «О

¹ О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 23 марта 1995 г. N 310 [Электронный ресурс] // Портал «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/10102720/> (дата обращения: 28.12.2021)

противодействию экстремистской деятельности» авторы активно использовали данный проект. Несмотря на отсутствие в нормативно-правовой базе специального термина «политический экстремизм» и специального закона о противодействии политическому экстремизму, автор диссертации считает, что данные законодательные меры не являются необходимыми и даже нежелательны в силу возможности негативных аспектов последующей правоприменительной практики.

Проявления политического экстремизма известны обществу с тех пор, как установлены социальные институты и социальные регуляторы, а также формализованы общественные отношения. Политический экстремизм есть реакция отдельных социальных групп на конкретные общественно-политические проблемы. При этом данная реакция имеет преимущественно деструктивный и насильственный характер, направлена на подрыв сложившихся социальных институтов и на легитимность действующего политического режима.

Автор диссертационного исследования полагает, что термин «политический экстремизм» можно трактовать с точки зрения узкого и широкого смысла понятия (см. таблица 1).

Таблица 1 — Типология понимания термина «политический экстремизм»

Тип понимания	Характеристика
Узкое понимание	Противоречащая действующему законодательству деятельность преимущественно насильственного характера политических партий, общественных организаций, отдельных граждан или должностных лиц, которая направлена на изменение существующего политического строя, захват власти и ее использование в собственных целях, а также разжигание ненависти и вражды.
Широкое понимание	Трансформирующееся на протяжении всей истории социально-политическое явление в форме системы идеологических установок, совокупности действий политических акторов по вопросам власти, управления общественно-политическими процессами и т.д.

Политический экстремизм обладает следующим набором характерных черт и особенностей:

1. способность аккумулировать любые экстремистские проявления и придать им политический характер¹. Данная черта обусловлена политизацией многих сфер общественной жизни;

2. реализация политической деятельности, преимущественно сопряженной с применением нелегитимного политического насилия и демонстративным отказом от соблюдения действующих законов и социальных норм в целом;

3. агрессивная реакция политических экстремистов на определенные общественно-политические ситуации и кризисные явления. При этом такие ситуации позволяют экстремистам демонстративно объявлять себя жертвами существующего порядка в обществе и государстве, тем самым позволяя им оправдывать в сознании своих сторонников использование насилия в отношении своих противников;

4. использование идеологических конструктов для обоснования и обеспечения экстремистской деятельности. Адепты политического экстремизма всегда стараются апеллировать к различным мыслителям, философам, религиозным или политическим лидерам, к их высказываниям и идеологическому наследию в целом. Адепты политического экстремизма для своих последователей сразу стараются разграничить идеологическое поле для предотвращения появления иных взглядов и дискуссии в целом. Политические экстремисты правого толка, например, могут использовать для идеологической обеспеченности своих действий постулаты А. Гитлера, Б. Муссолини, Х. де Ривера и т.д.;

5. публичный характер политического экстремизма, который проявляется в стремлении адептов политического экстремизма обратиться к максимально широкому кругу людей для расширения числа своих последователей, распространения идеологических взглядов и ценностей, а также для запугивания своих противников. Уникальные возможности для

¹ Карючин Ю.П. «Политический экстремизм» в современном мире: сущность и понятие // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2008. № 2. С. 9–14.

обеспечения публичного характера своей деятельности предоставляет адептам политического экстремизма сеть Интернет и социальные сети, в частности;

6. противоправный характер политического экстремизма. Экстремист или экстремистская организация не были бы таковыми, если бы не стремились нарушить действующие законы и социальные нормы в целом;

7. организованный характер экстремистской деятельности. Максимально широкое распространение такой деятельности может обеспечиваться за счет правильно выстроенной организации (которая необязательно должна носить характер жесткой иерархической системы);

8. отказ от возможности достижения компромисса со своими противниками, который может привести к существенному сокращению числа сподвижников, расколу внутри экстремистской организации и ускоренной радикализации тех, кто отрицает даже призрачную возможность наладить конструктивные коммуникации со своими противниками.

Политический экстремизм становится возможным благодаря наличию определенных кризисных явлений и конфликтных ситуаций политического, социально-экономического, национального и религиозного характера. Также политический экстремизм выступает следствием действий ряда общественных организаций и политических сил, движений и партий, цель которых состоит в распространении в обществе собственных взглядов и идей об устройстве общества, характере политического режима и системы политической власти в целом, в том числе насильственными методами.

Политический экстремизм обусловлен действием различных факторов, среди которых следует выделить внутривнутриполитические и внешнеполитические. Внутривнутриполитические факторы проявлений экстремизма обусловлены трансформационными процессами, происходящими в рамках определенных политических систем, качественным видоизменением политического режима, ростом политических противоречий между элитами, контрэлитами и обществом, кризисом легитимности действующей власти. Следует обозначить следующие внутривнутриполитические факторы:

- паралич и кризис политико-государственной системы управления обществом. Системное поражение коррупцией органов государственной власти, некомпетентность и слабость аппарата чиновников, нестабильная социально-политическая ситуация, неспособность правоохранительных органов обеспечить правопорядок и безопасность способствуют росту экстремистских проявлений и активизации социальных групп, придерживающихся радикальных взглядов и мер в своей деятельности;

- наступление со стороны государственных структур на закрепленные и гарантированные права и свободы граждан, проведение политики репрессий в отношении диссидентов и инакомыслящих, целенаправленная политика по ликвидации реальной политической оппозиции, проведение серии ограничительных мер по сужению поля для деятельности несогласных с политическим курсом элиты;

- неразрешенность национальных, религиозный и социальных проблем, ограничение и поражение в правах национальных меньшинств, религиозных и социальных групп, рост межэтнической, межрелигиозной и социальной напряженности, сохранение очагов напряженности также может способствовать росту радикальных взглядов и мер среди общества¹.

О.А. Русанова предприняла попытку обобщить причинный комплекс при рассмотрении экстремизма как формы социального девиантного поведения: «благоприятной почвой для расцвета экстремизма являются экономические и социальные кризисы в стране, бедствия и обнищание населения, грубые нарушения демократических прав и свобод, авторитаризм, тоталитаризм, фашизм². С.Н. Фридинский подчеркивает, что появление экстремизма как социального деструктивного феномена обусловлено целым

¹ Атаев А. В. Новые угрозы в условиях роста религиозного радикализма на Кавказе [Электронный ресурс] // Информационный портал «Sputnik». URL: <https://az.sputniknews.ru/expert/20141125/301268815.html> (дата обращения: 24.08.2020)

² Русанова О. А. Этнорелигиозный экстремизм как социальное явление в российском обществе (на примере северокавказского региона) // Вести. Моек,ун-та. Сер. 18: Социология и политология. 2005. № 2. С. 117.

комплексом факторов, которые находятся в тесной связке и взаимодействии между собой. Данный комплекс представлен идеологическими, социально-экономическими и политическими факторами¹. Политический экстремизм есть следствие сбоя в процессах социализации, в том числе молодежи. Российский ученый Н.Б. Бааль отмечает, что деформация процесса социализации как формирования личности и включения ее в общество есть фактор распространения политического экстремизма среди молодежи. Причем данная деформация будет проявляться в следующих чертах: во-первых, низкий уровень развития потенциала личности, в первую очередь культурного и образовательного; во-вторых, отсутствие социального опыта, который не передается вследствие нарушения связей между поколениями; в-третьих, снижение и отрицание необходимости наличия гражданского самосознания; в-четвертых, криминализация сознания и использование противоправных мер в качестве единственно возможных².

Любая форма экстремизма, в том числе политический экстремизм, возникает вследствие сочетания факторов, провоцирующих рост насильственного протеста в каждом конкретном социуме. Российский ученый М. Яхьяев отмечал, что каждая конкретная форма экстремизма зарождается в результате комбинирования двух необходимых предпосылок³:

- конкретно историческая ситуация острого социально-политического конфликта между старым и новым, заметного кризиса традиционного уклада жизни и зарождения нового уклада;
- экстремистская метаморфоза определенной идеологии или же ее формирование на основе синтеза различных элементов нескольких идеологий, или рождение нового экстремистского мировоззрения.

¹ Фридинский С. Н. Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты. Ростов н/Д, 2004. С. 111.

² Бааль Н.Б. Методы профилактики политического экстремизма молодежи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1(1). С. 293–297.

³ Яхьяев М.Я. Факторы воспроизводства экстремизма и терроризма в современной России: комплексный анализ // Исламоведение. 2016. № 3. С. 26–39.

Важно отметить отражение в сознании молодежи, как наиболее уязвимой целевой аудитории, причин вовлечения в экстремистскую деятельность. Согласно результатам проведенных НЦПТИ социологических исследований «Восприятие экстремизма и других информационных угроз в образовательной среде» 2019-2021 гг.¹ и «Восприятие радикальных идей в образовательной среде» 2023 г.² Большинство респондентов полагают, что ключевыми причинами вовлечения, в том числе молодежи, в экстремистскую деятельность являются: подверженность чужому влиянию и манипуляциям, особенности молодежи как социальной группы (радикализм, пассионарность) и ее стремление изменить мир, а также отсутствие знаний и навыков правовой грамотности и медиаграмотности (см. рисунки 1 и 2).

¹ Восприятие экстремизма и других информационных угроз в образовательной среде // Обзор.НЦПТИ. 2022. №1 (28). С. 18–28.

Социологическое исследование «Восприятие экстремизма и других информационных угроз в образовательной среде» проведено по поручению Минобрнауки России в период с 2019 по 2023 годы среди обучающихся образовательных организаций высшего образования, подведомственных Минобрнауки России, во всех федеральных округах. Общее количество респондентов, принявших участие — 50000 человек.

² Куценко М.В., Венцель С.В. Восприятие радикальных идеологий в образовательной среде: результаты социологического исследования. Обзор. НЦПТИ. 2024 г. № 2 (37).

Социологическое исследование «Восприятие радикальных идей в образовательной среде» проведено по поручению Минобрнауки России в 2023 году среди обучающихся образовательных организаций высшего образования, подведомственных Минобрнауки России, во всех федеральных округах, а также в новых субъектах Российской Федерации (ДНР, ЛНР, Херсонская и Запорожская области). Общее количество респондентов, принявших участие — 51000 человек.

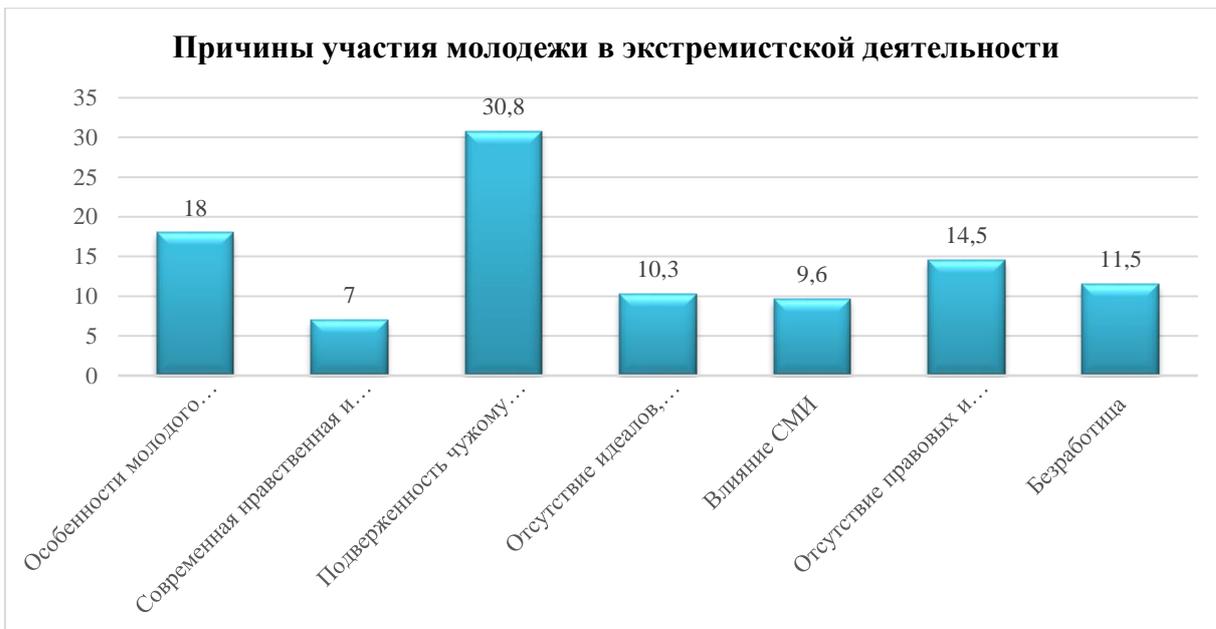

Рисунок 1 – Результаты на один из вопросов социологического исследования «Восприятие экстремизма и других информационных угроз в образовательной среде», 2019-2021 гг.¹

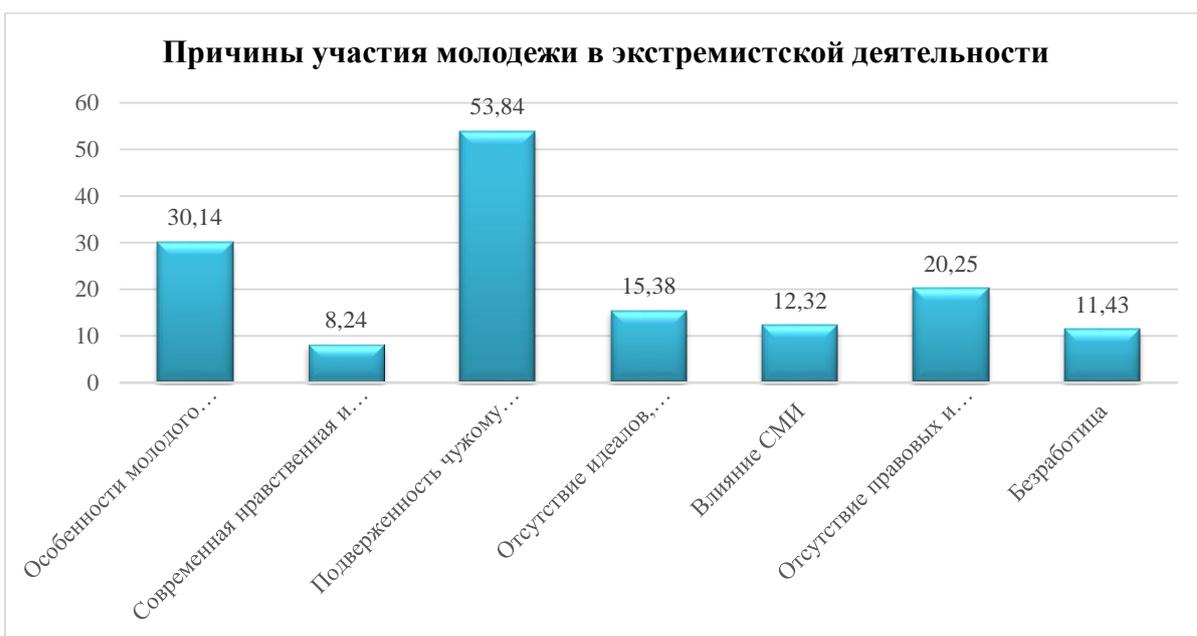

Рисунок 2 — Результаты на один из вопросов социологического исследования «Восприятие радикальных идей в образовательной среде», 2023 г.²

¹ Восприятие экстремизма и других информационных угроз в образовательной среде // Обзор.НЦПТИ. 2022. №1 (28). С. 18–28.

² Куценко М.В., Венцель С.В. Восприятие радикальных идеологий в образовательной среде: результаты социологического исследования. Обзор. НЦПТИ. 2024 г. № 2 (37).

Приверженцы политического экстремизма выступают против фундаментальных основ существующего политического порядка, они пренебрегают конституционными правами и свободами других граждан, и в то же самое время выражают публичное возмущение попытками ограничения или запрета своей деятельности со стороны государственных органов власти. Профессор А.И. Кугай при исследовании мировоззрения экстремиста отмечает следующее: для экстремиста многообразный мир просто не существует¹. Экстремист – это субъект с максимально суженным мировоззрением, одержимый исключительно своей идентичностью. Экстремизм, в том числе политический, производит стремление к признанию, зависть, беспрецедентную уверенность в своей правоте. Участники экстремистских организаций, по мнению А.И. Кугая, бывают нескольких типов²:

- идеологические активисты – занимающие ведущие роли, харизматические личности, имеющие высокий уровень подготовки и получившие хорошее образование;
- дрифтеры и последователи – личности, присоединяющиеся к экстремистским организациям для поиска ближнего социального круга, защиты или удовлетворения определенных социальных потребностей;
- представители социально недовольной молодежи, отличающиеся недостаточно высоким уровнем образования, испытывающие социально-экономические трудности, балансирующие на грани маргинализации или уже являющиеся маргиналами.

Политические экстремистские организации и движения, по мнению автора диссертационного исследования, используют следующие технологии для достижения собственных целей и задач:

¹ Кугай А.И. Экстремизм: природа, симптоматика, опыт и условия противодействия // Управленческое консультирование. 2015. № 2. С. 18–23.

² Кугай А.И. Надежды и разочарование: процессы вовлечения в радикальные экстремистские группировки и выхода из них // Управленческое консультирование. 2023. № 2. С. 122–131.

- попытки делегитимации существующего общественно-политического порядка в общественном сознании;
- демонстративные попытки сформировать альтернативный политический порядок внутри социума посредством установления собственных социальных норм и внедрения специальных символов и знаков отличия, в том числе в виде паспортов;
- переход к непосредственным действиям, в том числе насильственным, для реализации поставленных задач.

Характерными иллюстративными примерами реализации данных технологий являются движение так называемых рейхсбюргеров в современной Федеративной Республике Германия и движение «Союз славянских сил Руси» (СССР)¹, запрещенное на территории России как экстремистская организация. Данные объединения отрицают легитимность собственных государств, заявляют об отсутствии документов об учреждении ФРГ и РФ как современных государств, воспринимают их как проекты, дистанционно управляемые из США, и заявляют о существовании до сих пор государств-предшественников: в немецком случае – Второй Рейх в границах 1937 года, а в российском случае – СССР со всеми республиками. Идеология данных политических движений имеет эклектический характер и базируется на смеси национализма, антисемитизма и различных теорий заговора. В российском случае показательным примером является использование материалов, внесенных в Федеральный список экстремистских материалов Минюста России и имеющих откровенно националистический характер, в качестве одного из столпов идеологического фундамента. Речь идет о подложном документе «Протоколы сионских мудрецов», впервые опубликованном в 1903 году с целью убедить общественность в агрессивных планах евреев установить собственное мировое господство и разрушить христианский мир полностью.

¹ Экстремистская организация, запрещена в Российской Федерации.

Учитывая актуальную правоприменительную практику в Российской Федерации по противодействию экстремистским угрозам, важно отметить, что могут применяться и иные законодательные инструменты, помимо признания организации экстремистской или отдельного гражданина экстремистом. На фоне проведения специальной военной операции речь идет:

- о признании по решению Минюста России иностранным агентом¹, в том числе, за политическую деятельность (например, оказание влияния на деятельность органов власти, формирование общественных взглядов о решениях органов власти или вовлечение несовершеннолетних граждан в свою деятельность). Признанные иноагентами транслируют наборы антироссийских тезисов² на широкие аудитории, вовлекают граждан России, в том числе молодежь, в противоправную деятельность, а также занимаются оказанием информационной и материально-технической поддержки ВСУ;

- о признании по решению Минюста России международных или иностранных неправительственных/некоммерческих организаций нежелательными на территории нашей страны³. Причина – угроза конституционному строю, обороноспособности и безопасности Российской Федерации. Среди наиболее ярких примеров нежелательных организаций

¹ Согласно Федеральному закону от 14.07.2022 г. № 255 «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием», иноагент — лицо, пользующееся поддержкой иностранного источника или находящееся под иностранным влиянием для политической деятельности, сбора сведений о военной и военно-технической деятельности России и распространения определенной информации в обществе. Законодательство накладывает серьезные ограничения на иноагентов: запреты занимать должности в органах власти, проводить просветительскую деятельность среди несовершеннолетних, реализовывать образовательную деятельность в государственных и муниципальных образовательных организациях и т.д.

² В перечень данных тезисов входят: «Россия – страна-изгой, от которой все отвернулись»; «СВО – спонтанное решение руководства страны, никаких предпосылок не было», «Российская армия совершает военные преступления», «Экономика скоро рухнет под воздействием западных санкций», «В России фашистская диктатура», «Уехавшие оппозиционеры борются за свободную Россию и желают стране только процветания» и т.д.

³ Ключевой нормативный инструмент — Федеральный закон от 28.12.2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан РФ».

следует выделить «Форум свободных народов ПостРоссии»¹, созданный в 2022 году в Польше политэмигрантами с целью провоцирования сепаратизма и подрыва конституционного строя России. Организация находится под контролем спецслужб Великобритании и Польши, ее участниками являются лидеры этносепаратистских движений, призывающие к необходимости поражения России в СВО и дальнейшего распада страны.

Политический экстремизм может проявляться в различных формах и видах. И.Л. Морозов выделяет три основные виды политического экстремизма в зависимости от целеполагания²:

1. теоретико-генерирующая форма. Данная форма представляет собой деятельность по созданию различных идеологических концепций обустройства миропорядка. Цель такой деятельности заключается в постепенном внедрении в общественное сознание идеологических конструктов для формирования тех общественно-политических сил, которые в дальнейшем могут перейти непосредственно к экстремистской деятельности. Материалы, содержащие данные концепции, при нарушении антиэкстремистского законодательства в судебном порядке признаются экстремистскими и вносятся в специальный перечень Минюста России. Например, признанный по решению Элистинского городского суда Республики Калмыкия от 02.06.2023 г. печатный текст «Декларация «О государственной независимости Республики Калмыкия», содержащий призывы к сепаратизму и подрыву территориальной целостности Российской Федерации;

2. протестно-активистская форма. Данная форма направлена на дестабилизацию политической системы общества, однако она не включает насильственные террористические действия по уничтожению определенных

¹ Нежелательная организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

² Морозов И.Л. Политический экстремизм в современной России — новые тенденции // PolitBook. 2012. № 3. С. 97–106.

политических сил. Например, действия, направленные на проведение массовых публичных мероприятий с нарушением действующего законодательства и применением насилия к представителям сил правопорядка, молодежного движения «Весна», признанного экстремистской организацией по решению Санкт-Петербургского городского суда от 06.12.2022 г.¹;

3. террористическая, предполагающая использование террористических методов для борьбы с политическим режимом. Например, убийство 02.04.2023 г. военного корреспондента Владлена Татарского (Максима Фомина) активисткой ФБК² Дарьей Треповой. Национальным антитеррористическим комитетом установлено, что данный теракт спланирован украинскими спецслужбами с привлечением агентурной сетки ФБК (экстремистской организации).

Следует выделить еще одну классификацию видов политического экстремизма по субъектам деятельности (см. таблица 2):

Таблица 2 — Типология политического экстремизма

Вид	Особенность	Пример
Государственный	Направлен против всех врагов режима и использует различные насильственные методы: от поражения в правах целых групп населения до депортации и практики геноцида. Важная особенность: поскольку политический режим самостоятельно определяет правовое поле внутри государства, его действия с точки зрения действующего в государстве законодательства не определяются как противоправные.	Современный политический режим на территории Украины, установившийся с 2014 года. Трансформация общественно-политической системы Украины предполагала запуск одновременно процессов дерусификации (снижение роли русского языка в общественно-политической сфере, формирования образа Украины как «НеРоссии» и т.д.) и нацификации (возвеличивание боевиков УПА ³ и дивизии СС «Галичина», активное

¹ Экстремистская организация, запрещена в Российской Федерации.

² Экстремистская организация, запрещена в Российской Федерации.

³ Экстремистская организация, запрещена в Российской Федерации.

		внедрение боевиков националистических батальонов в МВД Украины и ВСУ и т.д.) ¹
Организационно-групповой	Противоправная экстремистская деятельность отдельных групп против действующего политического режима.	Деятельность итальянской подпольной леворадикальной организации «Красные бригады», которая ставила перед собой цель осуществление революции в Италии и построение социалистического государства на основе марксизма-ленинизма. Группировка использовала различные методы для борьбы с политическим режимом: от распространения агитационной литературы до похищений и убийств видных деятелей политического режима.
Индивидуальный	Деятельность отдельных экстремистов, которые не входят в организованные сети, не проходили специальной подготовки и не располагают обширными данными. Индивидуальный политический экстремизм представляет собой разные виды деятельности: от распространения экстремистских материалов в социальных медиа до осуществления атак на «врагов»: от политических деятелей до представителей определенных социальных групп (политических партий, религиозных объединений, национальных общин и т.д.)	Примеров осуществления индивидуального экстремизма достаточно много, если анализировать правоприменительную практику: <ul style="list-style-type: none"> - распространение материалов в социальных сетях в 2023 году жителем г. Тула, пропагандирующих идеи экстремистской организации АУЕ²; - призывы в социальных сетях в 2023 году к насильственным действиям в отношении действующих властей жителем г. Псков; - демонстрация нацистской атрибутики и дискредитация ВС РФ несовершеннолетними жителями г. Мариуполь в 2023 году и т.д.

¹ Венцель С.В., Волощук А.В., Саенко А.В. Инфографика «Путь к СВО» // Обзор.НЦПТИ. 2023. № 1 (32). С. 6–17.

² Экстремистская организация, запрещена в Российской Федерации.

Еще одной классификацией политического экстремизма является разделение по идеологическому принципу. Здесь преимущественно выделяются две формы¹:

1. левый политический экстремизм. Фундаментальным врагом левых политических экстремистов выступает капиталистическое устройство общества в силу социального неравенства, эксплуатации рабочих классов и т.д. Левые политические экстремисты отказываются от любых компромиссов с властью, провозглашая революцию единственным конструктивным для них способом трансформации политического устройства общества. Главными идейными вдохновителями левых политических экстремистов выступают В. Ленин, И. Сталин, М. Цзэдун и другие великие деятели коммунистического движения;

2. правый политический экстремизм. Фундаментальным врагом данной формы политического экстремизма выступают мультикультурализм и сама идея мирного сосуществования различных национальных, религиозных групп друг с другом. Для правых экстремистов является характерным культивирование и пропаганда консервативных ценностей, идей авторитарного государства как предохранителя от пропаганды мультикультурализма. Идейными вдохновителями правых экстремистов выступают фашистские режимы и движения прошлого столетия (не только и не столько они обращаются к опыту нацистской Германии, сколько к идейным традициям итальянского и испанского фашизма, в русскоязычном сегменте к идейному наследию русских фашистов).

Отдельно следует выделить часто рассматриваемую в научном сообществе разновидность политического экстремизма — религиозно-политический экстремизм, представляющий собой религиозно мотивированную и обличенную в религиозные формы экстремистскую

¹ Ямалитдинов А.А. Экстремизм: его разновидности и формы // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2016. № 4 (74). С. 37–40.

деятельность, цель которой состоит в ликвидации существующего политического режима, светской государственности и территориальной целостности. Религиозно-политический экстремизм сопровождается разжиганием вражды и ненависти, заключается в возбуждении и применении насилия в отношении других религиозных групп и несогласных внутри собственной религиозной группы. Религиозно-политический экстремизм имеет свои проявления во всех мировых религиях и национальных религиях, поэтому такой вид политического экстремизма носит трансграничный характер¹. Показательным примером являются многочисленные фундаменталистские исламистские экстремистские организации, действующие на Ближнем Востоке, в Центральной Азии, на Кавказе, в Европе и т.д.

Важно подчеркнуть, что наиболее уязвимой перед воздействием политического экстремизма является молодежь в силу социально-демографических и психологических свойств. В молодежной среде политический экстремизм приобретает ряд специфических свойств², оптимально подходящий под цифровую среду новых медиа:

— во-первых, менее организованный характер деятельности с точки зрения длительности, выстраивания системной работы, организации ячеек и т.д.;

— во-вторых, более стихийный и спонтанный характер, особенно на фоне отдельных информационных поводов, которые, например, в условиях проведения СВО активно раскручиваются украинскими ЦИПСО для катализования конфликтов внутри российского общества;

— и, в-третьих, меньшая склонность к достижению компромисса и высокая степень готовности к радикальным действиям, в том числе из-за

¹ Касюк А.Я. Религиозно-политический экстремизм - угроза национальной безопасности России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2017. № 3 (787). С. 48–56.

² Васьков М.А. Характеристики молодежного политического экстремизма как препятствия социализации молодежи // Обзор.НЦПТИ. 2015. № 5. С. 10–15.

неустойчивого положения в обществе, определенного недоверия к официальной повестке, воздействия симпатизирующим радикальным экстремистским организациям блогерам и инфлюенсерам и т.д.

Важно отметить, что сама молодежь как социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет является крайне неоднородной и включает в себя большое количество различных групп (в том числе групп риска) в современных реалиях: школьники, обучающиеся в системе среднего специального образования, студенты, работающая молодежь, неработающая молодежь, молодежь из новых субъектов Российской Федерации и т.д. Отдельно следует выделить и как таковое неработающее население (частично соприкасающееся по возрастным характеристикам с молодежью), мигрантов, прибывающих на работу и т.д. Отдельно следует выделить иностранных обучающихся, с которыми необходимо проводить особую профилактическую работу с учетом особенностей данной целевой группы¹. Проведенные НЦПТИ социологические исследования подтверждают наличие данных групп риска в сознании молодежи, с которыми также следует выстраивать профилактическую работу (см. рисунки 3 и 4).

¹ Венцель С.В. Алгоритм профилактической работы среди иностранных студентов // Обзор.НЦПТИ. 2022. № 1 (28). С. 38–50.

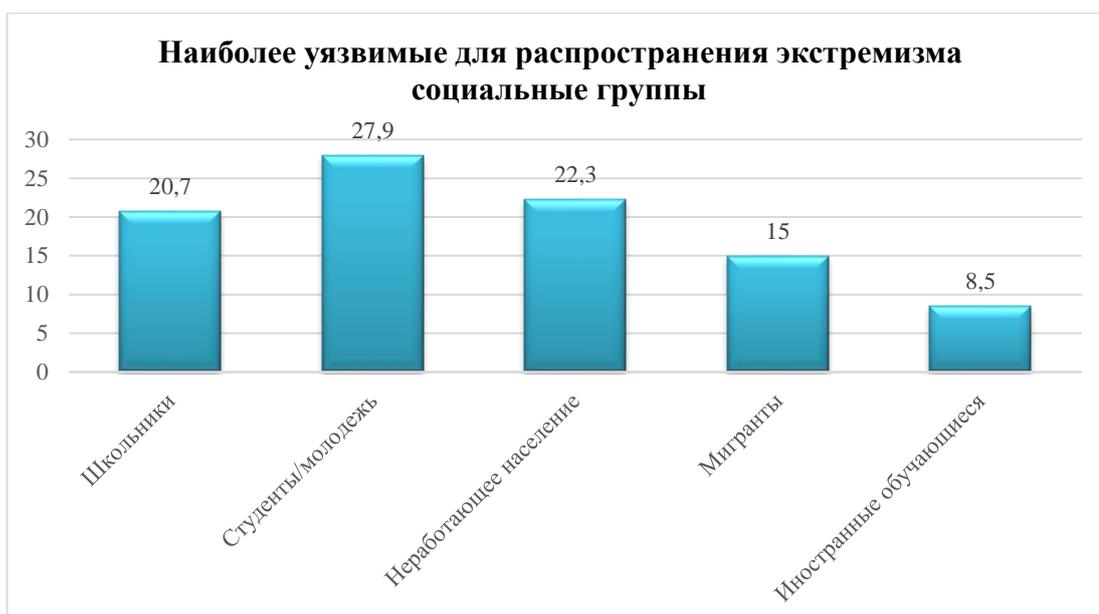

Рисунок 3 — Результаты на один из вопросов социологического исследования «Восприятие экстремизма и других информационных угроз в образовательной среде», 2019-2021 гг.¹

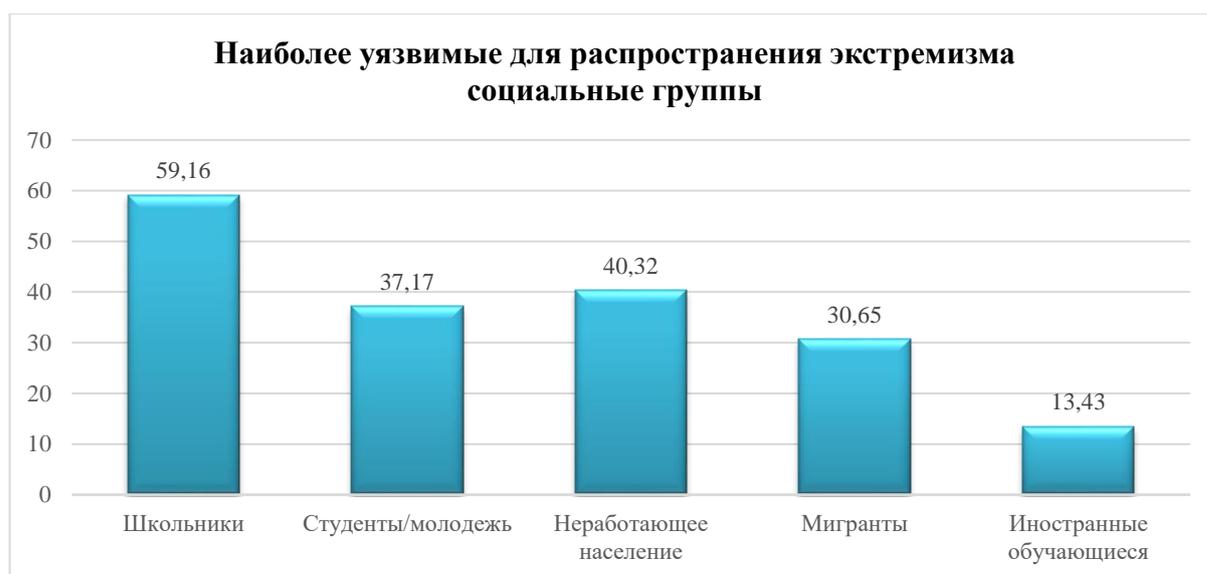

Рисунок 4 — Результаты на один из вопросов социологического исследования «Восприятие радикальных идей в образовательной среде», 2023 год²

Таким образом, политический экстремизм представляет собой комплексное социально-политическое явление, отличительными

¹ Восприятие экстремизма и других информационных угроз в образовательной среде // Обзор.НЦПТИ. 2022. №1 (28). С. 18–28.

² Куценко М.В., Венцель С.В. Восприятие радикальных идеологий в образовательной среде: результаты социологического исследования. Обзор. НЦПТИ. 2024 г. № 2(37).

особенностями которого выступают идеологические установки и практики их реализации с помощью противоправных методов, направленное на подрыв конституционного строя, территориальной целостности и демонтаж функционирующих социальных и политических институтов. Для подверженного воздействию политического экстремизма характерны радикализация мышления, бескомпромиссность, неприятие мнения оппонентов и отрицание у оппонентов права на альтернативное мнение, а также демонизация в сознании образа оппонированных социальных групп¹. Среди используемых противоправных методов можно обозначить речевые (публичное оправдание экстремистской и террористической деятельности; пропаганда исключительности; возбуждение ненависти и вражды) и деятельностные (организация и обеспечение деятельности экстремистской организации, воспрепятствование деятельности органов власти на федеральном, региональном и местном уровнях, избирательных комиссий, общественных и религиозных организаций; нарушение прав, свобод и интересов человека и гражданина в зависимости от определенного признака). Наиболее подверженными вовлечению в деятельность экстремистских организаций являются представители молодежи, включая школьников (с 14 лет), студентов, в том числе иностранных, а также представители неработающего населения и мигранты (до 35 лет).

Важно подчеркнуть, что в условиях цифровой среды новых медиа для распространения экстремистских установок и призывов к противоправным действиям не требуется только одного канала, условного представительства определенной экстремистской организации в сети Интернет. Опыт 2010-2023 годов убедительно демонстрирует способность максимально быстрого и широкого распространения экстремистских установок по целым сеткам информационных каналов, в том числе отдельных самостоятельных блогеров

¹ Венцель С.В. Политическая радикализация пользователей социальных сетей: факторы и особенности в контексте распространения экстремизма // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. № 5. С. 1217 – 1225 р.

и инфлюенсеров (особенно на фоне проведения специальной военной операции).

Таким образом, можно сформулировать следующее определение современного политического экстремизма: комплексное социально-политическое явление, адепты которого способны даже при блокировке отдельных ресурсов в цифровой среде новых медиа оперативно создавать и использовать иные каналы, аккумулировать и распространять радикальные идеологических установки и противоправные практики для подрыва текущего конституционного порядка. Адепты политического экстремизма способны действовать в том числе как автономные боевые единицы с последующей трансформацией в террористов (кейс Д. Треповой, получившей 27 лет лишения свободы за организацию теракта в 2023 году, в результате которого погиб военкор Владлен Татарский, а более 40 человек пострадали). Движения и организации экстремистского характера способны использовать широкий спектр технологий для достижения поставленных целей: делегитимация существующего порядка в общественном сознании; демонстративное формирование альтернативного порядка внутри общественного сознания; переход к действиям, в том числе насильственным. При воздействии на широкие массы населения экстремисты стремятся подорвать доверие к государственным институтам власти и саму легитимность, чтобы в условиях политического хаоса институты власти не смогли мобилизовать граждан на защиту от противоправных посягательств.

1.2. Новые медиа как платформы распространения политического экстремизма: теоретический аспект

Концептуализация научной категории «новые медиа» является приоритетной задачей данного параграфа настоящего диссертационного исследования. Новые медиа являются продуктом глобальных социокультурных и технологических изменений, которые стали возможны благодаря появлению и развитию интернет-технологий. Трансформация взаимодействий в цифровой среде происходит в условиях складывания информационного общества, главными символическими ресурсами которого становятся созданные, полученные, обработанные, интерпретированные и переданные информационные продукты.

Складывание информационного общества является предметом исследований известных ученых, таких как Д. Белл, Дж. Мартин, М. Кастельс и др. Научные выводы об информационном обществе Д. Белла, являвшегося одним из авторов постиндустриального общества, фокусируются, в первую очередь, на понимании концептов «информация» и «коммуникация», детерминирующих становление нового социального уклада¹. Причем Д. Белл определил несколько ключевых признаков данной стадии: переход к сервисному обществу, кодификация научно-технологического знания и трансформация интеллектуальных технологий в приоритетный инструмент принятия политических решений. Данные процессы происходят как раз под воздействием компьютеризации и автоматизации производства.

М. Кастельс рассматривал информационно-коммуникационные технологии, господствующие в информационном обществе, не столько как обычные каналы и инструменты, сколько комплекс стимулов для творческой деятельности². Информационно-коммуникационные технологии устраняют

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. М.: Academia, 1999.

² Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 2016.

границы между производителями и потребителями информационных ресурсов, имеющих практически одинаковый доступ к ним, что приводит к формированию нового соотношения между культурными традициями и производительными силами. Мысль и знание трансформируются в реальную производительную силу, которая становится важной предпосылкой для формирования новой глобальной экономики, в которой ключевые формы экономической деятельности организуются в виде связывающей социальных агентов разветвленной сети. Такие процессы обуславливают формирование специфической формы социальной организации, в которой ключевыми источниками социального опыта и властных практик становятся манипуляционные операции с информацией. В информационном обществе, опирающемся на сетевые конструкты, фундаментальными источниками власти и производительности становятся как раз процессы производства, распространения и последующей обработки информационных продуктов. Информационное общество обладает такими отличительными особенностями, как нелинейность, плюралистичность и многовекторность. Перечисленные явления и формируют среду новых медиа.

Сам термин «новые медиа» по-прежнему дискуссионен, единая дефиниция отсутствует. Термин «медиа» восходит к латинскому слову «medium» и обозначает посредничество. М. Маклюэн под медиа понимал любой созданный человеком искусственный объект, выполняющий функции посредника между социумом и внутренним миром человека¹. К. Енсен, развивая фокус на посреднической составляющей, определил медиа как набор определенных инструментов, используемых людьми на протяжении всей человеческой истории, однако с учетом актуальной для них реальности². Медиа выполняют целый комплекс различных функций: информационная

¹ Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003.

² Jensen, K. B. Media // The International Encyclopedia of communication. Malden (USA), Oxford (UK), Carlton (Australia), 2008. P. 28112817.

функция, подразумевающая процесс накопления и распространения информационных ресурсов; коммуникативная функция, позволяющая выстраивать коммуникации между различными производителями и потребителями информации; идеологическая функция, обеспечивающая освоение пользователями медиа необходимого социального опыта, ценностей, взглядов. Идеологическая функция медиа обеспечивает и политическую социализацию в том числе, усвоение пользователями актуальных социальных норм, идеологических конструктов и т.д. Также медиа выполняют развлекательную и посредническую функции.

Развивая свой взгляд на медиа, К. Енсен выделил три основных уровня медиа, причем данные уровни выстраиваются исходя из эволюции медиа¹:

1. медиа первого уровня, предоставляющие людям возможность воспринимать реальность и взаимодействовать с другими людьми по поводу актуальной реальности. К медиа первого уровня исследователь относил вербальный язык, танец, музыкальное творчество, живопись и т.д.;

2. медиа второго уровня, позволяющие поддерживать коммуникации в пространстве и во времени вне зависимости от географического расположения участников, количества участников. К медиа второго уровня относятся как раз классические традиционные медиа (печатные газеты, журналы, телевидение, радио), которые имеют строгую централизованную структуру и четкую вертикальную иерархию, исключающие возможность потребителей информации напрямую влиять на процесс создания и распространения контента. Традиционные медиа являются односторонним каналом коммуникации, двусторонняя связь на равноправных основах является крайне редкой;

3. медиа третьего уровня, объединившие предыдущие уровни на цифровой основе и существенно изменившие систему «производитель информации – потребитель информации». Это новые медиа.

¹ Йенсен К. Справочник медиа и исследование коммуникации. «Раутледж». 2002.

Нельзя утверждать об уходе традиционных медиа из общественных процессов. Хотя новые медиа и обходят средства управления старыми медиа, позволяя пользователям создавать, редактировать и распространять медиа и сообщения быстро и глобально, в то же время жесткое противопоставление старых и новых медиа с последующими декларациями о скорой замене одной формы на другую не являются соответствующими действительности, поскольку происходит постепенная конвергенция медиа.

Автор теории конвергенции Г. Дженкинс под конвергенцией понимает феномен трансформации культурного поля, отличительными особенностями которого становятся коллективный интеллект, технологии обратной связи и культура участия¹. Конвергенцию следует рассматривать как комплексный процесс, в котором содержание культурного поля, способы его производства и методы распространения являются взаимосвязанными. По сути, конвергенция представляет собой процесс взаимодействия старых и новых медиа, когда формируется единое информационное пространство.

Само понятие «новые медиа» возникает в результате необходимости определения информационных ресурсов, активно распространяющихся в среде онлайн и имеющих интерактивный характер. Ученые О. Стинг и Д. ван Фухт при изучении традиционных медиа и новых медиа выявили семь критериев, позволяющих сопоставить два данных вида: скорость, открытость миру, характер взаимоотношений с потребителями информации, объем информирования, активность, работа с информацией. Отмечая, что и традиционные медиа, и новые медиа выполняют единую задачу – коммуникативную, авторы делают акцент на том, что новые медиа быстрые, открытые миру, воспринимают потребителей информации как пользователей, а не как публику, кратки в своем распространении информации, более активны и, самое главное, позволяют пользователям самостоятельно генерировать контент².

¹ Дженкинс, Г. Конвергентная культура. М.: РИПОЛ классик. 2019 г.

² Стинс О., Ван Фухт Д. Новые медиа // Вестник ВолГУ. 2008. № 7. С. 98–107.

Создание информационных благ теперь происходит с учетом не только интересов целевой аудитории, но и конкретного пользователя, самостоятельного в поисках, изучении и использовании информационного пространства. Пользователь новых медиа способен самостоятельно производить и распространять контент, легитимируя тем самым свое активное присутствие в пространстве виртуальных коммуникаций. В среде новых медиа происходит смещение фокуса от медиаформату к самому контенту в контексте конвергенции медиапространства. Привлекательные аспекты контента для пользователей теперь являются показателем заинтересованности пользовательской аудитории в онлайн-платформах, а не наоборот. Как итог – происходит формирование пространства новых медиа, способствующее размыванию границ как между различными масс-медиа, так и между форматами подачи контента. Однако новые медиа обречены на постоянное производство информационных благ, в противном случае их ожидает сокращение аудитории и полная потеря привлекательности в сознании пользователей.

Л. Манович выделил принципы функционирования новых медиа:¹

- цифровой код и числовое представление. Новые медиа конструируют и конструируются виртуальными объектами (контентом). Среда программируется посредством использования цифрового кода, тем самым следует говорить о возможности математического описания и исследования трансформационных изменений виртуальной среды посредством специальных алгоритмов;

- модульность цифровой среды. Данный принцип подразумевает возможность рассмотрения цифрового элемента среды новых медиа как самостоятельного и автономного объекта, так и части большого и комплексного контента. Модульность цифровой среды позволяет объекту быстро распространяться среди пользовательской аудитории либо

¹ Манович Л. Теории софт-культуры. Н.Н: Красная ласточка, 2017.

посредством обычного копирования контента, либо через его встраивание в качестве фрагмента в другой контент;

- автоматизация контента, которая предоставляет пользователю возможность для быстрого поиска и нахождения запрашиваемых данных. Автоматизация детерминирует оперативный характер реагирования на обновление информации в новостных лентах и возможность для быстрого распространения контента;

- интерактивность контента в новых медиа, которая проявляется в возможности пользователя влиять на конструирование контента и постепенном стирании границы между автором производимого контента и его потребителями. Интерактивность определяется активным вмешательством пользователей в создание и распространение контента, что является полной противоположностью ситуации с созданием контента традиционными медиа. В новых медиа границы между производителем, распространителем и потребителем контента полностью стираются;

- культурный транскодинг, что подразумевает прямой перевод одного цифрового формата в другой. Транскодинг или перекодировка предполагает рассмотрение любого символического продукта или вирального контента как содержимого, в основе которого заложена компьютерная программа. Контент приобретает вариативность и изменчивость в силу возможности трансформировать данную программу.

Теперь необходимо выделить виды новых медиа на основе функционала и структурных особенностей:

1. интернет-медиа как всю совокупность многообразных коммуникаций между акторами, производящими и потребляющими информацию. К интернет-медиа относят, например, поисковые сервисы и веб-сайты;

2. новые масс-медиа или Интернет-СМИ как веб-сайт, официально выполняющий функцию средства массовой информации. К Интернет-СМИ

можно отнести новостные интернет-издания, интернет-журналы, интернет-радио, интернет-телевидение и т.д.;

3. социальные медиа. Общепринятого и устоявшегося определения у данного термина нет. Д. Торнли определяет социальные медиа как формы онлайн-коммуникации, в рамках которой каждый пользователь постоянно меняет свою роль: от производителя информации до ее потребителя и обратно¹. Социальные медиа, по его мнению, используют специальное программное обеспечение, позволяющее пользователю без усилия и специальной подготовки постоянно работать с информацией: от размещения до редактирования и распространения. К социальным медиа преимущественно относятся социальные сети, веб-сайты некоммерческого характера, чаты, блоги.

Также новые медиа можно классифицировать на основе таких критериев, как аудитория (мужская, женская, национальная, религиозная и т.д.), цели и задачи (популяризация науки, информационное обеспечение деятельности политической партии и т.д.), издатель (государство, политические партии, оппозиционные движения, независимые акторы и т.д.). Однако первая классификация является системообразующей, поскольку в качестве вида новых медиа выдвигает социальные медиа – ту среду, которую активно используют экстремистские течения для распространения своей идеологии, поиска и вербовки новых сторонников, а также поиска источников финансирования.

На фоне других форм новых медиа социальные медиа занимают уникальное положение в силу максимально возможного вовлечения обычных пользователей новых медиа (в традиционных медиа они бы воспринимались лишь в качестве потребителей информации) в процесс производства, распространения и потребления информации. Группа зарубежных ученых (Я. Кицман, К. Хермкенс, Я. Маккарти, Б. Сильвестр) сформулировали ключевые

¹ Thornley, J. What is «social media»? // [Электронный ресурс] URL: <https://propr.ca/2008/what-is-social-media/> (data access: 11.08.2020).

функциональные блоки, формирующие среду социальных медиа¹ (см. рисунок 5).

Рисунок 5 – Функциональные блоки

Социальные медиа предоставляют пользователям уникальные возможности²:

- получение от других пользователей информации. Среда социальных медиа позволяет пользователю получать и оперативно обмениваться с другими такими же пользователями информацией, причем без включения в данную цепочку Интернет-СМИ и т.д. Данная возможность обусловила активное использование различных социальных медиа в акциях политического протеста во многих регионах мира. Социальная сеть во время протестных акций позволяла участникам оперативно обмениваться информацией, выстраивать маршруты перемещений протестующих, создавать сообщества сторонников по всему миру и получать финансирование.

¹ Дукин Р.А. К вопросу определения понятия «социальные медиа» // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 4. С. 37–39.

² Губанов Д.А., Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. «Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства» / Под ред. чл.-корр. РАН Д.А. Новикова. – М.: Издательство физико-математической литературы, 2010.

Показательный пример – Telegram-канал «HEXТА» (по решению Центрального суда г. Минск признан экстремистским материалом), получивший широкое распространение среди участников незаконных протестов против результатов выборов Президента Республики Беларусь в 2020 году. Руководство канала находилось на территории Польши и осуществляло координацию действий протестующих на основе поставляемой самими протестующими модераторам канала актуальной информации. После начала СВО руководство канала заняло проукраинскую сторону, оказывая информационную поддержку признанным в России по решению суда экстремистским организациям, иноагентам и нежелательным организациям;

- верификация идей посредством участия во взаимодействии в социальных сетях. Пользователи участвуют в подтверждении/опровержении различных идей и взглядов, в их проверке на предмет наличия различных искажений и т.д. Социальные медиа являются той средой, в которой установить ограничения на распространение идей достаточно трудно. Государственные институты вынуждены сталкиваться с фактом, что они должны находиться в состоянии достаточно жесткой конкуренции в социальных медиа за внимание, поддержку пользователей и участие пользователей в распространении информации с блогерами, общественными активистами, оппозиционными и антигосударственными деятелями и т.д.

М. Маклюэн и Г. Иннис полагали, что среду новых медиа следует рассматривать не столько в качестве обычного канала, предназначенного для обмена и передачи сообщениями, но как разнообразный набор условий, как уникальную среду (медиумы), позволяющую осуществлять обмен информацией с возможностью трансформировать смысл информации¹. Иными словами, новые медиа и социальные медиа, в частности, способствуют трансформации самих моделей социального поведения и форм социального

¹ Гришанина Т.А. Развитие теории коммуникации и концепций формирования общественного мнения // Электронный научный журнал «Архонт». 2021. № 2 (23). С. 82–89.

взаимодействия, на формировании новых социальных групп, в том числе благодаря прямому включению пользователей в процессы работы с идеями, взглядами и т.д.

Новые медиа и социальные медиа, в частности, оказали мощное воздействие на генерирование социального капитала в силу возможности накопленных в онлайн-среде ресурсов формировать новые социальные коммуникации или преобразовывать старые интерактивные формы. Новые медиа формируют обстановку наличия отдаленного присутствия, относящегося к способности медиумов обеспечить обмен информацией и социальным опытом между различными пользователями, находящимися за пределами физического взаимодействия друг с другом. Тем самым, новые медиа способны оказывать значительное воздействие на характер взаимодействия, на способы обмена накопленного социального опыта. Пользователи новых медиа расширяют собственный социальный капитал посредством расширения межличностных связей, вступления в различные сообщества, активного ведения собственных страниц в качестве блогера или микроинфлюенсера и т.д. Метрическими показателями социального капитала в социальных сетях для пользователей становятся: количество друзей и подписчиков; количество набранных лайков, реакций, комментариев и репостов; охват пользовательской аудитории и т.д.

Контент в новых медиа вне зависимости от направленности (например, противоправный или полностью законный) обладает рядом универсальных характеристик:¹

– использование компьютерных программ и различных приложений для создания или воспроизводства контента: это может быть либо видеоматериал, либо подкаст, либо брошюра;

– электронный формат контента, предполагающий возможность передачи материалов, в том числе, на цифровых носителях;

¹ Батухтина О.А., Новоселова А.Н. Признаки этнического экстремизма в интернет-среде // Проблемы современной науки и образования. 2021. № 1. С. 62–65.

– высокая скорость передачи материалов представителям целевой аудитории, при этом круг целевой аудитории четко не определен и может охватывать различные аудитории, выделяемые по возрастному признаку, социальному положению и др.;

– крайне низкие затраты на производство материалов. Каждый пользователь обладает широким арсеналом приложений, в том числе бесплатных, использование которых с целью производства контента не требует наличия специальных знаний;

– быстрый поиск единомышленников с помощью таргетированной рекламы и под воздействием «фильтров пузырей», а также алгоритмизации поиска в новых медиа;

– невозможность установить полный контроль и цензуры над новыми медиа со стороны государственных органов власти.

Благодаря своей уникальной среде и исходя из особенностей распространяемого контента, новые медиа существенно видоизменяют политические процессы, динамику развития политических движений и партий, общественно-политической активности в целом.

Во-первых, новые медиа трансформируют процессы политической идентификации. Д.Г. Балугев и Д.И. Каминченко отмечают, что широкое распространение информации о деятельности различных политических сил позволяет существенно ускорять или замедлять у пользователей ассоциирование или отождествление себя с данными силами¹. В самой среде возникают новые политические активисты, тесно связанные с новыми медиа, ведущие активную политическую деятельность в цифровой среде и посредством активного распространения сведений о себе, своих взглядов и ценностей. Новые медиа такие активисты могут использовать не только для

¹ Балугев Д.Г., Каминченко Д.И. Влияние так называемых новых медиа на процесс политической идентификации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология, 2016. № 2. С. 39–42

распространения своих идеологических взглядов, но и, в том числе, для координации политической активности.

Во-вторых, новые медиа способствуют десакрализации представлений о власти в целом и институтов государственной власти как о нечто недоступном для обычного гражданина. И, в-третьих, новые медиа формируют новые формы политической активности. Исследователь Я. Теохарис выделил несколько типов такой деятельности, возникших благодаря развитию новых медиа¹:

1. организация и подача электронных петиций – специальных коллективных обращений граждан в органы государственной власти, коллективных жалоб граждан на действия властей, а также коллективных предложений граждан по решению какого-либо общественно значимого вопроса;

2. организация и проведение специальных митингов и демонстраций в социальных медиа;

3. непосредственно реакция пользователей в социальных медиа в виде комментирования, репостов, лайков и реакций.

Помимо выделенных форм политической активности, по мнению автора диссертации, следует выделить также:

1. организация финансирования политической деятельности посредством либо прямых пожертвований (в виде так называемых донатов), так и посредством покупки атрибутики, сувенирной продукции и т.д.;

2. создание и распространение политического контента в форме изображений, аудио- и видеоматериалов и т.д.

Новые медиа – уникальное поле, отличающееся наличием огромного количества носителей различных ценностей, взглядов и идеологических предпочтений, которые могут трансформироваться в значительной степени

¹ Teocharis Y. The Conceptualization of Digitally Networked Participation // Social Media + Society. 2015. DOI: <https://doi.org/10.1177/2056305115610140>.

под влиянием других пользователей. Постоянно формируются новые сообщества и группы под воздействием отдельных лидеров мнений – игроков с высоким уровнем влияния на поведение пользователей. В данных сообществах устанавливаются собственные социальные нормы, соблюдение которых обеспечивает членство пользователей в них, в данных сообществах конструируются новые формы идентичности.

Такие сообщества представляют собой определенные медиатизированные миры, если обратиться к исследованиям Ф. Кротца и А. Хеппа. Медиатизированные миры – малые социальные миры, артикулированные посредством медиакоммуникаций. А. Хепп в качестве ключевых аспектов медиатизированных миров выделяет следующие: во-первых, медиатизированные миры обладают коммуникативной сетью, тем самым нивелируя ограниченность географии; во-вторых, медиатизированные миры существуют на всех уровнях социальной реальности, поэтому концепт медиатизированных миров может использоваться для проведения анализа социальных взаимодействий как на микроуровне, так и на макроуровне; в-третьих, медиатизированные миры постоянно пересекаются друг с другом, обладая при этом внутренней сегментацией¹.

Медиатизированный мир обладает собственной коммуникативной фигурацией, который и включает в себя ряд аспектов: во-первых, внутреннее взаимодействие акторов как структурный базис коммуникативной фигурации; во-вторых, коммуникативные формы – стандартные типы опосредованной коммуникации, эволюционирующие поэтапно в комплексные модели коммуникативных практик; в-третьих, тематические фрейминги как контекстуальные рамки, определяющие коммуникативную фигурацию как социокультурную сущность; в-четвертых, медиа-ансамбли, которые представляют собой совокупность поддерживающих коммуникативную

¹ Хепп А. Исследование коммуникативных фигураций медиатизированных миров в условиях «Тотальной медиации» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом, 2020 г. № 38 (2). С. 98–123.

фигурацию различных медиа – трансмедийных комплексов, обладающих определенными свойствами¹.

Автором диссертационного исследования медиатизированный мир представляется в качестве своеобразной цифровой платформы или сообщества, сформированных определенной группой пользователей новых медиа, которые между собой установили коммуникации на основании близости мировоззренческого уклада и постоянно формируют виртуальное пространство путем создания специального контента на интерактивной основе для воспроизводства социального опыта. Медиатизированный мир, безусловно, подвергается определенной модерации, однако, чем меньше степень регулирования и контроля коммуникаций внутри медиатизированного мира со стороны администрации, тем более динамичным и одновременно хаотичным такой мир становится.

Медиатизированные миры представляют собой построенные по типу фанатских сообществ коммуникативно-интерактивные площадки, в рамках которых формируются желанные образы действительности, условные герои, истории и полноценные нарративы, дополняемые самими пользователями площадок. Проведение аналогии с фанатскими сообществами неизбежно актуализирует значимость исследований Г. Дженкинса. Понятие «фанатство» в его исследованиях используется для описания сообществ, построенных вокруг совместного наслаждения таким аспектом популярной культуры, как книги, фильмы, телешоу, группы, спортивные или спортивные команды и т.д. Фан-культуры являются примерами культуры участия. Культуры участия вовлекают поклонников, действующих не только как потребители, но также как производители и создатели той или иной формы креативных медиа. Сама же культура участия состоит из следующих элементов: во-первых, низкие барьеры для художественного самовыражения и гражданской активности; во-вторых, высокий уровень взаимной поддержки среди единомышленников по

¹ Краснов Г.С., Сидорня А.А. Теоретическое обоснование концепций трансмедийного сторителлинга // Молодой исследователь Дона, 2018. С. 94–108.

созданию и обмену контентом в рамках фан-культуры; в-третьих, определенный тип неформального наставничества, в рамках которого самые опытные участники сообщества передают знания новичкам, по сути, способствуя их виртуальной социализации; в-четвертых, атмосфера сообщества позволяет обычным пользователям быть сопричастным к процессу формирования и распространения контента; в-пятых, культура участия предоставляет последователям какого-либо сообщества возможность почувствовать социальные связи друг с другом и получить необходимое чувство социальной солидарности.

Культура участия обладает потенциалом для трансформации в различные формы сопротивления. Само существование подобных сообществ представляет собой критику традиционных социальных институтов, традиционных форм культуры. В отличие от традиционных масс-медиа, которые призваны преимущественно транслировать взгляды и культурные практики находящиеся у власти групп, новых медиа в силу культуры участия способствуют активному участию пользователей в генерировании собственного творческого материала, который при этом лишен полностью авторской принадлежности. Доминирование культуры участия в новых медиа приводит к тому, что пользовательская аудитория постоянно включена в процесс самопрограммирования, что автоматически исключает возможность на сегодняшний день для правящих в политической сфере групп заниматься программированием пользователей. Доминирование культуры участия в новых медиа подразумевает невозможность создания определенного универсального контента, который будет потребляться всеми пользователями социальных медиа.

В условиях доминирования культуры участия трансформируется логика формирования контента: теперь речь идет не о создании самого контента в социальных медиа, а о формировании производящей контент структуры, основанной на взаимодействии пользователей.

Сами медиатизированные миры постепенно подвергаются процессам квалифицирования. Е.Г. Ним представила три типа медиатизированных миров, находящихся между собой в тесном взаимодействии и взаимосвязи¹:

– во-первых, миры-территории, имеющие конкретные географические границы и геолокацию. Миры-территории находятся в постоянном динамичном развитии и конструировании собственной локальной идентичности, в том числе посредством социальных медиа;

– во-вторых, миры-фигурации, представляющие собой сети взаимосвязанных акторов, которые связаны между собой специфическими социальными практиками. Миры-фигурации не обладают четкой территориальной детерминантой;

– в-третьих, миры-альтернативы как воображаемые миры, не обладающие географической детерминантой и материальным воплощением, но имеющие стремления к географической объективизации. Миры-альтернативы появляются в результате погружения членов социума в альтернативные от повседневности «конечные области значений», которые сами по себе не могут быть медиатизированы. Однако накопленный социальный опыт пользователями новых медиа посредством этих же медиа репрезентуется и материализуется.

Медиатизированные миры функционируют с помощью нарративов и шире нарративных стратегий, поскольку именно данные инструменты выступают ключевым механизмом воспроизводства и распространения социального опыта. Само понятие «нарратив», подобно другим терминам гуманитарных дисциплин, имеет весьма размытый характер и может пониматься как: форма дискурса, которая образует специфический нарративный модус мышлений, согласно Дж. Брунеру;² общая

¹ Ним Е. (Не)социальное конструирование реальности в эпоху медиатизации // Социологическое обозрение, 2017. Т. 16. № 3. С. 409–426.

² Bruner J. Self-making and world-making // Journal of Aesthetic Education. 1991. Vol. 25(1). P. 67-78.

метатеоретическая парадигма, по мнению Т. Сарбина;¹схема организации опыта, который структурирован особым способом².

Основатель нарратологии как отдельного научного направления Дж. Принс определял нарратив как определенное представление нескольких событий реального или вымышленного характера во временной последовательности, причем ни одно событие не находится в подчиненной зависимости у другого³. Американские лингвисты У. Лабов и Дж. Валетски под нарративом понимали механизм трансляции событий посредством выстроенной последовательности и упорядоченности, образующих единую временную последовательность предложений.

Нарратив как конструкт принято рассматривать с трех основных позиций. Первое направление – традиционный или лингвистический подход, трактующий нарратив как историческое повествование, реконструирующее и репрезентующее накопленный социальный опыт⁴. Второе направление – когнитивное рассмотрение нарратива как формы особой когнитивной действительности. В рамках данного направления нарративы «задают параметры повседневного и определяют правила и способы идентификации объектов, которые подлежат включению в дискурсивное пространство»⁵. Третье направление – анализ нарративов как метапарадигмы современной теории коммуникации. Здесь следует сфокусироваться на

¹ Sarbin, T.R. (2004) *Narrativ kak bazovaya metafora dlya psikhologii* [Narrative as a basic metaphor for psychology]. *Postneklassicheskaya psikhologiya* [Postnonclassical psychology]. 1, 6-28.

² Labov W., Waletzky J. *Narrative analysis: Oral versions of personal experience* // Helm J. (Ed.) *Essays on the Verbal and Visual Arts: Proceedings of the American Ethnological Society*. - Seattle: University of Washington Press, 1966. P. 12-44.

³ Prince, G. *A Dictionary of Narratology*. Lincoln & London: University of Nebraska Press, 2003.

⁴ Schiffrin D. *In Other Words: Variation in Reference and Narrative*. Cambridge University Press, 2006. 390 p.

Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // *Вопросы философии*. 2000. № 3. С. 29–42.

⁵ Розенфельд И. *Дискурс и нарратив* [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Cursorinfo.co.il». URL: <http://cursorinfo.co.il/news/analyze/2006/03/01/discurs/> (дата обращения: 26.05.2020)

попытке выработать универсальную коммуникативную модель, в центре которой располагаются нарративные компоненты, которую предпринял профессор Анненбергской школы медиа-исследований У. Фишер. Данная модель, получившая наименование «нарративная парадигма», базируется на следующих положениях¹:

– во-первых, члены социума являются рассказчиками различных историй, причем в рамках нарративной парадигмы люди не нуждаются в интерпретаторах и экспертах для оценки позитивных и негативных аспектов конкретных историй;

– во-вторых, социум пронизан различными историями, а не логическими связями, причем члены социума самостоятельно выбирают приемлемые для себя нарративные конструкты;

– в-третьих, ключевую роль в нарративной парадигме в процессе выбора нарративов играют ценностные аспекты и эстетические предпочтения членов социума;

– в-четвертых, в основе определения релевантности историй для членов социума располагается нарративная рациональность, базирующаяся на связности и точности историй.

Нарративная парадигма У. Фишера подверглась серьезной критике за определенные недостатки, в частности, за слишком широкую интерпретацию понятия нарратив с включением в него практически всех коммуникаций в социуме, за превалирование логики «достаточных оснований и за односторонность парадигмы в контексте чрезмерной опоры на ценности». В то же время нарративная парадигма У. Фишера полезна настоящей диссертации, поскольку делает акцент на активном участии самих пользователей новых медиа в воспроизводстве и распространении нарративов, которые формируют медиополе новых медиа. Для эффективного воздействия на сознание

¹ Fisher, W. R. Clarifying the narrative paradigm. *Communication Monographs*, 1989. № 56(1). P. 55- 58.

пользователей новых медиа необходимо наличие следующих структурно-функциональных компонентов:

- наличие логичности выстроенной структуры, что подразумевает связность и последовательность нарративных элементов;
- гармоничное встраивание нарратива в общую совокупность последовательных историй для формирования целостной картины мира у пользователя социальных медиа;
- правдоподобный характер персонажей нарративов;
- точность нарративов, определяемая У. Фишером как соответствие ценностям членов социума, их представлениям о добре и зле с последующими возможностями оказывать воздействие на формирование мировоззрения.

Нарратив как когнитивный инструмент формирования социальной действительности имеет свои структурные характеристики. Анализ нарративов неизбежно приводит к разбору структуры самого нарратива, и здесь автором диссертации отмечается важность анализа схемы нарратива, предложенной У. Лабовым и Дж. Валетским¹. Согласно исследователям, которые определяли нарратив как «способ репрезентации прошлого опыта при помощи последовательности упорядоченных предложений, отражающий временную последовательность событий», выделяются шесть элементов структуры нарратива с определенной функциональной нагрузкой для каждого из них:

- лаконичное изложение для реципиента смысла происходящих событий и явлений, которые будут находиться в центре повествования;
- определение хронологических и географических границ повествования, ключевых персонажей, символов и идей;
- описание произошедшего события или явления достаточно конкретно для аудитории нарратива;

¹ Labov W. Language in the Inner City: Studies in the Black English Vernacular. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972. 412 p.

- трансляция оценки события или явления, фиксация положительных и отрицательных аспектов;
- презентация результата или решения события;
- подведение итога нарратива.

Нарративы позволяют медиатизированным мирам обеспечивать свое существование. Нарратив выступает тем самым механизмом, который позволяет транслировать определенный социальный опыт от пользователя к пользователю в рамках медиатизированного мира. В распространение и воспроизводство нарративов активно включаются сами адепты медиатизированных миров, которые могут и не являться его модераторами.

Если нарратив выступает определенным конструктом, то стратегия применительно к нарративу, по мнению О.А. Ковалева, означает «определенную организацию системы выразительных средств повествования», цель которой заключается в воздействии на сознание реципиента¹. Нарративная стратегия состоит, по мнению В.И. Тюпы, из трех ключевых компонентов: во-первых, нарративная картина мира, которая определяет в повествуемом мире порядок и природу событийности²; во-вторых, нарративная модальность, представляющая собой изложение нарратором событий в соответствии со знаниями, убеждениями, своей позицией; и, в-третьих, нарративная интрига, которая состоит в кульминационном напряжении событийного процесса и пробуждает в реципиенте определенные ожидания. На основе определения основных нарративных картин мира В.И. Тюпа выделяет основные нарративные стратегии, которые не противопоставляются друг другу, и во многом взаимно дополняют друг друга:

¹ Ковалев, О.А. Нарративные стратегии в литературе (на материале творчества Ф.М. Достоевского) : монография / О.А. Ковалев. – Б. : Изд-во Алт. ун-та, 2009.

² Тюпа В.И. Жанровая природа нарративных стратегий // Филологический класс. 2018. № 2 (52). С. 19–24.

- мифологическая нарративная стратегия, формирующая достаточно целостный мир, внутри которого уже происходят определенные события;
- императивная нарративная стратегия, которая предполагает определенное подчинение с помощью манипулятивных инструментов реципиентов, участников медиатизированного мира, для принятия определенных решений;
- окказиональная нарративная стратегия, предполагающая возможность спонтанной событийности и отдельных незапланированных инициатив в целостном мире;
- вероятностная нарративная стратегия, формирующая у реципиентов определенное чувство ответственности за развитие в дальнейшем сложившегося мира без оспаривания их свободы действий.

Данная типология нарративных стратегий оптимально встраивается в систему функционирования медиатизированного мира, который и представляет собой определенный целостный мифологизированный мир со своими кумирами и героями, со своими противниками. Участники медиатизированного мира в определенной степени подчиняются общей стратегии действий мира для обеспечения его устойчивости и развития, например, в политическом аспекте, призывам голосовать или не голосовать за определенные политические силы в период электоральных циклов. В медиатизированном мире могут происходить определенные спонтанные события, которые могут либо не оказывать сильное воздействие на развитие мира, либо могут становиться своеобразными точками бифуркации. И, наконец, медиатизированный мир накладывает на своих сторонников определенные обязательства для поддержания функционирования этого мира, расширения числа его сторонников и распространения его идеологических конструктов.

Таким образом, в данном параграфе автором были рассмотрены ключевые концепты и теоретические комплексы, конструирующие

методологический каркас диссертационного исследования. Новые медиа представляют собой кардинальную трансформацию системы коммуникаций между различными уровнями и звеньями в процессах производства, распределения, интерпретации, обмена и дальнейшего распространения информационных ресурсов. Платформы новых медиа – это пространственные по своей глубине и возможности охвата аудитории коммуникационные площадки, фундамент которых находится в интерактивной форме манипуляций с информационными ресурсами. Новые медиа стали возможны благодаря развитию информационного общества, сущность которого как сетевого социума с большим количеством горизонтально выстроенных сообществ автономного характера детерминирует характер возникающих внутри него медиатизированных миров, построенных на принципе равенства пользователей, социального присутствия, интерактивного создания информационных ресурсов. Медиатизированные миры являются инструментами и механизмами накопления социального капитала и социального опыта, платформами специфической социализации в формате онлайн и медиумами, оказывающими воздействие на трансформацию смыслов информационных ресурсов, ценностей и мировоззренческих укладов пользователей. Наиболее приоритетным механизмом для формирования и обеспечения функционирования медиатизированных миров являются нарративы и полноценные нарративные стратегии в целом. Нарратив как универсальный вид речевого взаимодействия выполняет ключевую роль в процессах трансляции социального опыта и конструирования идентичности. Главными элементами нарратива являются собственно повествование и нарратор – рассказчик, который может быть встроен в нарратив на правах одного из персонажей, а может представлять собой независимого игрока, находящегося над схваткой. Нарратив универсален и имеет семиотическую природу вербального и невербального характера. Нарративные стратегии по формированию социальной действительности и виртуальной реальности в

контексте новых медиа становятся ключевыми инструментами медиатизированных миров, в том числе экстремистских по своему характеру.

ГЛАВА II. ПРАКТИКИ И МЕХАНИЗМЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В СРЕДЕ НОВЫХ МЕДИА

2.1 Механизмы распространения проявлений политического экстремизма в среде новых медиа

Опираясь на предыдущие разделы диссертационного исследования, благодаря которым раскрыта сущность политического экстремизма, а также охарактеризованы новые медиа, следует отметить, что распространение проявлений политического экстремизма в среде новых медиа происходит преимущественно в двух направлениях (см. таблица 3):

Таблица 3 — Направления распространения политического экстремизма

Направление	Проявления	Примеры
Организация и обеспечение деятельности	Руководство	Руководство сообществом экстремистской направленности в социальной сети или мессенждере
	Финансирование и обеспечение материально-технической базой	Сбор и предоставление денежных средств в виде донатов (пожертвований)
	Вовлечение новых сторонников	Вербовка путем рассылки личных сообщений после поиска жертвы
Пропаганда деятельности	Распространение идеологии	Распространение манифестов или плакатов, содержащих основные идеи и символику экстремистской организации
	Одобрение и оправдание	Посты или одобрительные комментарии под публикациями экстремистского характера
	Создание медиаматериалов	Подготовка и распространение видеоролика с призывами присоединиться к экстремистской организации

Фундаментом любой экстремистской организации выступает именно идеология как система ценностей, идей и взглядов на устройство общества и государства, цель которой состоит, в том числе, в легитимации политических действий, направленных на утверждение данного устройства.

Сам термин «идеология» был введен французским философом Д. де Траси (1754 – 1836) в книге «Элементы идеологии», в которой анализируемая

категория рассматривалась как «наука об идеях, о том, как они возникают, о закономерностях человеческого мышления»¹. Примечательно, что император Франции Наполеон в свое время отверг взгляды де Траси на идеологию и отказался заменять политическую идеологию абстрактными конструкциями. Однако свое второе рождение в научной сфере термин «идеология» приобрел у выдающихся философов коммунистической идеи К. Маркса и Ф. Энгельса. Создатель одноименного философского течения подразумевал под идеологией своеобразное ложное сознание, выражающее специфические интересы определенной доминирующей социальной группы на основе общественного неравенства. Правда его последователь, российский революционер В. Ленин несколько изменил с точки зрения марксизма понятие «идеология», применив выражение идеологии пролетариата как особого революционного языка, а не формы ложного сознания. Однако не все представители политической мысли согласны с экономическим детерминантом идеологического процесса. Известный немецкий философ К. Мангейм в произведении «Идеология и утопия» призывал не сводить общественное бытие исключительно к материалистическим концептам, призывая помнить о таком мощном факторе общественного бытия, как религиозный². Причем в своей работе К. Мангейм подчеркнул конструктивный формат идеологии как механизму постоянного сохранения и воспроизводства компонентов существующего общественно-политического строя, в то время как утопия представляет трансцендентной материей, поражающей функционирование существующего строя³.

Позднее, развив концепт К. Маркса «критика идеологии», свою лепту в изучение идеологических конструкций внесли основатели Франкфуртской

¹Бирюкова Н.Б. Концепция логики Дестюта де Траси. В кн.: Бирюкова Н.Б. Логическая мысль во Франции XVII- начала XIX столетий: Французские предвосхищения идей математической логики. М., 2006. С. 103-120

² Трунов А.А. Интеллигенция, идеология и утопия в эпистемологическом проекте К. Мангейма // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2020. Т. 45. № 4. С. 711–718.

³ Мангейм К. Идеология и утопия. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.

школы М. Хоркхаймер и Т. Адорно, которые обозначили идеологию как продукт исторического процесса¹. Причем последователи целостных идеологических конструкций представляют собой относительное меньшинство, в то время как в стандартных ситуациях идеологические системы усваиваются большинством в общепринятых мыслительных шаблонах. Французский философ Р. Арон также подразумевал под идеологией продукт исторического процесса, при этом данный продукт постоянно видоизменяется посредством протекающего в рамках идеологического процесса общественно-политического диалога. Поэтому идеология сохраняет свой формат «видения будущего» - динамичного и непрерывного².

Существует в общественно-политической мысли течение, которое критикует идеологические конструкты за их ложность и иллюзорность. Ярким примером негативного отношения к детерминации общественно-политических процессов посредством идеологии является работа «Смысл и назначение истории» известного немецкого философа К. Ясперса. Осмыслив трагические события первой половины XX столетия и, в особенности, германский ученый назвал идеологию системой идей и концептов, которую мыслящий субъект, т.е. политический актер или обычный представитель социума, использует в качестве абсолютной истины и в выстраивании собственной картины мира дабы оправдать все свои действия³. Такие идеологические конструкты по определению являются ложными, и как показали события прошлого века, могут привести к настоящей катастрофе⁴. Следует отметить и другие подходы к пониманию идеологии в политической науке. Определенная часть политологов во главе главными представителями итальянской школы элитологии (Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс) полагают,

¹Шушкина А.Г. Критическая теория общества сегодня // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 2. С. 98–103.

² Раймон А. Опиум интеллектуалов. М.: АСТ, 2015.

³ Бабаджян А.Н. Человек и история в философии Карла Ясперса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2009. Серия 6. Выпуск 4. С. 240–244.

⁴ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 147

что идеология является вполне удобным и даже необходимым инструментом легитимации существующего общественно-политического строя. Причем интересным фактом остается постоянная апелляция идеологических конструктов как к разуму человека, так и его эмоциям. Такой двойной подход превращает идеологию в мощнейший инструмент управления массами. К примеру, американский исследователь Д. Белл подчеркнул, что одной из интересных функций идеологии является «канализация эмоций», т.е. сознательное артикулирование использования эмоций представителей социума и самого социума в целом для реализации замыслов и интересов политических агентов и акторов¹.

Весьма примечательно, что, возникнув в период позднего Просвещения как наука об идеях, «идеология» как термин быстро приобрела социально-политические коннотации. То есть любое социально-политическое явление, имеющее отношение к формулированию идей, целей и программ политической деятельности, которая направлена на трансформацию общественных порядков, воспринимает как идеологический продукт со всеми вытекающими обстоятельства. Причем подобное восприятие идеологии доминирует по сей день. Однако интеллектуальная дискуссия в мировой общественно-политической мысли привела к концу прошлого столетия к более адекватному и объективному восприятию идеологических конструктов. К примеру, английский политический философ М. Фриден подразумевал под идеологией своеобразный набор политических концептов, формирующихся на основе вполне стабильных и достаточно вариативных компонентов, селекция которых производится на основе рационального выбора². Причем такие компоненты являются вполне закономерными результатами политического мышления. Вообще теория М. Фридена базируется на пяти ключевых представлениях об идеологиях: во-первых, социальные группы являются

1 Bell D. The End of Ideology: on the exhaustion of political ideas in the fifties. NY.: Free Press ; London: Collier Macmillan, 1962.

² Freedman M. Ideology: a Very Short Introduction. O.:Oxford UP, 2003.

одновременно и производителями, и потребителями идеологических продуктов (французский философ П Бурдьё называл это «продуктом двойного социального конструирования»); во-вторых, функционал идеологии формируется на основе комбинирования легитимации, социализации и побуждения к действию социальных групп и политических акторов; в-третьих, идеология представляет собой форму политического мышления, концептуализирующую окружающий политического субъекта социальный мир; в-четвертых, политические идеологии являются базой для принятия политических решений, поэтому взаимопроникновения концептов власти и идеологических конструктов крайне велико; в-пятых, идеология есть продукт мыслительного процесса, поэтому этот продукт стоит и нужно рассматривать, используя интерпретативные методы. Схожей позиции придерживаются и представители российской политической мысли. В частности, российский политолог В.Г. Войтоловский подразумевает под идеологией используемую для социальной организации и управления социумом систему идей, концептов и ценностей, задающую вектор общественно-исторического развития¹. Таким образом, любая политическая идеология представляет собой систему ценностей, идей и взглядов на устройство общества и государства, цель которой состоит в том числе в легитимации политических действий, направленных на утверждение данного устройство. Если рассматривать идеологию политического экстремизма, то следует отметить следующее: ее противоправный характер по своей сути. С.А. Буткевич подчеркивает, что идеология экстремизма в целом представляет собой систему взглядов и ценностей, которая позиционирует насилие и иные противоправные действия как основное средство решения различных общественных проблем². Российский ученый М. Яхъев отмечает, что экстремизм, представляющий собой многогранное социально-политическое явление, состоит из четырех

¹ Войтоловский Ф.Г. Идеологическая рефлексия мировой политики // Международные процессы. 2009. № 1 (19). С. 44–56.

² Буткевич С.А. Идеология терроризма и экстремизма: явные и скрытые угрозы // Общество и право. 2016. №4 (58). С. 88–93.

основополагающих элементов, одним из которых является идеология экстремизма¹.

Идеология экстремизма выполняет следующие функции: во-первых, интеграционная, которая способствует социализации; во-вторых, мобилизационная, переводящая, в том числе, идеи в различные социальные действия; в-третьих, легитимизирующая, то есть обосновывающая необходимость насильственной трансформации политического порядка; в-четвертых, когнитивная функция, способствующая формированию общности; и, в-пятых, нормативная, которая формирует нормы социального поведения.

Подобно любой идеологии, идеология политического экстремизма обладает целым набором характерных особенностей, универсальных, например, для адептов политического экстремизма левого и правого характера. М.К. Арчаков выделяет следующие черты²:

1. наличие и активная эксплуатация идей превосходства различного характера (национального, религиозного, социального) определенных социальных групп. Политические экстремисты убеждают своих последователей, что именно они должны обладать всем спектром прав и свобод, в том числе, на свободное получение и распространение информации, на объединения и партии, на собрания, митинги, шествия и демонстрации, права на участие в управлении государством, права избирать и быть избранными и т.д. Следует отметить, что при противодействии экстремизму государственные органы власти ограничивают преимущественно в этих правах лиц, признанных судом экстремистами;

2. распространение идей о необходимости создания общественно-политического устройства, отвечающего интересам только определенной социальной группы. Политические экстремисты нередко мифологизируют

¹ Яхъев М.Я. Факторы воспроизводства экстремизма и терроризма в современной России: комплексный анализ // Каспийский региона: политика, экономика, культура. 2016. № 2 (47). С. 83–88.

² Арчаков М.К. Идеология политического экстремизма // Социум и власть. 2012. №6 (38). С. 59–62.

реальность, декларируя деградацию и упадок современного общественно-политического устройства. В своих высказываниях политические экстремисты напрямую призывают к возрождению определенных политических конструкций, представляя их в качестве «идеальных» политических образований и наиболее отвечающих интересам определенной социальной группы. Например, экстремисты левого толка заявляют о необходимости немедленного возрождения СССР, а экстремисты правого толка представляют фашистские режимы Европы 1920-1940-х гг. как идеальные для них политические устройства общества;

3. доминирование идей о необходимости разрушения существующего порядка для разрешения назревших проблем. Для экстремистов неприемлемы идеи поэтапного ненасильственного преобразования общества, поскольку они осознают, в том числе, вероятное сопротивление в реализации идей со стороны других социальных групп. Использование нелегитимного политического насилия представляется экстремистам единственно верным способом решения поставленных задач;

4. отсутствие монолитности. Политические экстремисты бесконечно заимствуют удобные для собственного использования различные идеологические конструкты в достаточно упрощенной форме для широкого распространения среди возможных последователей.

В основе идеологии политического экстремизма находятся:

1. необходимость посягательства на принцип законности как необходимости неуклонного соблюдения и исполнения всеми субъектами социальных норм. Политические экстремисты настаивают на отрицании и необходимости насильственной деконструкции сложившегося политического устройства общества и сформированной нормативно-правовой базы. Некоторые сторонники политического экстремизма настаивают даже на отсутствии сложившегося государства как полноценного политического

субъекта (экстремистские организации «СССР»¹ в России и так называемых рейсхбюргеров Германии);

2. отрицание устоявшихся границ государства и подрыв его территориальной целостности. Исходя из того, что политические экстремисты отрицают существующий политический режим, их, в том числе, могут не устраивать существующие границы. Показательным примером является деятельность международной террористической организации ИГИЛ (запрещена в Российской Федерации), которая некоторое время существовала как квазигосударственное образование (халифат) на территориях Сирии и Ирака. Последователи ИГИЛ² отрицали актуальные государственные границы и государственные устройства в целом, создавая на завоеванных территориях специальные вилайяты. Даже желаемые территории, которые ИГИЛ не контролировали в определенный момент, информационно-пропагандистские структуры ИГИЛ также называли вилайятами;

3. обоснования необходимости применять системное насилие в отношении представителей определенных социальных групп на основании их национальной, религиозной и социальной принадлежности. Например, адепты политического экстремизма правого характера всегда будут высказываться за насилие и в определенных ситуациях проявлять насилие в отношении определенных национальных групп. Спектр предполагаемых насильственных мер в отношении других национальных групп у указанной группы политических экстремистов достаточно широк: от поражения в правах до депортации и даже геноцида;

4. отрицание идеи равенства между различными социальными группами. Сторонники политического экстремизма всегда отрицают саму возможность законодательного установления равных прав и свобод всем членам общества. Более того, экстремисты утверждают, что представители конкретной социальной группы (например, представители определенной

¹ Экстремистская организация, запрещена в Российской Федерации.

² Террористическая организация, запрещена в Российской Федерации.

нации) в современных условиях ущемлены в своих правах, например, при трудоустройстве или в праве избираться на определенные должности в государстве.

Активное распространение идеологии политического экстремизма в современном мире преимущественно происходит посредством новых медиа, предоставляющих пользователям интернета широкие возможности по поиску, созданию и распространению информации. Среда новых медиа предоставляет пользователям доступность, полную творческую самореализацию, ликвидацию определенных запретов и стирание границ между пространством и временем. Важно подчеркнуть, что вхождение в сообщества и медиатизированные миры сопровождается принятием определенных установок и их последующей трансляции в виде символов и тезисов, оформленных в различные виды контента: изображения, видео- или аудиоматериалы, текстовые сообщения и комментарии. Поэтому для тех, кто занимается мониторингом новых медиа, сети Интернет в целом, на предмет выявления экстремистских проявлений, критически важно знать идейных установок, символов, ключевых персонажей транслируемых идеологий и т.д.

Автором диссертационного исследований в рамках мониторинга сети Интернет на предмет выявления такого контента проведено в 2021 году комплексное исследование 30 сообществ праворадикального и экстремистского толка в социальной сети «ВКонтакте», получен комплекс символов, посредством демонстрации которых сторонники праворадикальных экстремистских течений и организаций могут в сети Интернет продемонстрировать свою приверженность данным идеям (см. таблицу 4).¹

¹ Венцель С.В. Символы праворадикальных течений в Рунете: историческая преемственность и современные черты // Обзор.НЦПТИ. 2021. № 3 (26). С. 25–37.

Таблица 4 – Результаты исследования

Группа символов	Детальное описание
Рунические символы	Древнескандинавские/древнегерманские руны, например: руна «Хагал», руна «Одал», руна «Тейваз», руна «Альгиз» и некоторые другие руны;
Символика Третьего Рейха	<p>- свастика, изображенная на государственном флаге Третьего Рейха, а также включенная в нацистскую партийную символику (например, флаг Национал-социалистической немецкой рабочей партии и т.д.), а также свастика, включенная в герб Третьего Рейха (орел со свастикой);</p> <p>- отличительные символы организации СС, а именно эмблема (сдвоенные руны «зиг»), эмблема «Мертвая голова» и т.д</p>
Символы европейских фашистских и нацистских движений в период Второй мировой войны, сотрудничавших с германскими нацистами	<p>Символика следующих партийных организаций:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Итальянская фашистская партия; - венгерская партия «Скрещенные стрелы»; - австрийский «Отечественный фронт»; - «Британский союз фашистов»; - испанская «Фаланга»; - норвежская партия «Национальное согласие» и т.д. <p>Отдельно следует выделить украинские националистические организации, выстроившие сотрудничество с немецкими нацистами в период Второй мировой войны:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Организация украинских националистов¹; - Украинская повстанческая армия²; - Украинская народно-революционная армия и т.д.³

¹ Экстремистская организация, запрещена в Российской Федерации.

² Экстремистская организация, запрещена в Российской Федерации.

³ Важно подчеркнуть, что перечисленные организации, включая еще одну экстремистскую организацию УНА-УНСО, в январе 2024 года Минюст России включил в перечень нацистских организаций, указанных в ч. 3 и 4 ст. 6 Федерального закона «Об увековечивании Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов». В данном перечне указано не только наименование организации, но и описание символики: например, к символике экстремистской организации ОУК относятся

Буквенные и числовые комбинации	<ul style="list-style-type: none"> - «14»: данная числовая комбинация представляет собой предложение на английском языке, произнесенное американским неонацистом Д. Лейном «Мы должны защитить само существование нашего народа и будущее для белых детей»; - «18»: данная числовая комбинация имеет две трактовки: латинское обозначение А. Гитлера по первым буквам имени и фамилии; обозначение международной неонацистской организации Blood and Honor/Combat 18¹ и т.д.
Личности	<ul style="list-style-type: none"> - лидер Третьего Рейха А. Гитлер; - руководитель фашистской Италии Б. Муссолини; - идеолог испанского фашизма Х. де Ривера; - фашистский диктатор Испании Ф. Франко и т.д.
События	<ul style="list-style-type: none"> - начало гражданской войны в Испании. Трактовка данного события в праворадикальных сообществах – «начало борьбы испанских патриотов с красной чумой»; - выдача воевавших за Третий Рейх казаков в австрийском Лиенце в 1945 году как «геноцид казачьего народа/русского народа со стороны жидобольшевиков» и т.д.

Важность обозначения результатов данного исследования обусловлена следующим: большинство пользователей сети Интернет не обладают образованием политолога/социолога/философа/историка, поэтому самостоятельно не могут разобраться в идеологических и исторических аспектах. Однако оптимально воспринимают в силу распространенного клипового мышления отдельные единицы контента, не содержащие огромные

приветствие «Слава Украине – героям слава», эмблема в виде стилизованного золотого трезубца, а также организационная эмблема – черный треугольник.

Важность подчеркивания обусловлена двумя факторами: во-первых, ранее данный список был пуст; во-вторых, только в данном списке возможным является прописывание запрещенной символики. В перечне экстремистских организаций (сайт Минюста России) и перечне террористических организаций (сайт ФСБ России) раздел «символика» отсутствует.

¹ Экстремистская организация, запрещена в Российской Федерации.

массивы данных. Поэтому радикальные экстремистские течения для вовлечения в свои сообщества большого количества последователей используют краткие смыслы, изображения и символы, включая туда свои концептуальные воззрения, посредством производимого контента.

В среде новых медиа пользователи проходят, в том числе, определенную социализацию, предполагающую изучение ими распространенных в новых медиа социальных норм, а также приобретение ими новых идентичностей. Происходящая в рамках новых медиа социализация имеет ряд специфических черт, таких как:

- опосредованное влияние виртуального пространства на процесс социализации личности в условиях конкуренции и сосуществования реальной и виртуальной личностей;
- отсутствие упорядоченного характера у социализации в новых медиа, которая происходит в виртуальной реальности, в которой каждая виртуальная личность самостоятельно и стихийно определяет круг общения и комфортную среду пребывания;
- возможность замены и ограничения институтов и практик традиционной версии социализации, а также предоставление широких возможностей для удовлетворения социальных потребностей в виртуальной среде;
- формирование в процессе происходящей социализации новых социальных норм и практик, которые могут входить в противоречие с аналогами офлайн-социализации.

По мнению А.В. Минакова, под воздействием такой специфической социализации у пользователей могут проявиться три комплекса реакций¹:

- эффект дрейфа целей, подразумевающий при поиске информации подмену первоначальной цели другими целевыми ориентирами;

¹ Минаков А. В. Некоторые психологические свойства и особенности Интернет как нового слоя реальности / А . В . Минаков . М ., 2002 . - 11 с .

– мифологичность, дающая человеку определенные возможности и способности, которыми он в реальном мире не обладает;

– эффект азарта, который проявляется в высокой степени поисковой активности в ущерб критическому осмыслению информации.

Среда новых медиа предоставляет необходимые условия для самореализации личности и самоконструирования виртуальной личности. Среда новых медиа предопределяет личностную активность, когда пользователь проявляет личную активность с помощью механизма самовыражения в отношении к действию или поступку. Рост использования новых медиа и социальных медиа в особенности, сопровождается дискуссией об опасностях распространения идеологии политического экстремизма благодаря действию нескольких механизмов:

- «пузыри фильтров»;
- «эхо-камеры».

Важную роль здесь играют исследования С. Санстейна о групповой поляризации, экстремизме, при этом сеть Интернет в значительной степени фокусируется на вопросах суженного потока информации и опущенных точек зрения¹.

Также исследования И. Паризера о фильтрации эффектов от технологии персонализации, как в поисковых системах Google, так и при самостоятельном выборе информационной сети, как в Facebook (запрещен в Российской Федерации, принадлежит корпорации Meta², признанной экстремистской организацией в 2022 году)³. Следует сразу отметить, что эхо-камеры и фильтры пузырей являются оспариваемой концепцией. Некоторые критикуют идею о том, что сам дизайн социальных медиа, предположительно связывающих всех пользователей, ведет к изолированным онлайн-сообществам и развитию эхо-камер или пузырьков фильтра. Некоторые из

¹ Sunstein C.R. Echo chambers. Princeton, Princeton University Press, 2001. 108 p.

² Экстремистская организация, запрещена в Российской Федерации.

³ Паризер Э. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? / Пер. с англ. А. Ширикова. М.: Альпина Бизнес Букс, 2012. С. 19.

этих критических замечаний опровергают предположение о том, что интеллектуальные алгоритмы, лежащие в основе разработки таких платформ, повышают вероятность того, что пользователям будет показан экстремистский контент через системы персонализированных рекомендаций, предлагающие новый контент на основе предыдущих пользовательских предпочтений.

Следует начать с анализа пузырей фильтров. Понятие «пузырь фильтров» было разработано И. Паризером в собственной одноименной книге, раскрывающей негативную сторону персонализированного поиска. Такой поиск представляет собой явление, когда новые медиа самостоятельно начинают определять возможно интересную для пользователя информацию на основании предыдущих запросов, истории поиска, геолокации. При этом иная информация пользователю не предоставляется. И. Паризер подчеркивает потенциальный недостаток фильтрации поисковых запросов: закрытие от пользователя новых идей и новой информации, которая имеется в пространстве социальных медиа, однако пользователю не предлагается. Концепция «пузырей фильтров» базируется на том обстоятельстве, при котором онлайн-активность пользователей по сути ограничивается определенным пространством, в котором пользователь обнаруживает идентичные взгляды и ценностные системы. Тем самым новые медиа определяют развитие наших дальнейших предпочтений и интересов в вопросах получения новой информации. Замкнутость такой коммуникационной площадки способствуют формированию у пользователя того мнения, что остальные пользователи разделяют его взгляды и ценности. Действие «пузырей фильтров» предполагает огромный недостаток: стремительная поляризация мнений. Возникают многочисленные виртуальные пространства, в которых все пользователи разделяют схожие взгляды по определенным темам, а мнения и взгляды, входящие в столкновение с групповым мейнстримом (которые могут быть

доминирующими в других сообществах), автоматически отклоняются пользователями как абсолютно необоснованные.

Анализируя сам феномен «пузырей фильтров», И. Паризер формулирует несколько условий для разрушения пузырей. Во-первых, ключевым новостным агрегаторам и социальным медиа, которые собственно и формируют современную виртуальную среду («ВКонтакте», «Яндекс», Google и т.д.), следует осознавать собственную гражданскую ответственность перед внедрением технологий искусственного интеллекта в алгоритмы формирования новостной ленты. Во-вторых, агрегаторам и сетям следует обеспечивать прозрачность алгоритмов формирования новостной ленты, которые до сих пор являются секретными данными. В-третьих, пользователям следует предоставлять полную возможность для самостоятельного использования фильтров в процессах поиска необходимой информации.

Пузыри фильтров идентичны поиску пользователями только той информации, которая изначально представляет для них ценность и расценивается как абсолютно правильная, при этом в процессе поиска игнорируют любую информацию, воспринимаемую пользователями изначально как неправильной, бесполезной или даже несуществующей. Тем самым пользователь способен попасть в информационное слепое пятно, что усиливается, когда пользователь или группа не обладают определенной важной информацией, помогающей принимать более правильные решения, и поможет избежать неизбежных и нежелательных последствий. Пользователи будут искать только ту информацию и советы, которые, по их мнению, являются минимально необходимой суммой, а не тем, что им действительно нужно для полного удовлетворения своих собственных целей или целей организации.

Теперь необходимо перейти к эхо-камерам. В научной литературе сформированы несколько подходов к изучению эхо-камер: технократический и психологический.

Технократический подход рассматривает эхо-камеры в качестве одного из результатов динамического развития информационно-коммуникационных технологий. Полезность технократического подхода заключается в том, что при его использовании исследуются технологические причины формирования условий и границ замкнутых коммуникативных ячеек на основании алгоритмов. Это определенный набор инструкций, использование которых позволяет достигнуть определенного результата – искомого контента. Алгоритм позволяет иерархизировать и упорядочить информацию и предоставлять пользователям те результаты поиска, которые являются наиболее предпочтительными для него на основании предыдущих поисков. Все это происходит под воздействием алгоритмов. Д. Кардон отмечает доминирование механизмов алгоритмизации в жизни каждого отдельного человека и общества в целом. Однако исследователь отмечает несколько важных проблем относительного полномасштабного использования алгоритмов в социальных медиа¹:

- во-первых, если ранее доступ к формированию и внедрению алгоритмов на уровне общественных институтов находился в руках только специалистов, то сейчас любой желающий способен заниматься алгоритмизацией;

- во-вторых, персонализация данных способствует возникновению «поведенческого общества», отличающегося полным изменением отношений между политическими органами управления и отдельными пользователями, поскольку ежедневная реальность переосмысливается с точки зрения статистики;

- в-третьих, непрозрачный характер алгоритмов, особенности которого социальные сети и новостные агрегаторы не намерены делать публичными.

¹ Cardon D. A quoi rêvent les algorithmes: Nos vies à l'heure des big data. Paris: Seuil, 2015. 112 pp.

Важный тезис Д. Кардона заключается в том, что сторонники алгоритмов в новых медиа не столько сумели выйти за границы традиционных систем власти для децентрализации коммуникативного пространства, сколько сформировали новые властные модели, нацеленные на поэтапное избавление от оппонентов новых политических центров. Социальные медиа являются «фабриками экспрессивных знаков», в которых близость к новым властным моделям определяется не личными заслугами, а накруткой популярности. В конечном итоге созданная такими алгоритмами виртуальная реальность станет абсолютно несовместимой с реальной действительностью и реальным повседневным существованием. Особенностью алгоритмической культуры является ее нацеленность на преодоление традиционных систем власти и идеологических конструктов, которые были всегда нацелены на установление контроля над общественным поведением. Пользователи новых медиа в своих действиях в виртуальной среде не должны следовать устоявшимся законам и общественным догмам. Однако данная форма свободы оканчивается в тот момент, когда алгоритмический подход начинает преобразовывать пользователей и целые социальные группы на основе количественного анализа интересов. Попытка алгоритмизировать поведение пользователей в виртуальном пространстве на основе социального индетерминизма привела к становлению нового детерминизма, основанного на компьютерных методиках вычисления¹.

Второй подход к рассмотрению эхо-камер именуется психологическим, который рассматривает эхо-камеры как коммуникативные практики, которые используются пользователем для ограждения себя же от альтернативной информации. Эхо-камеры также представляют собой поиски пользователем подтверждения предвзятости и личной причастности в процессах взаимодействия в информационном пространстве. Представители второго

¹ Мечты алгоритмов: наше «посчитанное» бытие [Электронный ресурс] // Портал «Лягушчы ўніверсітэт» URL: <https://fly-uni.org/stati/mechty-algoritmov-nashe-poschitannoe-bytie/> (дата обращения: 04.07.2020)

подхода усматривают причины появления эхо-камер в информационном пространстве в особенностях человеческой психики. Эхо-камеру также можно понимать как когнитивное свойство, разделяемое членами виртуального «воображаемого сообщества», а не функцию самих социальных сетей. Эхо-камеры связаны с предвзятостью подтверждения – стремлением человека искать информацию, которая подтверждает уже существующие убеждения, и игнорирует информацию, противоречащую этим взглядам, чтобы избежать когнитивного диссонанса.

Эхо-камеры также могут пониматься как сущности, выходящие за пределы индивидуального познания. Хотя пользователи могут подсознательно создавать свои собственные эхо-камеры, выбирая для отслеживания и потребления контент из источников в соответствии со своим мировоззрением, из-за смещения подтверждения, они не смогут сделать это без пользователей, производящих и разделяющих этот тип контента. Следовательно, эхо-камера может иметь два уровня: один, описывающий определенную сеть отдельных лиц или организаций, которые постулируют сходные повествования из-за сходства в мировоззрении, и, второй уровень, когда настраиваемая камера когнитивного эха уникальна для каждого действующего лица, и создается самими пользователями.

Ни одна эхо-камера в индивидуальном познании не будет одинаковой, потому что даже пользователи в одной и той же сети и эхо-камере делают несколько иной выбор в отношении того, за кем им следовать из-за различий в личных предпочтениях или привычке. Коллективная эхо-камера может быть охарактеризована как конструктивистская и интеракционистская. Она конструктивистская по своей природе, потому что множество действующих лиц создают контент и обмениваются им, в результате чего индивидуальное значение, присваиваемое контенту, трансформируется во всеобъемлющее производство значения, существующего вне и через функцию хранения в

Интернете, в конечном счете независимого от отдельных действующих лиц¹. Она также интеракционистская, потому что нарративы и идентичности, полученные из коллективного производства значения, затем возвращаются как в индивидуальную, так и в общую эхо-камеру, в конечном итоге формируя и переформируя дискурс.

Благодаря индивидуальной настройке социальные сети позволяют нам создавать свою собственную реальность с избранными друзьями, новостями, шутками и даже политической реальностью, не используя традиционные медиа (телевидение, прессу, радио и т.д.), которая потенциально может содержать информацию, вызывающую когнитивный диссонанс. В среде новых медиа пользователи выбирают сообщество, к которому они хотят принадлежать, и если это сообщество движется в экстремистском направлении, то же самое можно сказать и о ее членах. Однако следует подчеркнуть, что как эхо-камеры как отдельные когнитивные состояния, так и эхо-камеры как коллективные объекты, производящие смысл, не возникают в вакууме. Развитие эхо-камеры – это процесс, и человек, вероятно, пройдет через различные стадии в эхо-камере, начиная с простого взаимодействия и ослабления внешних связей и заканчивая полным погружением. Если принять факт, что эхо-камеры существуют как в индивидуальном познании, так и в качестве коллективной сущности производства смысла, трудно найти потенциальные контрмеры. Недостаточно просто изменить системы персональных рекомендаций и соответствующие алгоритмы для борьбы с эхо-камерами собственного производства.

Активное распространение политического экстремизма посредством новых медиа становится возможным благодаря соединению следующих элементов: во-первых, факторы распространения идеологии политического экстремизма, такие как, социально-экономические кризисы, ограничения в

¹ Духова Р.Л., Попова Л.В. Интернет как средство формирования террористических и антитеррористических ценностей: представления студентов вуза // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 4791–4795.

доступе к политическим ресурсам и т.д.; во-вторых, сама среда новых медиа, функционирующая, в том числе, благодаря воздействию алгоритмизации, действию пузырей фильтров и эхо-камер; и, в-третьих, когнитивные искажения в сознании пользователей, способствующие активному проникновению идеологических конструктов политического экстремизма.

Само понятие «когнитивное искажение», согласно А. Тверски и Д. Канемана, является систематической ошибкой в мыслительном процессе¹. Когнитивные искажения представляют собой совокупность систематических ошибок в процессе суждения и мышления в целом, которые возникают на основе неправильных и искаженных убеждений, которые внедрены в когнитивные схемы и оказывают влияние на восприятие человека в определенной ситуации². Мышление человека или пользователя, которое подвергается постоянному влиянию экстремистских идеологий, рискует трансформироваться в мышление по заданным (но, при этом, ошибочным) шаблонным моделям, которые в условиях широкого распространения в новых медиа эхо-камер и пузырей фильтров будут постоянно укореняться. Поэтому в когнитивных исследованиях ученые уделяют значительное внимание превентивным мерам, а именно формированию нарративных моделей противодействия когнитивным искажениям, ведущим к широкому проникновению идеологии политического экстремизма в сознание пользователей.

Возникновение различных когнитивных искажений происходит под воздействием выполнения различных задач (от анализа и верификации каких-либо гипотез до прогнозирования различных событий) и участия в различных коммуникативных практиках. В эпоху широкого распространения новых медиа и постоянно увеличивающегося количества информации пользователю

¹ Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения / Пер. с англ. Х.: Ин-т прикладной психологии «Гуманитарный Центр», 2005.

² Бек Дж.С. Когнитивная терапия: полное руководство. М.: ООО «И. Д. Вильямс», 2006.

достаточно сложно критически воспринимать все поступающие данные, поэтому шаблонные поведенческие модели достаточно активно используются пользователями социальных медиа. Отсутствие когнитивной гибкости и неприятие двусмысленности выступают теми чертами, которые обуславливают подверженность индивида идеологии политического экстремизма и активизируют следующие когнитивные искажения. Данный перечень сформирован на основе мониторинга информационного пространства и изучения сторонних разработок, характеристики также сформулированы как результат обобщения. Примеры подобраны автором диссертационного исследования исключительно на основе результатов мониторинга информационного пространства на предмет выявления противоправного контента (см. таблица 5):

Таблица 5 – Типы когнитивных искажений

Тип	Характеристика	Примеры
Ошибка атрибуции	Стремление человека объяснить поведение других людей исключительно личностными особенностями, а свое собственное как результат только внешних обстоятельств.	Используемый праворадикальными политическими экстремистами тезис: «наша этническая группа страдает вследствие засилья мигрантов и контрпродуктивных действий правящей верхушки».
Иллюзия контроля	Стремление оказания собственного влияния на развитие событий, объективно от них не зависящих. Иллюзия контроля определяется рядом факторов: личная вовлеченность, привычность ситуации, направленность на успех ¹ .	Миф о великом замещении белых обществ миграционными потоками, которые могут привести к постепенному исчезновению белых людей. Пользователи новых медиа могут при адаптации мифа предположить, что собственными усилиями могут повернуть ход истории вспять и спасти белые общества

¹ Fast N. J., Gruenfeld D. H., Sivanathan N., Galinsky A. D. Illusory Control: A Generative Force Behind Power's Far-Reaching Effects // Psychological Science. 2009. Т. 20, вып. 4. С. 505–508.

		уничтожением или насилием в отношении представителей этих миграционных потоков. Учиненная Б. Таррантом массовая бойня в двух мечетях в Новой Зеландии является подтверждением того, как такой миф может послужить катализатором к насильственным действиям
Иллюзорное превосходство	Склонность и желание преувеличивать собственные способности и достоинства.	Навязываемое активистами сетки экстремистских организаций А. Навального (ФБК, Штабы Навального ¹) гражданам мнение о том, что только они могут искоренить коррупцию в России и построить «прекрасную Россию будущего».
Эскалация вовлеченности (ловушка невозвратных потерь)	Сталкиваясь с негативными последствиями какого-либо принятого решения, группа пользователей или отдельный пользователь продолжают действовать в фарватере заданного курса.	В деятельности экстремистских организаций эскалация вовлеченности может проявляться в продолжении стратегии применения насилия, в том числе вербального, даже под угрозой уголовного преследования со стороны органов государственной власти.
Каскад доступной информации	Систематическое повторение какой-либо информации в обществе приводит к усилению веры последователей в данные.	После начала СВО систематически распространяемые антироссийские тезисы со стороны ряда экстремистских организаций и иноагентов, в частности: «Россия должна проиграть в противостоянии», «В России фашистская диктатура», «На Украине нет нацистов и широко распространенного

¹ Экстремистские организации, запрещены в Российской Федерации.

		радикального национализма» ¹ .
Ошибка конъюнкции	Придание большой правдоподобности совокупности не всегда связанных друг с другом событий, нежели понимание причинно-следственных связей по каждому из событий.	Конструирование праворадикальными элементами лент в своих сообществах с новостями о преступлениях, совершенными исключительно представителями других национальных групп без объяснения причин каждого из конфликтов по отдельности.
Ошибка меткого стрелка	Целенаправленный отбор пользователями только тех фактов, которые встраиваются в модели объяснения общественных процессов, при игнорировании иных фактов, мешающих выстроить собственную модель.	Публичная риторика И. Пономарева, бывшего российского политика, внесенного в перечень террористов и экстремистов, по поддержке и попыткам оправдания украинских националистических структур, признанных в России экстремистскими организациями.
Ретроспективное искажение	Склонность воспринимать уже свершившиеся события или ранее установленные факты как предсказуемые и вполне очевидные при отсутствии достаточных первичных данных для выдвижения гипотезы ² .	Риторика активистов экстремистской организации ФБК с обвинениями России в уничтожении газопровода «Северный поток» без анализа убытков для экономики страны вследствие данных мощностей.
Эффект ложного консенсуса	Склонность проецировать собственные модели мышления и систему полученных выводов на других людей и сообщества.	Пропаганда экстремистской организации «Меджлис крымско-татарского народа» о якобы неприятии всеми крымскими татарами российской принадлежности Крыма по итогам референдума 2014 года.

¹ Тезисы антироссийской пропаганды. [Электронный ресурс] // Группа «НЦПТИ» в социальной сети «ВКонтакте». URL: <https://vk.com/@-112267450-tezisy-antirossiiskoi-propagandy> (дата обращения: 15.10.2023)

² Добелли Р. Искусство ясно мыслить. Перевод Леоновой Г. Изд-во: Манн, Иванов и Фербер, 2020 г. с. 245

Таким образом, основой деятельности экстремистских организаций и распространения проявлений политического экстремизма в новых медиа выступает идеология политического экстремизма как система взглядов и ценностей, позиционирующая противоправные методы как основные средства решения общественных проблем. Идеологию политического экстремизма отличает необходимость постоянного посягательства на принцип законности, отрицание устоявшегося конституционного порядка и территориальной целостности, отрицание идеи равенства в правах и возможностях между различными социальными группами, а также необходимость насилия (в том числе, вербального насилия) в отношении представителей других социальных групп. По мнению автора диссертационного исследований, ключевыми механизмами для распространения политического экстремизма в цифровой среде новых медиа являются¹: собственно пропаганда в классическом понимании, особенности самой платформы новых медиа и наличие когнитивных искажений в сознании самих пользователей. Говоря о технических особенностях новых медиа, в первую очередь важно отметить действующие алгоритмы формирования поля, с которым работает пользователь, с учетом ранее обозначенных интересов самим же пользователем. Зачатки когнитивных искажений есть в сознании каждого человека, которые усиливаются при неспособности работать с большими потоками информации, определять достоверные сведения и фейковую информацию, а также вовремя определять попытки манипулирования со стороны адептов политического экстремизма.

¹ Венцель С.В. Новые медиа как среда распространения политического экстремизма // Теории и проблемы политических исследований. 2023. № 9А (т. 12). С. 70–75.

2.2. Особенности и нарративы политического экстремизма в среде новых медиа

Среда новых медиа предоставляет широкие возможности для экстремистов различной направленности, которым было отказано в доступе к официальным средствам массовой информации получить коммуникационные платформы. Первоначально рассматриваемые как альтернативные дискуссионные площадки маргинализированных социальных групп, данные пространства превратились в платформы для формирования и распространения экстремистских точек зрения. Подобные платформы сделали возможным достаточно высокую степень влияния экстремистских течений на формирование общественной повестки дня.

Развитие экстремистских течений в среде новых медиа определялось и определяется двумя тенденциями: усиление и нормализация в общественном сознании. Усиление таких течений определено комплексом накопленных общественных проблем, являющихся причиной для развития экстремизма. Нормализация экстремистских течений проявилась в легитимации в сознании пользователей как участников виртуальных коммуникаций, отражающих мнения различных аудиторий и пользовательских групп. Свою роль в такой легитимации сыграли традиционные средства массовой информации, которые в процессе конвергенции испытывали значительные затруднения в сохранении традиционных форм коммуникаций. Невозможность сохранения статуса исключительного производителя информационных ресурсов у традиционных медиа стала тем фактором, который не дает представителям этих медиа эффективно взаимодействовать с пользовательскими группами, которые уже не хотят быть просто потребителями информации.

Сторонники экстремистских течений формируют целые альтернативные медиатизированные миры в форме сообществ в социальных медиа как раз под лозунгами обеспечения полной свободы слова и освобождения от избыточной политкорректности, которая, по мнению сторонников радикальных и

экстремистских течений, противодействует всестороннему рассмотрению информационной повестки дня¹.

Показательным примером стало создание англоязычной социальной сети Gab, запущенная в качестве альтернативной социальной сети Twitter² (после приобретения платформы Илоном Маском проведен ребрендинг, теперь сеть называется «X») платформы под лозунгами гарантии полной свободы слова и доступа информации, стала безопасной виртуальной платформой для различных экстремистских групп и тех пользователей, которые были заблокированы в более популярных социальных сетях за нарушение пользовательского соглашения в области высказываний в отношении представителей других социальных групп³. Сеть Gab является полем свободы слова с точки зрения обхода политкорректности в обсуждении гендерных, расовых, национальных, религиозных и социальных аспектов. Основная пользовательская аудитория – преимущественно белые англоговорящие мужчины и юноши западных государств, которые разделяют националистические, религиозные и консервативные ценности. Данная сеть запрещает только несколько аспектов, и именно прямые призывы к совершению экстремистского и террористического насилия в отношении социальных групп и государственных органов власти. Экстремистские течения активно используют не только «старые» онлайн-экосистемы (наподобие Facebook, Instagram – запрещены в России, Twitter⁴ и др.), но активно выходят на новые и быстро растущие онлайн-платформы, такие как TikTok. Слабая система безопасности внутри платформы и автоматические алгоритмы формирования новостной ленты как экосистемы платформы стали притягательным для экстремистских течений фактором расширения

¹ Венцель С.В. Политический экстремизм в пространстве новых медиа: проблемные аспекты и технологические нюансы // Вопросы политологии. 2021. № 3 (67). С. 728–738.

² Запрещенная в Российской Федерации социальная сеть.

³ When Twitter Bans Extremists, GAB Puts Out the Welcome Mat. URL: <https://www.adl.org/blog/when-twitter-bans-extremists-gab-puts-out-the-welcome-ma> (data access: 05.08.2020)

⁴ Запрещенная в Российской Федерации социальная сеть.

аудиторий своих единомышленников именно в TikTok, основной пользовательской аудиторией которого являются подростки и молодежь¹.

В рамках мониторинга сети Интернет на предмет выявления противоправного контента автором диссертационного исследования предлагается классификация данных течений на основе накопленного в процессе выполнения поисковых и аналитических задач опыта. Эмпирический материал включает в себя 150 сообществ и каналов в социальных сетях, мессенджерах и видеохостингах, большинство из которых на момент окончания работы над данным диссертационным исследованием уже были заблокированы либо по жалобам пользователей сетей, либо по требованию органов государственной власти (в данных сообществах выявлено более 2 500 ссылок на экстремистские материалы). При исследовании проявлений политического экстремизма в цифровой среде новых медиа важно помнить: речь идет как о децентрализованных и автономных течениях, так и о полноценных организационных структурах. Экстремистские течения в среде новых медиа следует разделять (в некоторых случаях данное разделение носит весьма условный характер) по следующим критериям:

– по масштабам своей деятельности и охвату аудитории: международные (например, экстремистские течения белых расистов и неонацистов, которые охватывают пользовательские аудитории во всех государствах с доминирующим белым европейским населением), национальные (например, националистические течения, которые воздействуют исключительно на национальную аудиторию в рамках одного или нескольких государств) и региональные (например, течения, имеющие целью воздействовать на сознание каких-либо региональных групп в рамках какого-либо государства, допустим, по национальному признаку);

– по концептуально-смысловому ядру (леворадикальные экстремистские течения, праворадикальные экстремистские течения,

¹ Hate on TikTok. URL: <https://gnet-research.org/2020/07/07/hate-on-tiktok/> (data access: 05.08.2020)

псевдохристианские фундаменталисты, исламистские фундаменталисты и т.д.). Исследование концептов правого радикализма в сознании молодежи, проведенное группой ученых ЮФУ под руководством С. П. Поцелуева, подтверждает наличие у данного течения следующих концептов: творческий нигилизм (презрение к массовой культуре), антиматериализм консервативных идеологий, постулирование традиций общинности и самобытности, маскулинность, мистицизм и т.д.¹ В то же время, некоторые из перечисленных концептов могут находить место в других экстремистских течениях: в частности, маскулинность и мистицизм имеют важное место в религиозных экстремистских течениях, особенно у исламистских экстремистов;

– по используемым технологиям и грани соприкосновения миров. Условно можно выделить: течения и сообщества, которые формируют и усиливают негативный образ «Другого» в виртуальном мире, однако в реальном мире по призывам к насильственным действиям не переходят; и те течения, которые помимо конструирования негативных образов представителей «Другого» прямо призывают к осуществлению насильственных действий в мире реальном. Второй тип экстремистских течений в новых медиа может иметь короткий жизненный цикл в силу оперативной блокировки модераторами социальных сетей по требованию органов власти.

Экстремистские течения в среде новых медиа, по мнению автора диссертационного исследования, обладают рядом характерных свойств (см. таблица 6):

¹ Поцелуев С.П., Константинов М.С., Макарова Е.К. По ту сторону «спирали молчания»: инструменты исследования праворадикальных идеологов. // Политическая концептология. 2015. № 4. С. 221–246.

Таблица 6 — Характерные особенности экстремистских течений в новых медиа

Свойство	Примеры проявлений
<p>Преимущественно децентрализованный характер функционирования экстремистского течения, проявляющийся в отсутствии строго институционализованного начала и активного вовлечения пользователей в деятельность при условии разделения этими пользователями идей и ценностей. В определенных случаях речь может идти о целой сетке информационных ресурсов, имеющих общий источник финансирования и общую команду.</p>	<p>Сообщества и каналы экстремистской организации «Фонд борьбы с коррупцией»¹: YouTube-канал «Популярная политика» и др.</p>
<p>Отсутствие строгого и единого идеологического ядра экстремистских течений. Это способствует эклектическому мышлению и сбору различных идей и ценностей, по определенным параметрам удобных для сторонников экстремистских течений.</p>	<p>Сообщества, пропагандирующие радикальный национализм, нацизм и расизм, поскольку они могут одновременно базироваться на идейном наследии, например, А. де Гобино, В. Шульгина, А. Гитлера и Д. Донцова.</p>
<p>Отсутствие каких-либо барьеров для входа в экстремистское течение</p>	<p>Религиозная организация «Свидетели Иеговы»², признанная экстремистской организацией.</p>
<p>Создание, воспроизводство и распространение деструктивного контента как фундаментальный механизм обеспечения жизнедеятельности экстремистских течений. Отсутствие регулярно обновляемой новостной ленты, как минимум, может быть одним из ключевых показателей функционирования течения.</p>	<p>Ресурсы общественного комитета «Нация и свобода»³, признанного экстремистской организацией.</p>
<p>Налаживание, воспроизводство и распространение деструктивных коммуникаций как внутри самого течения, так и за его пределами. Экстремистские течения как медиатизированные миры могут вступать друг с другом в «дружеские взаимоотношения», что будет проявляться с репостах и распространении контента, взаимной информационной поддержке и формировании для пользователей альтернативных миров в случае блокировки предыдущих со стороны администраций новых медиа и органов государственной власти.</p>	<p>Сообщества и каналы экстремистской организации «Фонд борьбы с коррупцией»⁴: YouTube-канал «Популярная политика» и др.</p>

¹ Экстремистская организация, запрещена в Российской Федерации.

² Экстремистская организация, запрещена в Российской Федерации.

³ Экстремистская организация, запрещена в Российской Федерации.

⁴ Экстремистская организация, запрещена в Российской Федерации.

Экстремистские течения практикуют использование как массовых форм вовлечения пользователей, так и индивидуальных форм вовлечения в свою антисистемную и антисоциальную деятельность пользователей социальных медиа, среди которых следует выделить:

- вовлечение посредством распространения интерактивных практик (флешмобы, квесты, игры и т.д.) с последующим вовлечением в них пользователей социальных медиа. Ключевая особенность – полное размывание границ между виртуальным и реальным миром, поскольку пользователи могут получать практические задания игры уже в реальном времени;

- вовлечение отдельных пользователей посредством тактики ингимаси, оптимально подходящей для распространения экстремизма в эпоху широкого распространения новых медиа. В основе тренда ингимаси лежат постоянно совершенствующиеся сетевые и поведенческие технологии. Главный принцип технологии «ингимаси» – в любой нужной точке пространства и времени можно найти психически неадекватного индивида для совершения насилия, ему просто надо помочь самому выбрать цель, подобрать доступное для себя оружие, определить место и время. «Помогают» в «созревании» боевика-ингимаси и выборе средств нападения. Первичный отбор бойцов-ингимаси ведется в автоматическом режиме по месту, роли, степени и направленности уже имеющейся радикализации, проявляемой объектом в социальных сетях. После уточнения психологического профиля на основе технологий «Больших данных», начинается индивидуальная подготовка («накачка») к действию конкретного персонажа, приуроченного либо к конкретной дате, либо как ввод в общее поле «насыщающего террора» в стране-мишени. Важное отличие: ингимаси не следует отождествлять с суицидальным террором – большая часть боевиков-ингимаси либо успевали скрыться с места преступления, либо спокойно сдавались полиции;

- вовлечение через субкультуры, пропагандирующие вербальную агрессию и реальное насилие¹. В теории Г. Дженкинса присутствует еще один весьма значимый элемент – фанатство. Данный термин используется для характеристики сообщества, построенного вокруг совместного наслаждения таким аспектом популярной культуры, как книги, фильмы, телешоу, группы, спортивные или спортивные команды и т.д. Фан-культуры являются примерами культуры участия. Культуры участия вовлекают поклонников, действующих не только как потребители, но также как производители и создатели той или иной формы креативных медиа. Хотя большинство фан-культур имеют элементы культуры участия, медиа-фанатство, в частности, поощряет творческое самовыражение и художественное производство его участниками. Сама же культура участия состоит из следующих элементов: во-первых, низкие барьеры для художественного самовыражения и гражданской активности; во-вторых, высокий уровень взаимной поддержки среди единомышленников по созданию и обмену контентом в рамках фан-культуры; в-третьих, определенный тип неформального наставничества, в рамках которого самые опытные участники сообщества передают знания новичкам, по сути, способствуя их виртуальной социализации; в-четвертых, атмосфера сообщества позволяет обычным пользователям быть сопричастным к процессу формирования и распространения контента; в-пятых, культура участия предоставляет последователям какого-либо сообщества возможность почувствовать социальные связи друг с другом и получить необходимое чувство социальной солидарности.

В эпоху распространения новых медиа сформировались несколько полноценных субкультур, основанных на пропаганде насилия и использовании «языка ненависти». Широкое распространение субкультуры инцелов в новых медиа представляет собой яркий пример конструирования

¹ Седых Н.С. Социально-психологические особенности пропаганды экстремизма и терроризма посредством Интернета // Социальная психология и общество. 2013. № 2. С. 137–147.

групповой идентичности посредством медиатизации реальности. Последователи данной субкультуры позиционируют себя как неспособных найти сексуального партнера при наличии желания, причем вина за подобное сексуальное воздержание и фрустрацию возлагается исключительно на женщин. Отличительными особенностями данной субкультуры являются мизогония, мизантропия, расизм, ощущение исключительного права на секс и полная поддержка насилия в отношении социума. Данная субкультура в новых медиа децентрализована, это свободное от регламентированных рамок движение, которое оптимально встроено в сетевые коммуникации и производит оригинальный контент, широко распространяющийся в различных сообществах. В то же время фундаментальной ошибкой будет восприятие данной субкультуры как склонной исключительно к вербальной агрессии в пространстве социальных медиа. За последние годы в государствах западного мира, преимущественно в Соединенных Штатах Америки и Канаде участились вооруженные атаки тех, кто причисляет себя к субкультуре инцелов, либо обладающих признаками, которые позволяют отнести совершивших нападения к данной субкультуре. Весьма примечательным является совершенное в феврале 2020 года нападение сторонника субкультуры инцелов на массажный салон в канадском Торонто, поскольку впервые такое противоправное деяние было квалифицировано как акт терроризма¹. Среди исследователей и экспертов по-прежнему отсутствует согласие относительно характера данной субкультуры. Часть исследователей склонны рассматривать как онлайн-сообщества гетеросексуальных мужчин, лишенных сексуальных контактов с женским полом, другие требуют квалифицировать субкультуру инцелов как экстремистское течение, базирующееся на женоненавистничестве и превосходстве маскулинности. В России схожим по содержанию примером является «Мужское государство»², признанное в октябре 2021 года

¹ Incels Toronto attack terrorism ideological violence. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/06/02/incels-toronto-attack-terrorism-ideological-violence/> (data access: 07.05.2020)

² Экстремистская организация, запрещена в Российской Федерации.

экстремистской организацией по решению Нижегородского областного суда. Сообщество появилось в 2015 году в социальной сети «ВКонтакте» как блог В. Позднякова, первоначально освещавшего темы фитнеса и здорового образа жизни. Блог эволюционировал в сообщество сторонников радикального патриархата, антифеминизма, русского национализма, сформировались региональные подразделения. Все экстремистские течения функционируют достаточно успешно в цифровой среде новых медиа благодаря использованию «языка вражды» и неприятию политкорректности как инструмента, препятствующего полноценному обсуждению актуальных социальных проблем (с позиции экстремистских течений).

В основу функционирования экстремистских течений в новых медиа положены нарративные коммуникативные стратегии, эффективное использование которых позволяет расширять аудитории собственных последователей.

Стержнем нарративных коммуникативных стратегий экстремистских течений, как уже отмечалось, выступает «язык вражды» или «hate speech». Ключевое значение в развитии информационных коммуникаций и сетевых сообществ играет язык не только как определенный набор символов и знаков, не только средство и инструмент для передачи какой-либо информации. Активное распространение элементов «языка вражды» обуславливает экстремизация политических и социальных коммуникаций в сетевом пространстве. Данное явление проиллюстрировано автором в результатах исследований праворадикальных экстремистских сообществ в рунете¹.

«Язык вражды» как коммуникативный инструмент основывается на теоретической концепции «образа врага», где враг предстает в качестве объективной данности, в то время как его образ является отражением эстетических и аксиологических элементов мироощущения субъекта. Язык ненависти активно развивается на следующих площадках в интернет-

¹ Венцель С.В. Символы праворадикальных течений в Рунете: историческая преемственность и современные черты // Обзор. НЦПТИ. 2021. № 3(26). С. 25–37.

пространстве: сайты ненависти; блоги ненависти, форумы ненависти, группы в социальных сетях, персональные сообщения по e-mail и коммуникации в рамках компьютерных игр¹. Язык вражды обладает следующими признаками²:

1. наличие языковых конструкций, которые содержат крайне негативные и оскорбительные высказывания в отношении определенных социальных групп и общностей, выделенных по определенному признаку (расовые, национальные, религиозные, социальные, политические и др);

2. наличие языковых конструкций, которые формируют негативные эмоциональные установки в отношении определенных социальных групп и общностей;

3. наличие языковых конструкций, которые побуждают к насильственным действиям в отношении других социальных групп и общностей.

«Язык ненависти» экстремистских течений представляет собой интолерантный и бескомпромиссный дискурс, который обуславливается использованием следующих индикаторов: как поляризованное иерархическое деление, побудительные конструкции к совершению насилия, отсутствие или минимальное присутствие вероятностной модальности и уступительных конструкций, экспрессивная метафорика и т.д. Экстремистские течения в новых медиа в силу своего несистемного и децентрализованного характера являются достаточно привлекательными для идейных последователей необходимости применения насилия как вербального, так и реального³. Специфической и притягательной чертой является возможность для пользователя новых медиа самостоятельно выбирать подходящие для себя

¹ Комалова Л.Р. Язык вражды в публичном дискурсе Интернета. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: Реферативный журнал. 2021. № 2. С. 92–118.

² Коростелева Л.В. Экстремистский дискурс: признаки, иллюстрация, прагматика. // Юрислингвистика. 2015. № 4. С. 19–27.

³ Антонова Ю.А. Виртуальное сообщество в социальной сети как способ распространения экстремистской идеологии среди молодежи // Политическая лингвистика. 2012. № 4. С. 71–80.

деструктивные нарративы и контент без систематизированного образования. Последователи экстремистских течений преимущественно не обладают критическим мышлением, однако в дискурсивных практиках обвиняют представителей других социальных групп как раз в отсутствии данного критического мышления.

Сообщества экстремистского характера в новых медиа эксплуатируют различные страхи последователей, в первую очередь, в утрате собственной культурной идентичности. Обращение к теории управления страхом смерти позволяет объяснить в определенном аспекте возрастающий страх и ненависть к представителям других социальных групп¹. Вызванный базовым психологическим конфликтом в сознании человека (желание жить при осознании неизбежности смерти) экзистенциальный страх становится причиной появления культурных символов, смыслов и ценностей для символического преодоления смерти и формирования иллюзии продолжения жизни. Негативное отношение к другим социальным группам, сопровождаемое вербальной и реальной агрессией, представляет собой как раз своеобразное желание утвердить направленные на преодоление страха смерти ценности. Данная агрессия имеет широкое распространение в различных деструктивных нарративах, распространяющихся достаточно широко за пределы экстремистских течений. При этом внутри данных течений могут не проникать позитивные нарративы в силу функционирования коммуникативных инструментов – эхо-камер.

Экстремистские нарративы апеллируют к сознанию пользователей новых медиа посредством явного или неявного призыва к совершению определенных действий, используя манипуляции:

¹ Лебедев С. По следам новозеландской трагедии: психологические и социально-политические корни ультраправого терроризма на примере Brenton Tarrant // [Электронный ресурс] Сайт Российского совета по международным делам. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/slebedev/34599/?sphrase_id=40249693 (дата обращения: 07.06.2020)

– чувство долга. Экстремисты конструируют образы идеального мироздания и социального устройства согласно собственным идейным установкам с определением всех возможных угроз данному порядку. Посредством нарративов экстремистские течения побуждают последователей сохранить или защитить данный порядок, совершить акты мести в отношении противников за нарушение данного порядка. Перманентная угроза порядку в нарративах способствует легитимации насилия, в том числе вербального, в отношении представителей противостоящих социальных групп;

– виктимизация. Еще один метод легитимации насилия – чувство постоянной угрозы быть уничтоженным со стороны враждебного мира или быть под постоянным прицелом со стороны собственных противников. Виктимизация как ожертвление образа собственной группы в сознании предоставляет экстремистам оправдание не только применения насилия в отношении врагов, но и оправдание существования альтернативных медиатизированных миров как последнего места прибежища последователей;

– сохранение социальной общности и обеспечение социальной солидарности. Экстремистские нарративы, продолжая самопрезентацию как постоянной жертвы, убеждают последователей течений в том, что только в таких мирах они смогут обрести чувство общественного единства, чувство принадлежности и собственно обрести свою цель и миссию. Коррозия духовных, социальных институтов и практик в обществе и множественность путей для собственного развития (и, в особенности, построения своей личности в виртуальном пространстве) способствует усиленному поиску той общности или группы, в которой индивид будет ощущать комфорт и спокойствие. Экстремистские течения убеждают своих последователей в том, что только они могут это обеспечить.

Используя типологию А.М. Верховского¹, структурно в «языке ненависти» экстремистских течений можно выделить несколько уровней:

¹ Верховский, А.М. Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ / А.М. Верховский. М.: РОО «Центр «Панорама», 2002.

– мягкий уровень, предполагающий наличие следующих речевых конструкций: создание негативного образа этнической группы; упоминание названий этнической группы в уничижительном контексте; утверждение о неполноценности этнической группы; утверждение о моральных недостатках этнической группы; упоминание социальной группы или её представителей как таковых в уничижительном или оскорбительном контексте (к примеру, в криминальной хронике); цитирование ксенофобных высказываний или публикация подобного рода текстов без соответствующего комментария, определяющего размежевание между мнением интервьюируемого и позицией автора текста (журналиста); предоставление места в газете для явной националистической пропаганды без редакционного комментария или иной полемики. Цель мягкого уровня – создать негативный образ другой социальной группы;

– средний уровень, который содержит следующие компоненты: оправдание исторических случаев дискриминации; публикации, ставящие под сомнение исторические факты насилия и дискриминации; утверждение о совершении какой-либо этнической группой преступлений и вообще о криминальном характере какой-либо этнической группы; рассуждения о непропорциональном превосходстве какой-либо этнической группы в материальном достатке, представительстве во властных структурах; обвинение в негативном влиянии какой-либо социальной группы на общество, государство; призывы не допустить закрепления в регионе (районе, городе и т. д.) определённых социальных групп. Цель среднего уровня – оправдать насилие;

– жесткий уровень содержит пять ключевых компонентов, которые следует перечислить от меньшего к большему: завуалированные призывы к осуществлению насилия и дискриминации; призывы к дискриминации в виде общих лозунгов; прямые призывы к дискриминации; призывы к насилию с использованием общих лозунгов; прямые призывы к осуществлению насильственных акций. Цель жесткого уровня – побудить к насилию.

«Язык вражды» является своеобразной коммуникацией, фундамент которой состоит в дискриминации, стереотипах и различных предубеждениях. При этом одним из ключевых концептов в «языке вражды», используемом в коммуникативных практиках экстремистских течений, является концепт насилия¹. «Язык вражды» экстремистскими течениями используется, как уже неоднократно отмечалось, с целью делегитимации и демонизации образа других социальных групп. В данном ракурсе главным механизмом «языка вражды» выступают этнофолизмы – экзоэтнонимы с отрицательной коннотацией, которые относятся к пейоративной лексике просторечия. Отличительной особенностью этнофолизмов в сравнении с нейтрально коннотируемыми этнонимами является активное использование дихотомии «свой/чужой» и значения чуждости именуемой социальной группы². Этнофолизмы являются важным показателем измерения уровня напряженности в обществе в контексте активного распространения экстремистских идеологем. Этнофолизмы, как лексические единицы, призваны выполнять ряд функций: во-первых, когнитивная, которая заключается в формировании мышления индивида; во-вторых, аккумулятивная, подразумевающая сохранение и последующую передачу накопленного социального опыта; в-третьих, эмотивная, проявляющаяся в выражении эмоционального состояния индивида; в-четвертых, дифференцирующая, которая способствует выделению черт, разделяющих различные группы; в-пятых, защитная, которая способствует сохранению и поддержанию этносом собственной позитивной этноидентичности.

Основой этнофолизмов являются этнические стереотипы, причем само понятие стереотип не имеет какого-либо отрицательного значения. У. Липпман, благодаря которому сам термин «стереотип» вошел в научный

¹ Злоказов К.В., Рожков А.А. Основные экстремистские концепты и их лексические признаки: результаты эмпирического исследования // Политическая лингвистика. 2020. № 1 (79). С 97–103.

² Brewer M.B., Campbell D.T. Ethnocentrism and Intergroup Attitudes: East African Evidence. N.Y., «Halsted/Wiley». 1976. pp. 529.

оборот, под рассматриваемым понятием понимал «упорядоченные, детерминированные культурой «картинки мира» в голове человека, которые, во-первых, экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и, во-вторых, защищают его ценности, позиции и права»¹. Стереотип, как обобщенное представление о представителях какой-либо социальной группы, выполняет две положительные функции: во-первых, существенная экономия усилий для индивида в восприятии социальных объектов и явлений; во-вторых, защита прав и ценностей человека. Однако, этнофолизм эксплуатирует преимущественно негативные стереотипы, способствуя росту и распространению экстремистских идеологием националистического характера. «Язык вражды» помогает экстремистским течениям поддерживать соответствующее эмоциональное состояние своих последователей, которое базируется на различных формах предубеждения и дискриминации и способствует формированию негативных чувств и эмоций к определенным группам и индивидам. Это позволяет индивидам поддерживать собственную самооценку и обеспечивает наступление эмоционального высвобождения. Также «язык вражды» обеспечивает поддержание целостности социальной группы и обеспечения ее сплоченности. «Язык вражды» существует для того, чтобы держать открытыми каналы для поддержания отношений между адресантом и адресатом, она служит для того, чтобы подтвердить, что коммуникация между ними существует.

В научно-экспертном сообществе существует несколько выработанных классификаций коммуникативных стратегий, которые можно применить в контексте изучения нарративных стратегий экстремистских течений. Классификация Е.И. Шейгал представляется достаточно упрощенной и включает в себя только три макроуровня: во-первых, стратегия вуалирования нежелательной информации; во-вторых, стратегия мистификации, предполагающая сокрытие истины и введение в заблуждение участников

¹ Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчунова / Институт Фонда «Общественное мнение»; под ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. М., 2004.

коммуникативного процесса; и, в-третьих, стратегия деперсонализации для снятия ответственности за содеянное¹. Трехуровневая классификация была выработана также другим отечественным исследователем А.А. Филинским, который выделил стратегию реификации (конструирования образа врага), стратегию делегитимации образа оппонента и стратегию амальгамирования (включение адресатов в свою группу с целью создания иллюзии единства)². Наиболее расширенная классификация была предложена отечественным филологом О. Л. Михалёвой. Данная классификация, включающая в себя три типа стратегий: стратегия на понижение; стратегия на повышение; стратегия театральности³. Каждая из перечисленных стратегий реализуется посредством актуализации набора определенных тактик – совокупности обуславливающих применение языковых средств, приемов.

Нарративные стратегии экстремистских течений обладают набором следующих лингвистических маркеров⁴:

1. утверждения об исконном превосходстве одной социальной группы или общности, а также враждебные утверждения об ущербности и неполноценности всех остальных общностей и групп;
2. призывы к совершению враждебных действий к представителям других социальных групп и общностей;
3. транслирование негативных качеств, характеристик, а также ответственности определенных представителей группы или общности на всю группу или общность;
4. призывы к следованию предписаниям, обычаям и традициям, которые негативно воспринимаются в контексте современной культуры;

¹ Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000.

² Филинский А.А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999 - 2000 г.г.: автореф. дис. ^ канд. филол. наук. Тверь, 2002. - 163 с.

³ Михалёва О.Л. Политический дискурс: способы реализации атональности // Построение гражданского общества: Материалы международного гуманитарного конгресса. - Ч.3: Русский язык: его современное состояние и проблемы преподавания. - Иркутск: Изд-во Ирк. гос. пед. ун-та, 2002

⁴ Магомедов Н.Г. Лингвистические маркеры экстремизма. // KANT. 2020. № 1 (34). С. 151–155.

5. утверждения о невозможности сбалансировать и гармонизировать интересы различных социальных групп;

6. транслирование мнений и утверждений о наличии тайного заговора в отношении якобы угнетаемых социальных групп, представители которых для «защиты идентичности» решили прибегнуть к насилию;

7. возложение ответственности за проблемы и бедствия в отношении определенных социальных групп, в том числе за потенциальные и не свершившиеся еще общественные катаклизмы.

Автором диссертационного исследования на основе ранее обозначенного теоретического материала и изученных эмпирических данных были сформулированы несколько основных нарративных стратегий, используемых экстремистскими течениями в новых медиа:

- конструирование собственной общности и выстраивание идентичности;

- конструирование образа противостоящих социальных групп с приданием им максимально негативных черт;

- актуализация и репрезентация общественных проблем и конфликтов между различными социальными группами;

- усиление собственной идентичности за счет системной виктимизации и обвинений других социальных групп в причинах накопленных проблем;

- снятие барьеров на применение насилия в отношении других социальных групп благодаря демонизации их образов;

- обоснование необходимости применения насилия для защиты на фоне эскалации конфликта;

- полная делигитимация образа других социальных групп для последующего их уничтожения, что фактически означает переход к полномасштабному террору.

Каждая из этих нарративных стратегий состоит из набора нарративов. Нарративы являются инструментом конструирования индивидуального и

социального опыта, то есть нарратив оказывает прямое воздействие на процессы конструирования личности. Нарратив является одним из наиболее важных инструментов, используемых экстремистами и террористами для привлечения новых сторонников и убеждения всех членов общества в правильности собственных действий и идеологических конструктов. Причем все нарративы экстремистского характера находятся в тесной корреляции от международной ситуации, локальной обстановки, национальной повестки дня и т.д. Систематическое изучение динамики противоправного контента, содержащего экстремистские нарративы, подтверждает наличие определенных циклов: от активного распространения (как в случае с контентом медиа-структур террористической организации ИГИЛ¹ в 2015 году) до постепенного спада и восстановления позиций (русскоязычный националистический и расистский сегмент после 2015 года)².

Современные французские исследователи Д. Бузар и К. Флинн на основании опросов 809 бывших экстремистов и террористов сформировали семь ключевых нарративов, которые могут быть использованы адептами экстремистских течений³:

– поиск лучшего мироздания. Ключевой аудиторией для рекрутера является разочаровавшийся в современном обществе человек, которого следует убедить в необходимости построения нового, более справедливого общества с социальной солидарностью согласно божественным представлениям. Распространяемый в новых медиа контент будет отражать идейные представления о справедливом обществе, где присутствует взаимовыручка и взаимоподдержка;

¹ Террористическая организация, запрещена в Российской Федерации.

² Волощук А. В. Противоправный контент в русскоязычном сегменте сети Интернет: динамика изменений в период 2015-2020 годов // Обзор.НЦПТИ. 2020. № 4 (23). С. 42- 60

³ Dounia Bouzar, Carol Rollie Flynn. ISIS recruit not just ideological. URL: <https://www.fpri.org/article/2017/09/isis-recruiting-not-just-ideological/> (data access: 05.05.2020)

– нарратив «Мать Тереза», направленный на тех новообращенных молодых людей, которые имеют альтруистические стремления и желают оказать свою поддержку обществу. В рамках данного нарратива рекрутеры подталкивают потенциальных последователей к действию путем демонстрации специального контента, который выступает катализатором радикализации и ускоренного внедрения синдрома неопита¹. Подобный катализатор следует обозначить либо как когнитивное открытие, согласно К. Викторовичу, либо как «моральный шок» по Дж. Ясперсу. Когнитивное открытие представляет собой какое-либо шокирующее событие, которое способствует личностному кризису и последующему подрыву уверенности человека в прежней мировоззренческой системе и делающее его открытым для радикального изменения его ценностей и взглядов²;

– нарратив «Спаситель», который воздействует на потенциального неопита в силу недавней потери какого-либо близкого человека. Рекрутер убеждает потенциального неопита в неизбежности наступления апокалипсиса и скорым воссоединением с потерянным человеком;

– нарратив «Идеальный брак», целевой аудиторией которого выступают преимущественно молодые девушки. Радикализация женщин происходит под воздействием накопленного негативного опыта взаимодействия с мужским полом в форме попыток и реальных фактов харассмента, однако рекрутер объясняет данные явления падением моральных нравов современного общества. Параллельно представляется иной образ мужчины – благородного воина и спасителя, способного обеспечить полноценную защиту женщине при высказывании полного взаимоуважения;

¹ Эксперт НЦПТИ Сергей Венцель рассказал о маркерах радикализации, важности обеспечения безопасности персональных данных, а также об актуальных проектах Центра в эфире Радио «Дон-ТР» // [Электронный ресурс] МАЯК, ВЕСТИ FM, РАДИО РОССИИ. URL: https://vk.com/wall-112267450_7982 (дата обращения: 24.11.2023).

² Wiktorowicz Q. Radical Islam Rising: Muslim Extremism in the West. *International Journal Middle East Studies*. 2007. 39(01).

– нарратив «Ланселот», направленного преимущественно на молодых людей. Данный нарратив использует фантазии о различных авантюрах, о приключениях для сохранения гегемонии маскулинности. Нарратив «Ланселот» усиливает готовность молодых людей в случае необходимости пройти процедуру самопожертвования ради блага и будущего собственного общества;

– нарратив «Зевс», в рамках которого присоединившиеся неофиты действуют во имя насаждения собственной идеологии по всему миру. Данный нарратив обеспечивает неофитам чувство безнаказанности за свои действия и ощущение могущества и вседозволенности;

– нарратив «Крепость», направленный преимущественно на молодых людей. Одержимость подобными идеями подталкивает молодежь к их реализации, в то же время молодые люди стремятся выстроить вокруг себя когнитивную защиту как стремление к чистоте и определенной святости.

Пространство новых медиа наполнено различными нарративами. Создаваемые и распространяемые последователями экстремистских течений нарративы являются эклектическим смешением различных реальных исторических сюжетов и вымышленных историй с фокусом на идентичность пользователей новых медиа для последующего переформатирования. Эффективность нарративов обуславливается медиацией в поиске собственной позиции в социуме, устраняющей любые угрозы фрустрации. Нарративы предоставляют возможность пользователям новых медиа ощутить себя жертвой внешних обстоятельств, несправедливости со стороны общественных институтов и социальных практик, и недостатка социальной солидарности, тем самым оправдывая как вербальную агрессию в отношении аут-групп, так и реальное насилие.

Автором диссертационного исследования на основе контент-анализа деструктивных сообществ экстремистской направленности были сформулированы следующие универсальные нарративы, используемые в

экстремистских течениях мира вне зависимости от тематической направленности:

- нарратив «Погибающее общество», содержащий идеи о скоропостижной деградации и гибели социума, причем вся вина за произошедшее возлагается на другие социальные группы и общности;

- нарратив «Демонический враг», содержащий идеи о враждебных социальных группах и общностях, их образ демонизируется, дегуманизируется и делегитимизируется для оправдания насилия в отношении них;

- нарратив «Предательское окружение», содержащий идеи о порочности государственных органов власти, институтов гражданского общества и представителей собственной группы, которые не разделяют взглядов и идей экстремистского течения;

- нарратив «Братство», содержащий идеи о необходимости сплоченности и взаимоподдержки внутри собственной общности или социальной группы с целью самосохранения и достижения поставленных целей;

- нарратив «Герой-спаситель», содержащий идеи об отважности и жертвенности отдельных личностей (экстремистов и террористов), вставших с оружием в руках на защиту собственной общности и применивший насилие в отношении других, недругов и врагов.

- нарратив «Лучший мир», содержащий идеи и образы справедливой и правильной конструкции (с точки зрения экстремистов) мироздания и социума, где нет места представителям других групп и общностей.

Для реализации ранее обозначенных нарративных стратегий экстремистские течения используют следующие технологии:

- манипулирование реальной информацией, намеренное замалчивание фактов, отсутствие критического осмысления информации и

последующая подача информации для аудитории только в выгодном для модераторов медиатизированных миров свете;

- эмоциональное комментирование происходящего для повышения уровня эмоционального переживания у целевых аудиторий с целью закладывания в сознании пользователей негативных образов потенциальных врагов;

- тенденциозный подбор тем и материалов для обсуждения пользователями экстремистского медиатизированного мира;

- манипулирование опросами общественного мнения для создания иллюзии массовости и распространенности экстремистского сознания в широких слоях общества.

Ключевой инструмент, которые экстремистские течения используют – контент, как уже неоднократно подчеркивалось. Автором диссертационного исследования отмечается, что экстремистский контент можно определить по следующему набору универсальных признаков¹:

- пропаганда идей и взглядов об исключительности определенной социальной группы на основе каких-либо признаков (расовый, национальный, этнический, религиозный, языковой, социально-экономический и др.) при демонизации других групп;

- призывы к совершению насилия в отношении других групп и социальных общностей на основе каких-либо признаков (расовый, национальный, этнический, религиозный, языковой, социально-экономический и др.);

- публичное оправдание и поддержка экстремистских организаций, течений и отдельных экстремистов;

- публичная демонстрация нацистской и фашистской символики, атрибутики экстремистских и праворадикальных обществ, организаций и течений.

¹ Венцель С.В. Особенности мониторинга противоправного контента в интернете в рамках киберволонтерской деятельности // Обзор.НЦПТИ. 2021. № 1 (24). С. 30–37

Таким образом, экстремистские течения в цифровой среде новых медиа формируют особые медиатизированные альтернативные миры, в основу которых положены коммуникативные нарративные практики по демонизации и делегитимации образов других групп. Экстремистские течения в новых медиа имеют децентрализованный характер, обладают возможностью быстро конструировать новые платформы и сообщества в новых медиа в силу риска блокировки со стороны администраторов и органов государственной власти. Главным инструментарием экстремистских течений в цифровой среде новых медиа выступает «язык ненависти», который помогает поддерживать чувство социальной общности, выступает в качестве орудия вербального уничтожения образа противника и позволяет экстремистским течениям оправдывать свое существование в сознании пользователей, которое наполнено различными когнитивными искажениями. Нарративные технологии позволяют воздействовать на данные когнитивные искажения и трансформировать само сознание пользователя, способствуя его социализации в пространстве новых медиа в деструктивном ключе и радикализации. Автором диссертации сформулированы основные нарративы: «погибающее общество», «демонический враг», «предательское окружение», «братство», «герой-спаситель», «лучший мир». Для реализации нарративных стратегий экстремистские течения используют такие технологии, как: манипулирование реальной информацией; эмоциональное комментирование происходящего для повышения уровня эмоционального переживания у целевых аудиторий с целью закладывания в сознании пользователей негативных образов потенциальных врагов; тенденциозный подбор тем и материалов для обсуждения пользователями экстремистского медиатизированного мира; деформация архетипических образов и общественных стереотипов в сознании пользователей; манипулирование опросами общественного мнения для создания иллюзии массовости и распространенности экстремистского сознания в широких слоях общества. Фундаментальная цель коммуникативных стратегий экстремистских течений заключается в разрыве

прежних ментальных цепочек с последующим формированием новых на основе активного использования когнитивных искажений с помощью деструктивных нарративов.

ГЛАВА III. ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ В НОВЫХ МЕДИА

3.1. Технологии и подходы к противодействию распространению политического экстремизма в новых медиа

Противодействие распространению политического экстремизма представляет собой комплексную деятельность, охватывающую широкий круг субъектов и предполагающую решение большого количества задач: от организовано-управленческих до непосредственно профилактических и информационно-пропагандистских. Противодействие предполагает своевременное совершенствование согласно актуальным вызовам нормативно-правовой базы, выстраивание межведомственного и межсубъектного взаимодействия в целом, подготовку управленческих кадров, информационное сопровождение деятельности, что имеет высокую степень важности в условиях широкого проникновения новых медиа в общественно-политическую жизнь и т.д.

Однако не следует забывать, что успешность противодействия политическому экстремизму базируется, прежде всего, на конструктивном решении общественно-политических проблем, поскольку причины вовлечения граждан в экстремизм находятся, прежде всего, в реальном мире¹. Данная деятельность предполагает выработку результативных технологий, представляющих собой совокупность методов, используемых для достижения определенных целей в контексте общего процесса решения возникающих общественных проблем. В данном параграфе будут рассмотрены технологии исключительно профилактического воздействия, реализуемые в образовательной сфере и молодежной среде, а именно:

- нормативно-правовые технологии. Цель: согласно изменениям в общественно-политической системе, своевременно совершенствовать

¹ Гринько С.Д. Профилактика молодежного экстремизма. // Государственная служба и кадры. 2021. № 1. С. 133–135.

нормативно-правовую базу в сфере противодействия экстремистским проявлениям;

- организационные технологии. Цель: выстроить организационный каркас профилактической работы с привлечением государственных органов власти (федеральный и региональный уровень) и подведомственных им организаций (включая образовательные организации разных уровней), органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, лидеров общественного мнения и коммерческих компаний (в первую очередь, на основе модели государственно-частного партнерства);

- просветительские технологии. Цель: наполнить профилактику необходимыми смыслами и форматами реализации работы на всех уровнях: общая профилактика, адресная профилактика и индивидуальная профилактика;

- информационные технологии с целью пресечения распространения противоправного контента, а также производства и распространения социальной рекламы и позитивного профилактического контента.

Каждую категорию технологий следует детально проанализировать. Категория нормативно-правовых технологий базируется, в первую очередь, на действующем Федеральном законе от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», на Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753), а также на статьях Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации и Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающих ответственность за нарушение антиэкстремистского законодательства. В данную категорию, на основе обозначенной ранее Стратегии¹, входят:

¹ О Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: Указ Президента РФ 29 мая 2020 г. № 344) [Электронный ресурс] // Консультант. Плюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194160/ (дата обращения: 05.05.2021)

- совершенствование единой государственной системы мониторинга в сфере противодействия экстремизму, в которой, в том числе ответственным за молодежную и образовательную сферы, поставлены задачи по мониторингу правоприменительной практики в области противодействия экстремизму, в сфере межнациональных, межэтнических, межрелигиозных отношений и т.д.;

- принятие и реализация целевых программ по профилактике экстремизма на всех уровнях (от федерального до муниципального);

- организация информационного сопровождения деятельности государственных органов власти всех уровней, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества в области противодействия и профилактики экстремизма;

- и, наконец, разработка и реализация комплекса мер по существенному повышению эффективности профилактики и противодействия экстремизму.

Обозначенные ранее программы разрабатываются на уровне органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, образовательных организаций, муниципалитетов и т.д. Как правило, такие программы направлены на решение следующих задач:

- своевременное предупреждение и выявление экстремистских течений, организаций и экстремистской деятельности в целом;

- реализация информационной политики по противодействию экстремизму;

- проведение профилактических мероприятий по предупреждению экстремистской направленности, а также мероприятий по информационно-пропагандистскому обеспечению;

- стабилизация, гармонизация и укрепление отношений между различными социальными группами в межрелигиозной и межнациональной средах.

Дискуссионным вопросом остается оценка эффективности реализации программ с точки зрения качественных результатов. Преимущественно в программах прописываются такие ожидаемые результаты, как: укрепление взаимодействия между различными органами власти, органами местного самоуправления, институтами гражданского общества и организациями в области противодействия экстремизму; выявление и предупреждение экстремистской деятельности; формирование в общественном сознании установок нетерпимости к экстремизму и его проявлениям и т.д.¹.

Автором диссертационного исследования на основе опыта взаимодействия с региональными/муниципальными органами по вопросам реализации соответствующих программ противодействия деструктивным явлениям предлагается к рассмотрению следующий набор критериев результативности программ на региональном/муниципальном уровнях:

- целевые показатели: снижение количества зарегистрированных преступлений и административных правонарушений экстремистской направленности в регионе/муниципалитете; формирование установок нетерпимости и неприятия экстремистской деятельности; снижение уровня распространения материалов экстремистского характера в медиасреде; повышение уровня знаний об алгоритмах действий при столкновении с попытками вербовки в деятельность экстремистских организаций и в целом в экстремистскую деятельность;

- параметры оценки результативности проведенной работы: соответствие достигнутых результатов Плану по реализации Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года; соответствие проведенной работы разработанным планам профилактической работы на конкретный хронологический промежуток; учет в программе работы на всех уровнях профилактики (общий – со всеми категориями

¹ Венцель С.В. Институты гражданского общества в противодействии распространению политического экстремизма в новых медиа // Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия: сб. ст. по материалам LVI междунар. науч.-практ. конф. № 9(56). М., Изд. «МЦНО», 2021.

населения, адресный – с группами риска, подверженными воздействию экстремизма, индивидуальный – с отдельными гражданами, подвергшимися влиянию экстремистских организаций и непосредственно осуществлявших экстремистскую деятельность); уровень профессиональной подготовки вовлеченных в работу сотрудников; количественная и качественная вовлеченность в профилактическую работу институтов гражданского общества, лидеров общественного мнения, коммерческих структур; информационное сопровождение профилактической работы (информация в новых медиа о мероприятиях, создание и распространение социальной рекламы и т.д.)).

Теперь необходимо рассмотреть организационные технологии, предполагающие выстраивание структуры профилактической работы с распределением полномочий:

- принятие и реализация долгосрочных программ обучения всех ответственных за профилактику сотрудников всех уровней организации работы на местах;

- реализация практики проведения мониторинга информационного пространства региона/муниципалитета/ конкретного учреждения/образовательной организации на предмет выявления угроз, а также социологических исследований как среди всего населения, так и групп риска на предмет выявления и раннего обнаружения экстремистских настроений;

- организация системной общепрофилактической работы, направленной на разъяснение антиэкстремистского законодательства, а также сущности и содержания деятельности экстремистских организаций и деструктивных течений доступным для целевых аудиторий языком;

- содействие добровольчеству граждан в сфере противодействия экстремистской деятельности, в том числе в цифровой среде (подготовка киберволонтеров).

Подготовка кадров в сфере противодействия и профилактики экстремизма, в том числе в молодежной среде, занимает важное место в общей системе. Ключевое значение включения высоко квалифицированных кадров играет в системе обеспечения комплексной безопасности от различных угроз, включая угрозы экстремистского характера, образовательных организаций, где на постоянной основе находится наиболее подверженная деструктивному воздействию целевая группа – молодежь. Автор диссертационного исследования в рамках специальной рабочей группы НЦПТИ ФГАНУ НИИ «Спецвузавтоматика» в качестве эксперта принимал участие в разработке и поэтапном внедрении в работу вузов специальных алгоритмов обеспечения комплексной безопасности, в том числе по линии противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма¹. Главный инструмент подготовки кадров – реализация дополнительных профессиональных программ переподготовки или повышения квалификации, поскольку в систему противодействия деструктивным явлениям приходят специалисты с уже имеющимся высшим образованием (бакалавриат/магистратура/аспирантура). При разработке данных программ следует соблюдать критерии²: доступность и мобильность программ; выявление и дифференциация потребностей целевой аудитории; возможность вариативности образовательной программы; полное соответствие целеполагания планируемыми результатам; использование современных информационных технологий; реализация проектного и прикладного научно-исследовательского подходов.

На основе накопленного опыта в разработке, реализации и сопровождении образовательных программ НЦПТИ ФГАНУ НИИ «Спецвузавтоматика» (6 программ для реализации в формате онлайн-курса, 2 программы для проведения в очном формате), а также вариативных программ

¹ Венцель С.В., Денисов С.Ф. Практические рекомендации по обеспечению комплексной безопасности вуза // Обзор. НЦПТИ. 2023. № 3(34). С. 48–62.

² Мухаметзянова Ф. Ш., Гильмеева Р. Х. Организация мониторинга дополнительных образовательных программ в сфере противодействия идеологии экстремизма и терроризма // Казанский педагогический журнал. 2016. № 3 (116). С. 9–10.

подготовки по запросам органов власти регионального и местного уровня, образовательных организаций различных уровней (всего в период с 2019 по 2023 год принято участие в реализации 28-ми таких образовательных программ в статусе соорганизатора/эксперта) автором диссертационного исследования сформулированы следующие рекомендации по разработке программ подготовки специалистов в сфере противодействия экстремизму:

- интегрировать следующие подходы к обучению: личностно-ориентированный (индивидуализация учебного процесса), деятельностный (получение знаний и навыков через самостоятельный поиск, анализ, обобщение и оценку информации), дифференцированный (специализация учебного процесса для различных целевых групп), компетентностный (итог обучения – усвоение конкретных умений и навыков, необходимых для реализации задач), системный (синтез самообучения, саморазвития и самоорганизации рабочего процесса);

- делать следующие акценты в обучении: практикоориентированность, интерактивность и работа с актуальной повесткой. Практикоориентированность следует рассмотреть на примере решения проблемы использования неактуальных форматов профилактического воздействия на целевые аудитории. Способ решения – изучение актуальных форматов и примеров реализации с практическим заданием по разработке своего мероприятия с учетом вводных данных. Результат – получение навыков проведения нового формата с опорой на приобретенный инструментарий. В работе с актуальной повесткой важно учитывать изменение нормативно-правовой базы (например, признание ФБК экстремистской организацией повлекло за собой дополнение профилактических установок в части защиты молодежи от вовлечения в экстремистскую деятельность), трансформацию среды (например, изменение алгоритмов формирования новостных лент в социальных сетях требует актуализацию подходов и инструментов к работе с целевыми аудиториями и разработкой медиаматериалов для последующего распространения) и получаемую обратную связь от целевых аудиторий

(например, результаты социологических исследований среди обучающихся и фокус-групповых исследований среди специалистов по профилактике в ВУЗах при адекватном использовании способствуют улучшению механизмов профилактической работы);

- внедрение в процесс обучения следующих технологий (данные технологии были представлены на ряде всероссийских конференций автором диссертационного исследования, в том числе в рамках II Межведомственной научно-практической конференции «Актуальные вопросы подготовки кадров в сфере противодействия терроризму, проходившей в Академии ФСБ России 1–2 декабря 2022 года)¹ (см. таблицу 7):

Таблица 7 – Образовательные технологии

№п/п	Наименование технологии	Описание на основе примера
1	Проблемное обучение	→ проблема «недостаток актуальных алгоритмов реагирования на экстремистские угрозы в молодежной среде». → решение «выработка в рамках групповой работы алгоритмов с последующей презентацией перед лектором». → результат «доработанный с учетом рекомендаций лектора алгоритм для использования в работе»
2	Разноуровневое обучение	→ проблема «необходимость закладывания общей и вариативной базы для специалистов разных уровней системы противодействия экстремизму». → решение «выработка вариативных модулей в рамках одного курса для специалистов федерального, регионального и местного уровней». → результат «обучающийся приобретает общее понимание системы со специализацией на отдельном уровне»
3	Междисциплинарное обучение	→ проблема «эффективное противодействие экстремизму требует широкого спектра знаний и навыков у специалиста из разных дисциплин». → решение «включение в модули информации о юридических аспектах, социологических

¹ Венцель С.В. Опыт НЦПТИ в образовательной подготовке кадров в сфере противодействия идеологии терроризма // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2023. № 1(30). С. 16–20.

		<p>методах, создании и распространении контента и т.д.».</p> <p>→ результат «обучающийся получает широкий инструментарий от социологического измерения эффективности профилактики до методики создания и распространения социального контента»</p>
4	Игровое обучение	<p>→ проблема «необходимость поиска правильных алгоритмов решения проблем с учетом накопленного обучающимися опыта».</p> <p>→ решение «включение в модули информации о юридических аспектах, социологических методах, создании и распространении контента и т.д.».</p> <p>→ результат «обучающийся получает широкий инструментарий от социологического измерения эффективности профилактики до методики создания и распространения социального контента»</p>

В рамках организационных технологий важным является выстраивание функционирующей системы мониторинга, состоящей из двух частей: мониторинг информационного пространства на предмет выявления информационных угроз и мониторинг настроений среди тех, на кого направлено профилактическое воздействие (объект), а также тех, кто реализует профилактику (субъект) для оценки проводимой работы. Результативный мониторинг информационного пространства на предмет выявления экстремистского контента предполагает гармоничное сочетание нескольких составляющих: знание актуального антиэкстремистского законодательства; совершенствование навыков поиска и выявления противоправного экстремистского контента; умение работать со смыслами, знание динамики изменений в развитии противоправного контента¹.

На основе накопленной практики автором выделяются три преимущественно используемых социологических метода мониторинга настроений: наблюдение (включенное и невключенное), анализ документов, а также опрос. Наблюдение, в первую очередь включенное, может

¹ Венцель С.В. Особенности мониторинга противоправного контента в интернете в рамках киберволонтерской деятельности // Обзор.НЦПТИ. 2021. №1 (24). С. 30–37.

использоваться во время проведения профилактических мероприятий как общего характера, так и с группами риска с целью отслеживания поведения участников, выявления наиболее подверженных риску радикализации и вовлечения в экстремистскую деятельность. По результатам проведения одного из профилактических мероприятий адресного характера совместно с коллегами из НЦПТИ ФГАНУ НИИ «Спецвузавтоматика» автором диссертационного исследования подготовлен типовой отчет о проведении профилактического мероприятия, основной метод которого состоял в проведении включенного наблюдения. Форма отчета тиражируется в качестве позитивной практики среди специалистов, ответственных за профилактическую работу¹.

Анализ документов предполагает работу с отчетной документацией о реализации профилактической работы, проводимой в рамках реализации Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года органами власти и подведомственными ими организациями, включая образовательные организации всех уровней.

При оценке эффективности проведенной профилактической работы используется также такой социологический метод исследования как опрос в следующих видах: фокус-групповое исследование, глубинное интервью и анкетирование. Такие методы практикуются и в онлайн, и в оффлайн форматах и позволяют работать с различными целевыми аудиториями: специалисты по профилактике, молодежь и другие группы риска, представители НКО, вовлеченные в процесс профилактики и т.д.

Следующая организационная технология – выстраивание системы профилактической работы, предполагающей деятельность на трех уровнях:

¹ Внутренний отчет о профилактическом мероприятии в рамках реализации адресной профилактики среди студентов колледжа // Обзор.НЦПТИ. 2022. №4 (31). С. 48–52.

- общая профилактическая работа с целью формирования неприятия идей экстремистского характера среди широких слоев общества и поддержания соответствующего уровня;
- адресная (групповая), выполняющая следующие задачи: выявление лиц, подверженных воздействию экстремистских идей и организаций для недопущения дальнейшего развития радикализации;
- индивидуальная, направленная на работу с уже подвергшимися воздействию экстремистских идей и организаций с целью дерадикализации и ресоциализации.

Система профилактической работы вне зависимости от типа субъекта, который осуществляет профилактику (органы власти в сфере образования, молодежной политики или культуры, образовательные организации и т.д.), должна включать в себя 4 обязательных направления деятельности, обеспечивающих системность и эффективность при решении поставленных задач (см. рисунок 5).

Рисунок 5 – Система профилактики

Важно отметить, что подходы к реализации современной профилактической работы в молодежной среде нуждаются в актуализации

через призму специальной военной операции. Автор диссертационного исследования принимал участие в качестве эксперта в деятельности рабочей группы НЦПТИ ФГАНУ НИИ «Спецвузавтоматика» по формулированию актуальных подходов, результаты работы опубликованы в открытом формате¹:

- систематическое закладывание (внедрение) в рамках профилактической работы в сознание молодежи готовности жить и развиваться в условиях проводимой в отношении России странами-противниками гибридной войны, предполагающей разжигание сепаратизма, поддержку политических экстремистов, попытки вовлечения молодежи в противоправную деятельность и т.д.;

- учет в проводимой профилактической работе уязвимых групп населения нашей страны (включая жителей новых субъектов Российской Федерации), подверженных воздействию проукраинской и западной пропаганды, в том числе украинских националистических экстремистских организаций. Цель такой пропаганды заключается в вовлечении граждан в противоправную деятельность;

- выстраивание тесной связи между профилактической работой, патриотической деятельностью и выстраиванием гражданской идентичности, что также требует актуализации и расширения источников формирования патриотизма и гражданской идентичности у молодежи нашей страны;

- активное привлечение к проводимой профилактической работе институтов гражданского общества (включая волонтерские организации по обеспечению развития медиаграмотности среди различных категорий населения) и лидеров общественного мнения, активно действующих в цифровой среде новых медиа, как ориентиров для молодежи в поиске путей самореализации.

¹ Актуальные подходы к профилактической работе в молодежной среде через призму специальной военной операции. Коллективная статья сотрудников НЦПТИ // Обзор.НЦПТИ. 2023. № 3(34). С. 39 - 46

Просветительские технологии – это практическая реализация профилактической работы. При использовании таких технологий в системе противодействия экстремизму, в том числе политическому экстремизму в среде новых медиа, важно помнить о нескольких аспектах:

- наличие различных целевых аудиторий, на которые будут направлены просветительские технологии: например, молодежь как наиболее подверженная влиянию деструктивных экстремистских течений; ответственные за профилактику сотрудники органов исполнительной власти и образовательных организаций и т.д.;

- необходимость комбинирования различных просветительских методик, причем информационно-коммуникационные технологии следует использовать значительно чаще в силу ранее обозначенной специфики политического экстремизма в среде новых медиа.

Просветительские технологии, направленные на молодежь как на социальную группу, наиболее подверженную воздействию экстремистских течений, должны быть нацелены, в первую очередь, на развитие критического мышления – сложного процесса мышления, основанного на постоянной рефлексии и состоящего из следующих компонентов: восприятие, анализ, синтез, оценка, саморегуляция¹. Профилактические мероприятия в рамках работы с молодежью должны соответствовать ряду требований:

- постановка и достижение конкретных целей и задач мероприятия;
- наличие четко определенной целевой аудитории, учет возрастных и психоэмоциональных особенностей целевой аудитории;

- проработка структуры и сценария проведения мероприятия (форма проведения, форматы подачи информации, легкость восприятия информации целевой аудиторией и т.д.);

- акцент на решении приоритетных проблем профилактики;

¹ Якунина Н.А. Критическое мышление: аналитическое осмысление понятия // Гаудеамус. 2019. № 4 (42). С. 21–26.

- отслеживание и управление активностью участников в процессе мероприятия для повышения их интереса к происходящему;
- наличие и качество информационного освещения мероприятия;
- внедрение механизмов сбора обратной связи от участников, экспертов и организаторов мероприятия для оценки их удовлетворенности.

Профилактические мероприятия должны представлять интерес для молодежи, поэтому они должны предполагать наличие следующих элементов:

- интересные интерактивные форматы взаимодействия с молодежью;
- коммуникации между молодежью и организаторов по принципу «равный-равному». В мероприятиях следует максимально сократить уровень официальных и бюрократических коммуникаций между организаторами и молодежью как объектом профилактического воздействия;
- новые полезные знания и навыки для молодежи для дальнейшего использования в жизни против воздействия информационных угроз;
- творческий подход к внедрению в сознание необходимых в рамках профилактики ценностей и идей с использованием различных инструментов работы;
- постоянная работа с обратной связью от участников профилактических мероприятий;

В качестве лектора на профилактических мероприятиях, как показывают результаты социологического исследования, почти половина опрошенной молодежи (47,65 %) хотят видеть, в первую очередь, представителя молодежи 25-35 лет, обладающего харизмой, имеющего теоретический и предметный опыт, а также способного дать эффективные советы и рекомендации¹.

¹ Критерии идеального лектора в сфере профилактики [Электронный ресурс] // Группа НЦПТИ в социальной сети «ВКонтакте». URL: https://vk.com/wall-112267450_8034 (дата обращения: 14.11.2023).

Социологическое исследование «Восприятие радикальных идей в образовательной среде» проведено по поручению Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (далее — Минобрнауки России) в 2023 году среди обучающихся образовательных организаций высшего образования, подведомственных Минобрнауки

Варианты	Количество ответов	Проценты
 <p>представитель студенчества 18-25 лет (энергичный, с хорошим чувством юмора, говорит на одном языке с аудиторией)</p>	6 952	13,63%
 <p>представитель молодежи 25-35 лет (уверенный, харизматичный, может дать совет, есть теоретический и практический опыт)</p>	24 306	47,65%
 <p>опытный взрослый 35-55 лет (полностью владеет информацией, подкрепляет материал свои опытом, уверенно отвечает на вопросы аудитории)</p>	17 314	33,95%
 <p>представитель старшего поколения 55-70 лет (делится жизненным опытом, говорит о моральной стороне жизни, транслирует духовно-нравственные ценности)</p>	2 433	4,77%

Рисунок 6 – Результаты ответа на вопрос «Выберите наиболее предпочтительный для Вас образ лектора»

В качестве ожидаемых результатов профилактической работы можно выделить следующие приобретаемые участниками умения и навыки:

- формирование навыков критического мышления, самоконтроля и саморефлексии;
- приобретение навыков использования новых медиа и потребления производимой в новых медиа негативной информации, поскольку полностью пресечь ее распространение не представляется возможным;
- умение развенчивать нарративы, декларируемые представителями экстремистских течений и организаций;
- формирование установок неприятия решения проблем экстремистскими методами;
- приобретение навыков защиты от манипуляций, направленных на вовлечение в противоправную экстремистскую деятельность;
- приобретение знаний о действующем антиэкстремистском законодательстве, включая знания об ответственности за правонарушения и преступления экстремистской направленности.

России, во всех федеральных округах, а также в новых субъектах Российской Федерации (ДНР, ЛНР, Херсонская и Запорожская области). Общее количество респондентов, принявших участие — 51000 человек.

В рамках ранее обозначенного социологического исследования «Восприятие экстремизма и других информационных угроз в образовательной среде» (2019-2021 гг.) получен интересный вывод¹: участие в профилактических мероприятиях принимает лишь небольшое количество обучающихся, подавляющее большинство респондентов о проведении мероприятий не имеет представления, при этом количество проведенных профилактических мероприятий остается стабильно высоким². Доминирующим форматом профилактических мероприятий является лекция, которая не предполагает активной работы с целевыми аудиториями профилактики. Поэтому с целью выработки комплекса форматов интерактивных профилактических мероприятий с молодежью как наиболее уязвимой группой перед воздействием деструктивных явлений НЦПТИ ФГАНУ НИИ «Спецвузавтоматика» разработаны два Сборника интерактивных профилактических мероприятий (выпуск 2022 года³ и выпуск 2023 года⁴, соответственно), содержащие апробированные в более чем 56-ти субъектах Российской Федерации, включая новые субъекты (ЛНР, ДНР) ряд полезных и эффективных форматов, применимых в общей и адресной профилактике (см. таблица 8). Авторский вклад в данную работу заключается в участии в работе авторского коллектива в части подготовки ряда сценариев, что отражено в выходных данных обоих сборников сценариев.

Отдельно следует отметить, что при реализации адресной профилактики следует использовать особые подходы и особые практики,

¹ Восприятие экстремизма и других информационных угроз в образовательной среде // Обзор.НЦПТИ. 2022. №1 (28). С. 18–20.

² Согласно данным «Интерактивной карты профилактической деятельности в образовательных организациях и научных учреждениях Российской Федерации» (инструмент обязательного сбора отчетности о реализации профилактики распространения идеологии терроризма и экстремизма в образовательных организациях), общее количество зарегистрированных профилактических мероприятий за период с января 2018 по ноябрь 2023 года составляет более 8500 мероприятий по всей Российской Федерации.

³ Сборник сценариев профилактических мероприятий. Ростов н/Дону: НЦПТИ ФГАНУ НИИ «Спецвузавтоматика», 2022. 121 с.

⁴ Сборник сценариев профилактических мероприятий. Ростов н/Дону: НЦПТИ ФГАНУ НИИ «Спецвузавтоматика», 2023. 105 с.

поэтому в 2023 году по итогам Всероссийского конкурса «Лучшее в профилактика», организатором которого выступили Минобрнауки России и НЦПТИ ФГАНУ НИИ «Спецвузавтоматика», разработан специальный Сборник лучших практик адресных профилактических мероприятий, содержащий 24 практики, проведенные в различных регионах России. Целевая аудитория Сборника — специалисты, работающие в сфере профилактики негативных явлений в молодежной среде¹.

Таблица 8 — Перечень интерактивных профилактических мероприятий

Формат	Уровень	Ключевые задачи
Дебаты на тему «Идеология радикальных организаций»	Общая профилактика; адресная профилактика	Формирование критического мышления; развенчивание нарративов экстремистов
Тематический квиз (викторина)	Общая профилактика	Формирование антиэкстремистского сознания, повышение уровня правовой грамотности
Кинопоказ с последующим обсуждением	Общая профилактика	Формирование антиэкстремистского сознания, развенчивание нарративов экстремистов
Интерактивная игра «Выборы»	Общая профилактика	Формирование критического мышления; развенчивание нарративов экстремистов
Эстафета солидарности, приуроченная ко Дню солидарности в борьбе с терроризмом (3 сентября)	Общая профилактика	Формирование антитеррористического и антиэкстремистского сознания
Семинар «Что мы знаем о терроризме?»	Общая профилактика	Формирование антитеррористического и антиэкстремистского сознания
Мероприятие «Диалоги»	Адресная профилактика	Формирование критического мышления; развенчивание нарративов экстремистов
Мероприятие «Наполни смыслом»	Адресная профилактика	Формирование критического мышления; развенчивание нарративов экстремистов

¹ Сборник лучших практик адресных профилактических мероприятий. Ростов н/Дону: НЦПТИ ФГАНУ НИИ «Спецвузавтоматика», 2022. 105 с.

Тренинг «Экологическое общение»	Адресная профилактика	Формирование критического мышления; развенчивание нарративов экстремистов
Игра «Холивар/Докажи»	Адресная профилактика	Формирование критического мышления; развенчивание нарративов экстремистов
Беседа «Наши ценности»	Общая профилактика	Формирование антитеррористического и антиэкстремистского сознания
Упражнение Джеффа	Общая профилактика; адресная профилактика	Формирование критического мышления; развенчивание нарративов экстремистов
Игровой суд	Общая профилактика	Формирование антиэкстремистского сознания, повышение уровня правовой грамотности
Интеллектуальная викторина	Адресная профилактика	Формирование критического мышления; развенчивание нарративов экстремистов
Правовой диктант	Общая профилактика	Формирование антиэкстремистского сознания, повышение уровня правовой грамотности
Тренинг «Вербовка: как противостоять манипуляциям»	Общая профилактика; адресная профилактика	Формирование критического мышления; развенчивание нарративов экстремистов
Тренинг по развитию критического мышления «Мысли критично»	Общая профилактика; адресная профилактика	Формирование критического мышления; развенчивание нарративов экстремистов
Тренинг по работе с тревожностью	Адресная профилактика	Формирование критического мышления; развенчивание нарративов экстремистов
Интерактивное занятие «Уроки прошлого: символы «арийской расы»»	Общая профилактика; адресная профилактика	Формирование антитеррористического и антиэкстремистского сознания
Открытый диалог «Встреча с героем»	Общая профилактика	Формирование антитеррористического и антиэкстремистского сознания

Следующий вид технологий по противодействию экстремистским течениям в новых медиа – это технологии по производству и распространению позитивного контента и профилактических материалов, предполагающие обязательное включение пользователей новых медиа в качестве полноправных участников в данные процессы.

Выстраивание эффективной коммуникативной стратегии для последовательного формирования позитивных нарративов и позитивного контента в целом как инструментов опровержения и делегитимации экстремистских нарративов является приоритетной задачей по противодействию экстремизму как в реальном пространстве, так в пространстве виртуальном. В современную эпоху интернет и социальные сети представляют собой значительную и простую в использовании среду для вдохновения, радикализации и вербовки молодежи¹. Причем экстремистские течения используют диверсифицированную стратегию вербовки в силу задействования различных платформ и медиа-форматов для осуществления поставленных задач². Очевидно, что для того, чтобы противодействие насильственному экстремизму было эффективным, необходимо уделять больше внимания и выделять больше ресурсов для разработки эффективных позитивных нарративов, как онлайн, так и оффлайн³. Следует отметить, что разработка позитивных нарративов требует больших затрат времени и ресурсов, а также решительных действий со стороны всех заинтересованных сторон, если они хотят быть успешными.

¹ Сергей Венцель: нужно смотреть на каждый случай вербовки отдельно [Электронный ресурс] // Молодежь Дагестана. URL: https://md-gazeta.ru/antiterror/126706?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 24.11.2023).

² Bereznaк A. Terror Inc.: How the Islamic State became a branding behemoth [Электронный ресурс] Yahoo News. URL: [YoTInGP5ZzZEkhM6Xlr9UC7zU_OonqlfQTKsU7qQmwpANGcKIT9WufCBDBuwYJNrCq2kIKaU1xGh1aKM22Db0lDAy2cG1ScnYGJOJgLz9jMQetUfEBWiFF1KCPyuz3IOprmR1pnr1Gwp7x9](https://www.yahoo.com/news/terror-inc-how-the-islamic-state-became-a-branding-behemoth-1200000000.html) (data access: 15.08.2020)

³ Поляков В. В. Профилактика экстремизма и терроризма, осуществляемого с помощью сети Интернет // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 3. С. 142–144.

Создание результативного позитивного профилактического контента с использованием нарративных технологий предполагает наличие твердого фундамента в форме трех составляющих конструкторов: послание, нарратор и коммуникации¹. Послание имеет несколько измерений:

– политическое измерение, повествующее о расстановке политических сил, конфигурации социальных групп и отношениях господства и подчинения;

– историческое измерение, которое захватывает определенные исторические события (даже вне контекста и в отрыве от единого исторического континуума) с представлением предыстории возможного конфликта или противостояния;

– социально-психологическое измерение, отражающее психологический настрой действующих социальных групп и политических акторов, которые находятся в центре повествования;

– инструментальное измерение, транслирующее в сознании пользователей новых медиа весь методологический инструментарий для достижения поставленных целей;

– этически-моральное измерение, отражающее моральные установки персонажей нарративов.

Фигура нарратора имеет важное значение в создании контента. Например, успешно прошедший дерадикализацию гражданин, осознавший пагубность политического экстремизма, может стать эффективным нарратором для дерадикализации других пользователей². В качестве нарраторов следует также привлекать так называемых лидеров мнений как специфических субъектов информационного воздействия на целевые

¹ Ashour O. Online De-Radicalization? Countering Violent Extremist Narratives: Message, Messenger and Media Strategy [Электронный ресурс] Terrorism Analysts: URL: <http://www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/128/html> (data access: 15.08.2020)

² Mehr Extremisten in Deutschland [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/verfassungsschutz-extremismus-101.html> (data access: 15.08.2020)

аудитории. Использование лидеров мнений обусловлено присущим им чертам, а именно¹:

- расположение лидеров мнений по всей социальной структуре как вертикально, так и горизонтально, что полностью соответствует горизонтальной системе социальных взаимодействий в цифровой среде новых медиа;

- лидеры мнений занимают активную общественно-политическую позицию, хотя они могут и не разделять взглядов действующей политической элиты;

- лидеры мнений наиболее глубоко встроены в систему информационных коммуникаций и полностью ознакомлены с актуальной повесткой дня;

- лидеры мнений трансформируют полученную ими информацию в совокупность советов и рекомендаций, сформулированных на привычном для аудитории языке².

Однако полноценного эффекта можно будет добиться посредством установления коммуникаций в цифровой среде новых медиа. Достижение данной цели требует решения следующих задач:

- анализ уже имеющихся деструктивных нарративов с выделением их источника силы, уместности для определенной аудитории и оценки потенциального воздействия;

- обобщение и упрощение собранных контр-нарративов при использовании различных медиаформатов. Преимуществом таких нарративов станет молниеносная конвергенция форматов и их виральность;

- репрезентация посланников, их накопленного опыта и знаний для аудитории.

¹ Глянцев Н.С. Лидеры мнений как инструмент противодействия идеологиям терроризма и экстремизма // Обзор.НЦПТИ. 2021. № 1. С. 45–51.

² Блогеры и профилактика [Электронный ресурс] // Группа НЦПТИ в социальной сети «ВКонтакте». URL: https://vk.com/wall-112267450_8129 (дата обращения: 14.11.2023).

Эффективным позитивным нарративом является обмен сообщениями, который предлагает альтернативный взгляд на вербовку и пропаганду экстремистов, делегитимируя их в сознании пользователей новых медиа. Усилия предпринимаются в ответ на вербовку экстремистских групп, которые используют упрощенные нарративы, направленные на уменьшение политической сложности, подчеркивая воспринимаемые социальные обиды и объединяя потенциальных членов для демонизации определенных религиозных групп, рас, этнических групп и культур. ИГИЛ и «Аль-Каида»¹ (террористические организации, запрещены в РФ), например, рассказывают о виктимизации, мученичестве и идее о том, что Запад воюет с исламом, чтобы воспитать негодование и побуждать людей к борьбе с экстремистскими причинами. Неонацистские организации также используют нарративы, связанные с виктимизацией, и могут также использовать предполагаемые обиды, связанные с классом и расой, для привлечения новых членов и получения политического импульса. Активисты, работающие над тем, чтобы подорвать экстремистские нарративы, используют противодействующие сообщения в ответ на попытки опровергнуть экстремистские сообщения и отговорить потенциальных новобранцев. Примерами контр-нарративов могут быть поэтапное снятие экстремистских аргументов, личные истории, рассказанные бывшими экстремистами, лекции и проповеди, осуждающие насилие, и мультимедийные кампании, созданные отдельными активистами и организациями.

Сложность создания позитивного контента превентивного антиэкстремистского характера состоит в нежелательности акцента материалов на экстремизме, ограничении в использовании даже антиэкстремистской и антитеррористической терминологии и определений, необходимость апеллировать к иным понятиям позитивной направленности и использовании современных трендов и веяний, близких целевой аудитории в

¹ Террористические организации, запрещены в Российской Федерации.

совокупности. Следует отметить опыт британского аналитического центра Quilliam в работе с контр-нарративами экстремистских течений, сотрудники которого разработали следующие практические рекомендации по борьбе с угрозами¹:

- анализ идеологических основ экстремистского нарратива, защищающих его от любой критики. Анализ позволяет выявить альтернативные точки зрения, которые могут укорениться в идеологическом течении для последующего обоснования нежизнеспособности экстремистского нарратива. Иными словами, первая рекомендация заключается в создании уязвимости экстремистского нарратива;

- проведение эмпирических исследований среди целевых групп, наиболее уязвимых перед экстремистскими нарративами, с измерением поведенческих изменений;

- создание тесной коммуникации между государственным сектором, НКО и научно-экспертным сообществом по выявлению и минимизации угроз радикализации и распространения экстремистских нарративов и т.д.

Успешная кампания по нарративному противодействию экстремистским течениям в новых медиа представляет собой сложную и многогранную конструкцию, которая состоит из нескольких уровней: во-первых, это различные послания и нарративы как наступательного, так и оборонительного характера; во-вторых, каналы распространения позитивных нарративов; в-третьих, тесная взаимосвязь с реальными действиями по устранению причин и катализаторов распространения экстремизма. Должны использоваться все уровни нарративной противодействия, поскольку: во-первых, тактика развенчивания деструктивных нарративов без использования адекватных аргументов способна привести к обратному эффекту, а именно усилению нарративов насильственного экстремизма посредством дискуссии и

¹ Countering Islamist Extremist Narratives: A Strategic Briefing [Электронный ресурс]. URL: <https://studylib.net/doc/18361217/countering-islamist-extremist-narratives--a> (data access: 13.12.2020)

рассуждения; во-вторых, вследствие разрушения нарративов насильственного экстремизма в новых медиаформируется идейный вакуум, который вновь будет наполняться деструктивными нарративами в силу отсутствия позитивных нарративов, отсутствия необходимого иммунитета и защищенности от воздействия экстремистских сообществ¹.

Стратегии по противодействию нарративам экстремизма активно разрабатываются современными специализированными центрами. НЦПТИ ФГАНУ НИИ «Спецвузавтоматика» предлагает собственный алгоритм выстраивания позитивных нарративов с фокусом на контрнарративы и альтернативные нарративы в социальных медиа. Авторский вклад в разработку данного алгоритма предполагает экспертное сопровождение этапов 1 (проведение анализа информационной повестки дня) и 2 (выявление наиболее опасных информационных угроз, способных оказать деструктивное воздействие на целевые аудитории). Данный алгоритм существенно детализируются автором диссертационного исследования:

- проведение анализа информационной повестки дня. Проведение эффективного анализа актуальных информационных трендов, понимание и знание которых позволяет выделять доминирующие в виртуальном пространстве нарративы, предполагает полное погружение в информационную среду, регулярный просмотр новостных лент, подписку и мониторинг на различные сообщества и группы в социальных сетях. Важно подчеркнуть, что анализ информационной повестки дня тесно связан с двумя сопутствующими процессами, а именно: фреймингом (процесс, в ходе которого журналисты, пытаясь сделать изложение материала более понятным для собственной аудитории, иногда намеренно упрощают суть описываемых событий, опускают отдельные подробности и предлагают собственные, не

¹ Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях информатизации и глобализации социума: постановка проблемы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 3. С. 65–68.

всегда, правда, объективные трактовки и интерпретации)¹ и праймингом (процесс влияния информации, полученной пользователями из масс-медиа, на оценку аудиторией общественно-политических событий и явлений). Нарративы формируются и распространяются профессионалами, дополняются и расширяются пользователями. Поэтому в изначальный нарратив можно вложить определенный взгляд или мнение, которое будет усиливаться потребительской аудиторией пользователей²;

- выявление потенциальных информационных угроз, деструктивных нарративов и аудиторий, наиболее подверженных воздействию подобных нарративов³;

- проведение анализа возможностей для снижения угроз со стороны деструктивных нарративов посредством информационного воздействия. Сегментарный SWOT-анализ позитивных нарративов необходимо составлять после аналогической процедуры, проведенной в отношении деструктивного нарратива: необходимо выявить базовый потенциал нарратива, совокупное влияние сильных сторон и потенциала нарратива; совокупное влияние слабых сторон и потенциала нарратива; прогнозируемое состояние нарратива после проведения анализа⁴;

- разработка тематики нарративов и форматов их распространения в новых медиа;

- апробирование выработанных нарративов с помощью фокус-групп и последующая доработка в соответствии с выявленными недостатками. Использование метода фокус-групп позволяет обеспечить создателей нарративов большим количеством данных о глубинных причинах, мотивах и

¹ Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. – М.: Институт социологии РАН, 2004. 752 с.

² Казаков А.А. Западная коммуникативистика об установлении повестки дня: анализ основных подходов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2013. С. 55–60.

³ Акулич М.М. Троллинг в социальных сетях: возникновение и развитие // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2012. № 3. С. 30–36.

⁴ Крохичева Г.Е., Романова С.В., Смогрунова М.В., Шека С.И. Развитие сегментарного SWOT-анализа // Новые технологии. 2012. № 4.

особенностей потенциальной аудитории, обозначить пути совершенствования нарративов, провести качественную оценку системы внедрения нарративов и т.д.¹;

- распространение выработанных позитивных нарративов в социальных медиа. Продвижение нарративов находится под воздействием целого комплекса факторов: интенсивности и скорости распространения, укорененности явных и неявных знаний, которые содержатся в нарративах, комплементарности исторически сложившимся ценностям, культуре и убеждениям акторов, эффектов возрастающей отдачи²;

- проведение анализа обратной связи и оценки полученного результата. Эффективная обратная связь детерминирована такими характеристиками, как конкретность, конструктивность, оригинальность, сбалансированность, искренность и т.д.³ По мнению автора диссертационного исследования, осуществление данного шага в алгоритме представляется наиболее трудоемким с точки зрения конкретных инструментов измерения. В новых медиа основными инструментами измерения являются количество просмотров, лайков или реакций, репостов, общее количество подписчиков сообществ. Однако открытым остается вопрос измерения эффективности запущенного нарратива – это снижение агрессивности обсуждения вопросов, уменьшение количества подписчиков сообществ экстремистских течений.

Данные стратегии обладают ценностью с точки зрения выстроенного процесса с логически связанными между собой процедурами. Актуализация проблематики исследования информационной повестки дня и распространенных в новых медиа деструктивных нарративов позволяет формировать реальные актуальные позитивные нарративы, которые будут

¹ Мальцева Т. В. Метод фокус-групп в академических исследованиях // Прикладная юридическая психология. 2008. № 3. С. 130–133.

² Вольчик В.В., Маслюкова Е.В. Нарративы, идеи и институты // Terra Economicus. 2018. Т. 16. № 2. С. 150–166.

³ Корнев А.А. Обратная связь в обучении и педагогическом общении // Rhema. Рема. 2018. № 2. С. 112–125.

воздействовать на сознание пользователей новых медиа систематично и последовательно. Тот нарратор или эксперт, который развенчивает экстремистские нарративы, должен иметь полноценное представление об экстремистских течениях, об их коммуникациях и используемой символике, доминирующих нарративах. В данном контексте следует также обозначить проблему сохранения когнитивной ригидности нарратора (эксперта), поскольку сам деструктор будет относиться к целевой аудитории воздействия нарративов экстремистских течений. Когнитивная ригидность будет обозначать неготовность развенчивающего экстремистские нарративы трансформировать собственную концептуальную картину социума под воздействием новых информационных потоков и нарративов. Иными словами, следует исключить возможность радикализации самого специалиста. Когнитивная ригидность обеспечивает проведение объективного анализа нарративов экстремистских течений для формирования адекватных контрнарративов. Следует также отметить, что специалист может быть подвержен другому опасному воздействию, когнитивному искажению – профессиональной деформации. Постоянное погружение в мир деструктивных нарративов приводит к воздействию на личностные и профессиональные аспекты в негативном ключе.

Массовое распространение позитивных нарративов обеспечивается посредством придания им виральности – качественной характеристики нарратива, необходимой для определения заинтересованности аудитории в принятии нарративов. Контент приобретает виральный характер в силу возможности самостоятельного распространения через новые медиа посредством сил самих же пользователей.

Таким образом, эффективная система профилактики распространения экстремистских течений, в том числе в цифровой среде новых медиа, предполагает использование ряда технологий: нормативные технологии по формированию и совершенствованию правовой базы противодействия различным видам экстремизма, в особенности политическому экстремизму;

организационные технологии по выстраиванию каркаса реализации профилактической работы; просветительские технологии, направленные на формирование у целевых аудиторий критического мышления и системы знаний о пагубном воздействии экстремизма, а также направленные на подготовку кадров в сфере противодействия экстремизму; технологии по производству и распространению позитивного контента и профилактических материалов, предполагающие обязательное включение пользователей новых медиа в качестве полноправных участников в данные процессы.

Качественно выстроенная коммуникативная стратегия по созданию и распространению позитивного контента в цифровой среде новых медиа предполагает сложный алгоритм, реализация которого подразумевает следующее: полноценный анализ пользовательских аудиторий, работу по созданию собственного контента, ориентацию в создании контента на целевые аудитории, использование популярных социальных платформ, использование интерактивного функционала данных платформ, регулярность обновлений и выстраивание конструктивного диалога с аудиторией, которая критически может воспринимать осуществляемую деятельность. Цель позитивного контента заключается в снижении деструктивного влияния экстремистских течений и в формировании позитивной картины мира. Главная задача позитивного контента состоит в препятствовании процессам радикализации и превращения пользователей новых медиа в участников экстремистских медиатизированных миров.

3.2. Ключевые субъекты системы профилактики распространения политического экстремизма в пространстве новых медиа

Финальный параграф диссертационного исследования посвящен анализу места каждого из субъектов системы по профилактике распространения экстремизма, в том числе проявлений политического

экстремизма, в новых медиа и среди молодежи как наиболее подверженной влиянию деструктивных течений социальной группе.

Эффективная система противодействия экстремизму, в том числе политическому, предполагает тесную координацию между органами власти и подведомственными им организациями, правоохранительными органами, институтами гражданского общества, лидерами общественного мнения, коммерческим сектором и компаниями в области информационных технологий. На федеральном уровне действует специальная Межведомственная комиссия по противодействию экстремизму в Российской Федерации, созданная в 2011 году Указом Президента Российской Федерации № 988 «О Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации» с целью координации органов государственной власти в области противодействия экстремизму и нормализации межконфессиональных и межнациональных отношений. В состав комиссии входит 21 представитель органов государственной власти, для решения оперативных задач действует специальный президиум с участием руководителей МВД, ФСБ, Минюста, Следственного комитета, СВР, а также заместителя секретаря Совбеза России. Комиссия отвечает за разработку проектов документов по противодействию экстремизму (в частности, за разработку Стратегии противодействия экстремизму), за организацию и координацию работы по противодействию экстремизму, а также за мониторинг проделанной работы.

Непосредственно в противодействие экстремизму задействованы такие органы, как:

- МВД России, а также созданное в его структуре Главное управление по противодействию экстремизму. Задачи: выработка и реализация госполитики и нормативного правового регулирования, реализация правоприменительной практики;

- Следственный комитет России, выполняющий задачи по выявлению преступлений, обеспечению безопасности граждан и укреплению законности в обществе;

- Минюст России, ведущий два специальных списка: Федеральный список экстремистских материалов и Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»;

- Генеральная прокуратура России, осуществляющая надзор за исполнением законодательства в сфере противодействия экстремизму. Например, Генеральный прокурор Российской Федерации или его подчиненные прокуроры могут выносить предупреждение общественному или религиозному объединению, или иной организации о недопустимости осуществления экстремистской деятельности;

- органы судебной власти, рассматривающие и выносящие решения о совершенных административных правонарушениях и уголовных преступлениях экстремистского характера.

Безусловно, государство играет важную роль в противодействии экстремистским угрозам. Сама государственная политика в сфере профилактики экстремизма развивается по следующим направлениям¹:

1. формирование и совершенствование государственной системы оценки тех угроз, которые могут выступать катализаторами экстремистской деятельности;

2. постоянная работа над совершенствованием законодательства по гармонизации и решению проблем, способствующих росту экстремистской деятельности;

¹ Болгов Н.В., Бааль Н.Б. Политический экстремизм на постсоветском пространстве и в России как угроза ее военной безопасности. // Военная мысль. 2021. № 1. С. 20–32.

3. создание условий по гармоничному развитию институтов гражданского общества;

4. выстраивание системы взаимодействия органов исполнительной власти федерального и регионального уровней и общественных организаций по воспрепятствованию деятельности экстремистов.

Однако, среда новых медиа, для которой характерным является полноценное вовлечение пользователей в работу с информационными ресурсами, определяет в значительной степени характерные особенности системы противодействия экстремистским угрозам, а именно: невозможность решения поставленной задачи исключительно силами федеральных органов государственной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также муниципалитетов. Используемые государственными органами власти инструменты для борьбы с угрозой, предполагающие преимущественно блокировку деструктивной информации, удаление экстремистского контента и привлечение к уголовной и административной ответственности правонарушителей, не могут претендовать на исключительную эффективность в силу того, что:

- противоправный экстремистский контент может автоматически воспроизводиться за счет активного участия сторонников экстремистских течений и организаций даже после блокировки и внесения в специальный Федеральный список экстремистских материалов Министерства юстиции Российской Федерации;

- после удаления противоправного контента образуется определенный вакуум, который в обязательном порядке будет наполняться каким-либо контентом. Без создания специального профилактического позитивного контента и наполнения им такого вакуума все действия по блокировке экстремистского контента будут носить половинчатый характер;

- неоспоримым является тот факт, что правонарушители должны привлекаться к юридической ответственности. Однако с ними необходимо проводить качественную профилактическую работу, цель которой состоит в

ресоциализации и возвращении их в нормальное состояние. Также следует проводить работу и с другими членами общества, которая нацелена на предотвращение распространения экстремистских проявлений.

На базе Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в 2019 году создан специальный межведомственный Координационный совет по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма (далее – Корсовет) с целью формирования единых подходов к повышению эффективности профилактической и воспитательной деятельности для формирования у молодежи устойчивости к антиобщественным проявлениям, а также стойкого неприятия экстремизма и идеологии терроризма. При Корсовете создана сеть специальных центров двух типов:

- векторные (ключевые) центры, вырабатывающие стандарты профилактической деятельности и подготовки специалистов в сфере профилактики: НЦПТИ ФГАНУ НИИ «Спецвузавтоматика» (Ростов-на-Дону), Центр по профилактике экстремизма и девиантного поведения в молодежной среде НИЯУ МИФИ (Москва), Центр профилактики религиозного и этнического экстремизма в образовательных организациях Российской Федерации (Москва), Центр социально-политических исследований и информационных технологий (Москва), Центр анализа и профилактики информационных угроз в молодежной среде при РТУ МИРЭА (Москва), Центр содействия социальной и культурной адаптации и межкультурной коммуникации РУДН (Москва), Институт гражданской идентичности РГУ им. А.Н. Косыгина (Москва), Центр правового мониторинга МГЮА им. О.Е. Кутафина (Москва), Центр сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей (Пятигорск);

- Координационные центры по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма (далее – Корцентры), создаваемые на базе подведомственных Минобрнауки России вузов. До 2024 года включительно Корцентры будут открыты во всех субъектах Российской Федерации.

Корцентры ответственны за проведение обучения по программам дополнительного профессионального образования для специалистов региона, разработку методических материалов по профилактике, проведение профилактических мероприятий, в том числе в формате «Открытый диалог», а также в рамках информационно-аналитической деятельности за мониторинг информационных угроз и за создание позитивного профилактического контента. Ключевая миссия Корцентров – стать центральным компонентом в организации деятельности по профилактике распространения идеологии терроризма и экстремистских проявлений в молодежной среде того субъекта Российской Федерации, где создан и функционирует Корцентр (см. рисунок 7).

Рисунок 7 – Организационная схема взаимодействия

Основными заинтересованными сторонами и партнерами Корцентра в регионе выступают:

- органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации в сфере образования и молодежной политики, а также органы местного самоуправления;
- аппараты антитеррористической комиссий субъектов Российской Федерации;
- правоохранительные органы;
- иные региональные образовательные организации высшего образования, в том числе подведомственные помимо Минобрнауки России другим федеральным органам исполнительной власти, а также органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Анализ деятельности Корцентров за период с 2021 года (старт их создания) по настоящее время позволяет выделить точки роста в развитии данной сети¹:

¹ Козлов К.А. Деятельности сети координационных центров по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии

- выстраивание системного взаимодействия между Корцентрами и заинтересованными сторонами на уровне региона;
- выстраивание системного взаимодействия между субъектами профилактической деятельности внутри ВУЗов с участием специалистов Корцентров и векторных центров;
- налаживание системной работы по транслированию накопленных Корцентрами позитивных практик как внутри региона нахождения, так и между Корцентрами в разных регионах России;
- формирование на уровне региона экспертного сообщества по теме профилактической деятельности;
- выстраивание системной работы по мониторингу информационных угроз, в том числе экстремистского характера;
- разработка и апробация действенных методик профилактической работы с последующей передачей накопленного опыта партнерам.

Важно отметить и необходимость развития взаимодействия с институтами гражданского общества в сфере профилактики, поскольку:

- такие структуры, включая некоммерческие организации, национальные диаспоры и т.д., имеют прямой доступ к конкретным целевым аудиториям, с которыми необходимо проводить целенаправленную профилактическую работу, в том числе в рамках решения сложных проблем. Например, достаточно распространенной практикой является приглашение лидеров или иных обладающих авторитетом представителей национальных диаспор или религиозных организаций к проведению профилактических мероприятий с иностранными обучающимися;
- институты гражданского общества накопили значительный опыт информационно-просветительской деятельности, реализованный в современных интерактивных форматах работы. Например, реализуемые автономной некоммерческой организацией по формированию безопасной

информационной среды «Интернет без угроз» (Ростов-на-Дону) просветительские проекты в 2023 году: «Инспектора медиабезопасности» по развитию навыков медиаграмотности и медиабезопасности среди школьников с подготовкой среди них лидеров общественного мнения, транслирующих конструктивные мысли и ценности в среде новых медиа (проект поддержан посредством гранта, предоставленного Комитетом по молодежной политике Ростовской области); «Лаборатория творческих индустрий «История в медиа» по формированию сообщества представителей молодежи, создающих просветительский контент для распространения в новых медиа по теме подвигов уроженцев Ростовской области (участников СВО, КТО, врачей, волонтеров и т.д.) в контексте выстраивания гражданской идентичности и защиты пользователей от деструктивных явлений, в том числе экстремистского характера (проект поддержан в рамках конкурса грантов Губернатора Ростовской области на развитие гражданского общества в 2023 году) и т.д.

Однако в контексте деятельности институтов гражданского общества в сфере профилактической работы есть ряд определенных рисков, которые необходимо учитывать органам власти, образовательным организациям при привлечении НКО к партнерству:

- сотрудничество с иностранными агентами и нежелательными организациями, а также попытки транслирования антироссийской повестки на фоне проведения специальной военной операции;
- попытки финансирования экстремистской и террористической деятельности;
- содействие вербовки в противоправную деятельность, в том числе экстремистского характера;
- пропаганда и популяризация экстремистских идей и взглядов;
- отсутствие официального разрешения на осуществление деятельности.

Взаимодействие субъектов по профилактике распространения экстремистских проявлений, в том числе политического характера, следует проиллюстрировать в рамках нескольких ключевых векторов деятельности:

- проведение информационно-просветительских и профилактических мероприятий, а также мероприятий для специалистов.
- деятельность в среде новых медиа по обеспечению информационной безопасности.

Несмотря на то, что диссертационное исследование касается проблематики распространения экстремистских проявлений в среде новых медиа, без работы в очном или смешанном режимах, в первую очередь с молодежью, эффективность профилактики не будет достигать желаемых результатов.

В рамках проведения информационно-просветительских мероприятий на региональном или муниципальном уровнях субъектами профилактики могут выступать (см. таблица 9):

Таблица 9 – Перечень субъектов и мероприятий

Наименование Субъекта	Распространенные форматы мероприятий	Примеры мероприятий	Мероприятия для специалистов
Образовательные организации	Общая профилактика: конкурсы, фестивали, эстафеты, кинопоказы с обсуждением, дискуссии, дебаты и т.д. Адресная профилактика: программы наставничества. Индивидуальная профилактика: психологическое сопровождение, юридическое консультирование.	Обсуждение фильмов по антитеррору и антиэкстремизму на основе Insert-рецензии ¹	Круглые столы, конференции, программы переподготовки и повышения квалификации, семинары. Разработка методических материалов.

¹ Мероприятие «Обсуждение фильмов по антитеррору и антиэкстремизму на основе Insert-рецензии». Цель: формирование неприятие идеологии терроризма и экстремистских проявлений. Организаторы: НЦПТИ, ФГАОУ ВО «ЮФУ». Мероприятие размещено на ресурсе «Интерактивная карта профилактической деятельности» [Электронный ресурс]. URL: <https://map.ncpti.ru/events/19-10-2023-obsuzhdenie-filmov-po-antiterroru-i-antiekstremizmu-na-osnove-insert-retsenzii> (дата обращения: 04.11.2023).

Психологические службы	Общая и адресная профилактика: проведение психологических тестирований. Индивидуальная профилактика: бесплатные консультационные мероприятия для представителей групп риска.	Встреча-беседа с психологом Центра информационной безопасности и психологической помощи Белгородской области ¹	Консультационные мероприятия для специалистов, ответственных за профилактику. Разработка методических материалов. Круглые столы, конференции, программы переподготовки и повышения квалификации, семинары.
Некоммерческие организации	Общая профилактика: конкурсы, фестивали, эстафеты, кинопоказы с обсуждением, дискуссии, дебаты и т.д. Адресная профилактика: программы наставничества, проектная деятельность. Индивидуальная профилактика: психологическое сопровождение, юридическое консультирование.	Онлайн-олимпиада по медиабезопасности для старшеклассников Ростовской области ²	Консультационные мероприятия для специалистов, ответственных за профилактику. Разработка методических материалов. Программы переподготовки и повышения квалификации. Круглые столы, конференции, программы переподготовки и повышения квалификации, семинары.
Национальные диаспоры и	Общая профилактика: конкурсы, фестивали,	Встреча иностранных	Консультационные мероприятия для

¹ Мероприятие «Встреча-беседа на тему «Будь ВКурсе» с психологом Центра информационной безопасности и психологической помощи Белгородской области Е.Б. Шейфель в БУКЭП». Цель: формирование навыков безопасного использования интернета для защиты от вербовки в экстремистскую и террористическую деятельность. Организаторы: Министерство образования Белгородской области. Мероприятие размещено на ресурсе «Интерактивная карта профилактической деятельности» [Электронный ресурс]. URL: <https://map.ncpti.ru/events/20-06-2023-vstrecha-beseda-na-temu-bud-vkurse-s-psihologom-tsentra-informatsionnoy-bezopasnosti-i-psihologicheskoy-pomoschi-belgorodskoy-oblasti-e-b-sheyfel-v-bukep> (дата обращения: 04.11.2023).

² Мероприятие «Онлайн-олимпиада по медиабезопасности «Интернет без угроз» для старшеклассников Ростовской области» (всего приняли участие 4823 человек). Цель: формирование навыков критического мышления и профилактика вовлечения молодежи в экстремистскую и террористическую деятельность. Организаторы: АНО «Интернет без угроз» [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-216414784_179 (дата обращения: 04.11.2023).

религиозные организации	эстафеты, кинопоказы с обсуждением, дискуссии, дебаты и т.д. Индивидуальная профилактика: беседы с представителями групп риска	студентов с руководителями национальных диаспор Ивановской области ¹	специалистов, ответственных за профилактику. Разработка методических материалов. Круглые столы, конференции, программы переподготовки и повышения квалификации, семинары.
Органы исполнительной власти субъекта РФ и органы местного самоуправления	Общая профилактика: конкурсы, фестивали, эстафеты, кинопоказы с обсуждением, дискуссии, дебаты, фестивали и т.д. Помощь в профориентации молодежи.	Международный фестиваль национальных культур «Молодежный этноград»	Консультационные мероприятия для специалистов, ответственных за профилактику. Круглые столы, конференции.
Территориальные органы федеральных органов исполнительной власти (МВД, ФСБ, Росгвардия)	Общая профилактика: встречи, дискуссии, лекции. Индивидуальная профилактика: беседы с представителями групп риска.	Открытый диалог «Борьба с терроризмом: взгляд правоохранительных органов» с сотрудником УФСБ России по Ростовской области ²	Консультационные мероприятия для специалистов, ответственных за профилактику.
Прокуратура	Общая профилактика: встречи, дискуссии, лекции. Индивидуальная профилактика: беседы с	Встреча студентов Санкт-Петербурга с сотрудниками Прокуратуры Санкт-Петербурга ³	Консультационные мероприятия для специалистов, ответственных за профилактику.

¹ Мероприятие «Встреча иностранных студентов с руководством Академии и руководителями национальных диаспор Ивановской области по вопросам противодействия распространению экстремизму и терроризму». Цель: формирование неприятия идеологии терроризма и экстремистских проявлений». Организаторы: ФГБОУ ВО «ИГСА им. Д.К. Беляева». Мероприятие размещено на ресурсе «Интерактивная карта профилактической деятельности» [Электронный ресурс]. URL: <https://map.ncpti.ru/events/28-02-2023> (дата обращения: 04.11.2023).

² Мероприятие «Открытый диалог «Борьба с терроризмом и экстремизмом: взгляд правоохранительных органов». Цель: формирование неприятия идеологии терроризма и экстремистских проявлений». Организаторы: НЦПТИ, ФГАОУ ВО «ЮФУ». Мероприятие размещено на ресурсе «Интерактивная карта профилактической деятельности» [Электронный ресурс]. URL: <https://map.ncpti.ru/events/02-11-2023-otkrytyy-dialog> (дата обращения: 04.11.2023).

³ Мероприятие «Встреча молодежи с Прокуратурой Санкт-Петербурга». Цель: разъяснение правовой ответственности за экстремистскую деятельность. Организаторы: Комитет по молодежной политике и взаимодействию с общественными организациями г.

	представителями групп риска.		
Роскомнадзор	Общая профилактика: встречи, дискуссии, мастер-классы, конкурсы, лекции.	Всероссийские соревнования по медиааналитике ¹	Консультационные мероприятия для специалистов, ответственных за профилактику.
Органы судебной власти	Общая профилактика: встречи, дискуссии, мастер-классы, лекции, экскурсии.	Экскурсия и участие в качестве зрителя на судебном процессе по признанию действий нацистов в годы Великой Отечественной войны на территории Ростовской области геноцидом советского народа ²	Консультационные мероприятия для специалистов, ответственных за профилактику.

Отдельно следует рассмотреть деятельность в цифровой среде новых медиа по обеспечению информационной безопасности, которую можно классифицировать по ряду направлений.

Первое направление: мониторинг информационного пространства с целью анализа социально-политических процессов и выявления деструктивных явлений для пресечения противоправной деятельности.

Субъектами мониторинга выступают:

- правоохранительные органы (МВД России, ФСБ России, Следственный комитет России и т.д.), осуществляющие расследование

Санкт-Петербург, Корцентр ФГБОУ ВО «СПГУПТД». Мероприятие размещено на ресурсе «Интерактивная карта профилактической деятельности» [Электронный ресурс]. URL: https://map.ncpti.ru/events/21-06-2023-https-vk-com-dommolodejy-w-wall-34312478_28852 (дата обращения: 04.11.2023).

¹ Мероприятие «Всероссийские соревнования по медиааналитике». Цель: защита информационного пространства России от фейковой информации посредством подготовки молодых кадров [Электронный ресурс]. URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74712.htm> (04.11.2023).

² Мероприятие «Участие в заседании по делу о признании геноцида мирного населения со стороны нацистов». Цель: формирование неприятия к нацистским и фашистским проявлениям. [Электронный ресурс] URL: https://rsue.ru/universitet/novosti/novosti.php?ELEMENT_ID=107377 (04.11.2023).

правонарушений и преступлений и собирающие необходимую информацию как с помощью расследований по открытым данным (методика OSINT), так и с помощью иных методов, на которые требуется санкция судебных органов власти;

- специализированные организации, функционирующие либо как подведомственные органам власти организации (например, НЦПТИ ФГАНУ НИИ «Спецвузавтоматика», Центр анализа и профилактики информационных угроз в молодежной среде при РТУ МИРЭА), либо как автономные некоммерческие организации (например, АО «Крибрум», АНО «Центр изучения и сетевого мониторинга в молодежной среде») использующие в работе исключительно мониторинг по открытым данным (методика OSINT), в том числе с помощью специальных программ поиска информации – парсеры;

- киберволонтерские организации, создаваемые либо при образовательных организациях высшего образования, либо при органах исполнительной власти субъекта Российской Федерации, либо при территориальных органах федеральных органов исполнительной власти (преимущественно МВД России), либо действующие как некоммерческие организации.

Киберволонтерство в сфере противодействия идеологии терроризма и экстремизма представляет собой специфическую разновидность реализуемой с помощью интернет-технологий волонтерской работы. Киберволонтеры могут действовать как самостоятельно, так и в рамках киберволонтерских отрядов и кибердружин. В Российской Федерации начало киберволонтерской деятельности было положено в 2011 году с появлением некоммерческого сообщества «Лига безопасного интернета», созданного при поддержке Минкомсвязи России, МВД России, Комитета Государственной Думы РФ по вопросам семьи, детей и женщин для противодействия распространению противозаконного и опасного контента в сети Интернет. Данное сообщество стало учредителем межрегионального молодежного общественного движения «Кибердружина», имеющего широкую филиальную сеть в 36-ти российских

регионах, причем в каждом конкретном регионе складывается специфическая форма организации деятельности, а именно: в одном регионе филиал является автономным проектом движения, в другом регионе филиал становится совместным проектом движения и регионального университета. Достаточно известными примерами киберволонтерских организаций также стали тюменский областной проект «Киберпатруль» и «Медиагвардия» – проект ВОО «Молодая Гвардия Единой России» федерального масштаба

В рамках деятельности киберволонтерских организаций определены преимущественно следующие направления: в первую очередь, поиск и выявление противоправного контента, а также участие в профилактической работе¹.

Поиск и выявление противоправного контента, в том числе экстремистского характера, с последующим направлением найденной информации в компетентные органы требует от киберволонтера:

- достижения возраста совершеннолетия, поскольку несовершеннолетних запрещено привлекать к работе с противоправной информацией (Федеральный закон от 29.12.2010 г. №436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»);

- знания профильных нормативно-правовых актов, регламентирующих противодействие экстремистской деятельности. Каждый киберволонтер должен знать Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», Стратегию противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, а также статьи Кодекса об административных правонарушениях и Уголовного кодекса Российской Федерации, посвященных противодействию экстремизму;

- навыков мониторинга и выявления противоправного контента, в том числе работы с поисковыми системами (парсерами).

В киберволонтерской деятельности есть два ключевых риска:

¹ Венцель С.В. Особенности мониторинга противоправного контента в интернете в рамках киберволонтерской деятельности // Обзор.НЦПТИ. 2021. № 1 (24). С. 30–37.

- вероятность радикализации и увлечения экстремистской идеологией одного из участников команды проекта;
- вероятность столкнуться с волнами неконструктивной критики и потоков ненависти в новых медиа в силу того, что существует определенный стереотип о киберволонтерах как о «доносчиках».

Анализ развития и деятельности движений киберволонтеров позволяет выявить как положительные аспекты, так и ряд критических замечаний. Среди положительных аспектов необходимо выделить следующее:

- оказание содействия в формировании безопасной цифровой среды новых медиа;
- повышение уровня цифровой грамотности граждан, использующих новые медиа.

Однако есть несколько критических замечаний по двум проблемам: качество взаимодействия между правоохрнительными органами и киберволонтерами; уровень подготовки киберволонтеров.

Касательно первого направления следует отметить: непонимание потребностей сотрудников правоохрнительных органов в качестве и объемах предоставленной киберволонтерами информации; отсутствие либо незначительность предварительной оценки специалистами результатов работы движения перед передачей информации в правоохрнительные органы; отсутствие после передачи информации киберволонтерами оперативной обратной информации о результатах проверки; отсутствие требований к знаниям участников общественных движений и измерения их стрессоустойчивости, а также отсутствие у самих участников инструментария для противодействия манипуляциям. Как показывает практика, данная проблема решается в индивидуальном порядке на региональном и муниципальном уровнях между киберволонтерскими организациями и заинтересованными партнерами.

Вторая проблема решена посредством запуска бесплатного онлайн-курса для киберволонтеров, запущенного в 2022 году НЦПТИ ФГАНУ НИИ

«Спецвузавтоматика» (автор диссертационного исследования является одним из разработчиков учебно-методического комплекса программы курса). С 2022 по 2023 год обучение по курсу прошло более 410 человек из всех субъектов Российской Федерации, включая новые субъекты, вошедшие в состав страны по итогам референдумов 2022 года.

Второе направление: разработка и последующее распространение информационно-просветительских материалов в среде новых медиа.

Субъектами данного направления выступают:

- организации, занимающиеся разработкой контента: некоммерческие организации, медиacentры образовательных организаций, специализированные центры, подведомственные федеральным органам исполнительной власти (например, Студенческий медиacentр Минобрнауки России);

- интернет-ресурсы, предоставляющие площадки для распространения контента (например, в актуальных с 2022 года условиях в России это, в первую очередь, социальные сети «ВКонтакте» и «Одноклассники», мессенджер Telegram, видеохостинги RuTube, YouTube);

- организации, оказывающие поддержку в разработке контента (финансовую, организационную и методическую) (например, АНО «Институт развития Интернета»).

С 2020 года АНО «Институт развития Интернета» на конкурсной основе распределяет государственные субсидии на создание и распространение социально значимого контента, включая материалы, направленные на профилактику распространения экстремистских проявлений в молодежной среде (поддержано более 1500 проектов). Данная организация является также и оператором социальной рекламы в интернете и обеспечивает бесплатное размещение социально значимого контента на площадках Рунета. Важно отметить, что учредителями АНО «Институт развития Интернета» являются Минобрнауки России, РАЭК (Ассоциация электронных коммуникаций, объединяющая более 150 игроков рынка электронных коммуникаций),

«Медиа-Коммуникационный Союз» (в состав входят ПАО «Ростелеком», «Газпром-медиа», Национальный Рекламный Альянс, СТС Медиа, ПАО «ВымпелКом» и т.д.), РОЦИТ (общественная организация, объединяющая активных интернет-пользователей России) и Фонд развития интернет-инициатив для поддержки IT-стартапов. АНО «Институт развития Интернета» является уникальным примером взаимодействия органов государственной власти, институтов гражданского общества, коммерческого сектора и компаний в области информационных технологий, объединивших усилия по обеспечению информационной безопасности посредством создания и распространения социального контента и позитивного профилактического контента, в частности.

Третье направление: формирование сообщества экспертов и лидеров общественного мнения для профилактического воздействия и борьбы с информационными угрозами в новых медиа.

Субъектами формирования сообществ выступают все заинтересованные субъекты системы противодействия и профилактики распространения экстремизма, в том числе политического экстремизма: органы государственной власти, институты гражданского общества.

Однако в качестве примера оператора такой деятельности следует привести НЦПТИ ФГАНУ НИИ «Спецвузавтоматика», реализующий все обозначенные задачи:

- формирование сообщества экспертов в сфере профилактики и обеспечения безопасности в пространстве новых медиа.

На интернет-ресурсе «Интерактивная карта профилактической деятельности в образовательных организациях и научных учреждениях Российской Федерации» разработан специальный раздел «Эксперты», желающие зарегистрироваться в качестве эксперта проходят специальную модерацию. Претендующие на статус эксперта должны представить следующие данные: автобиография, уровень образования, опыт работы, предметные области, специализацию в сфере профилактики, опыт в сфере

профилактики (от проведения мероприятий до разработки просветительских материалов). В настоящее время модерацию прошли 288 экспертов, информация о них доступна органам государственной власти, включенных в профилактику распространения деструктивных явлений, в том числе в молодежной среде.

Ежегодно НЦПТИ ФГАНУ НИИ «Спецвузавтоматика» проводит Всероссийский научно-практический форум «Безопасность в науке и образовании» как площадку для взаимодействия между проректорами по безопасности и по воспитательной деятельности, специалистами по воспитательной работе образовательных организаций высшего образования, представителями органов власти федерального и регионального уровней. Например, в 2023 году участниками стали более 150-ти специалистов из 70-ти субъектов Российской Федерации, включая ДНР и ЛНР¹.

В 2023 году отдельно запущено новое мероприятие всероссийского уровня для специалистов по профилактике и информационной безопасности – Всероссийский форум «Интернет без угроз», цель которого заключается в определении векторов работы по формированию безопасного информационного пространства и выстраиванию взаимодействия между органами государственной власти, некоммерческим сектором и компаниями в сфере информационных технологий по выявлению и предупреждению угроз в интернете². Участниками форума стали более 150-ти участников из 55-ти регионов Российской Федерации, спикерами выступили, в том числе, представители ранее обозначенных АНО «ЦИСМ», АО «Крибрум» и Центра анализа и профилактики информационных угроз в молодежной среде при РТУ МИРЭА.

¹ Безопасность в науке и образовании [Электронный ресурс] // Дон24. URL: <https://don24.ru/rubric/obschestvo/bezopasnost-v-nauke-i-obrazovanii.html> (дата обращения: 04.11.2023).

² Всероссийский форум «Интернет без угроз» // Лендинг. URL: <https://форум.интернетбезугроз.рф/> (дата обращения: 04.11.2023).

Следует также отметить, что в 2024 году по поручению Минобрнауки России НЦПТИ ФГАНУ НИИ «Спецвузавтоматика» будет проведена специальное всероссийское учебно-методическое мероприятие — школа лектора/эксперта в сфере проведения профилактики, участниками которой выступают сотрудники Координационных центров, в том числе ответственные за направление «Открытый диалог», представители профессорско-преподавательского состава и сотрудники из числа внешних по отношению к вузам субъектов профилактики. Предварительно программа школы лектора/эксперта будет включать в себя три основных трека: предметные знания из гуманитарных областей (политология, социология, юриспруденция и т.д.), умения проводить перечень профилактических мероприятий и навыки (управление коммуникациями, решение конфликтов и самопрезентация эксперта в цифровой среде новых медиа).

- формирование сообщества лидеров общественного мнения для профилактического воздействия и борьбы с информационными угрозами в новых медиа.

С 2021 года НЦПТИ ФГАНУ НИИ «Спецвузавтоматика» реализует всероссийский проект «Контент-фабрика «Параллели», представляющий собой образовательную площадку для представителей молодежного студенческого медиасообщества, направленную на развитие компетенций среди начинающих специалистов по созданию качественной социальной рекламы¹. Площадка выполняет три ключевые задачи:

- собственно, формирование сообщества новых лидеров общественного мнения;

- профилактическое воздействие на творческую молодежь с целью защиты от вовлечения в деструктивную деятельность;

¹ Куценко М.В. Проект «Контент-фабрика «Параллели» как инструмент профилактики // Обзор.НЦПТИ. 2021. №3 (26). С. 18–24.

- формирование и наполнение базы данных качественной социальной рекламой и позитивным профилактическим контентом для последующего распространения в цифровой среде новых медиа¹.

В контексте работы в цифровой среде новых медиа по профилактике распространения экстремистских проявлений важно подчеркнуть роль и традиционных СМИ, проходящих путь конвергенции. Перед журналистами поставлены важные задачи: формирование неприятия деструктивных явлений, в том числе экстремистской направленности, в сознании граждан; повышение уровня информированности общества о проблеме распространения экстремизма; освещение практик по противодействию угрозам, в том числе среди групп риска (например, молодежь, мигранты и т.д.). На основе накопленного опыта взаимодействия со СМИ, в том числе по линии проведения учебных семинаров для представителей СМИ Ростовской области², Республики Дагестан, Удмуртской Республики, Владимирской области и некоторых других регионов, а также работы в экспертных комиссиях регионального конкурса журналистских работ «Безопасный Дон», автором диссертационного исследования сформулированы с учетом распространенных ошибок специальные рекомендации для СМИ по информационному сопровождению борьбы с терроризмом и экстремизмом, например: повышение частоты освещения позитивных профилактических практик, популяризация героев борьбы с терроризмом и экстремизмом, учет юридических аспектов (например, при упоминании экстремистской организации), работа с обратной связью и общественностью и

¹ Контент-фабрика «Параллели» [Электронный ресурс] // Лендинг. URL: <https://proekt-paralleli.ru/> (дата обращения: 04.11.2023).

² Журналистам Дона и новых регионов дали рекомендации по противодействию терроризму и экстремизму [Электронный ресурс] // Дон 24. URL: https://don24.ru/rubric/obschestvo/zhurnalistam-dona-i-novyh-regionov-dali-rekomendacii-po-protivodeystviyu-terrorizmu-i-ekstremizmu.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 24.11.2023).

консультирование с экспертами.¹ Показательным положительным примером является видеорепортаж спецкора телеканала «Россия 24» Александра Лукьянова «Запутавшиеся в сети», посвященный тактике вовлечения спецслужбами Украины несовершеннолетних в диверсионную, террористическую, экстремистскую или разведывательную деятельность на территории Российской Федерации. В рамках репортажа освещена актуальная проблематика, продемонстрированы позитивные практики, в том числе разработанные НЦПТИ ФГАНУ НИИ «Спецвузавтоматика», а также взяты комментарии экспертов в данной области, в том числе автора диссертационного исследования².

Важно понимать, что на региональном и муниципальном уровнях в условиях проведения СВО работа с общественностью по освещению событий в новых медиа должна быть более активной, чем в настоящее время, и проходить в тесном взаимодействии СМИ, лидеров общественного мнения, экспертного сообщества и органов власти, в первую очередь, в сфере коммуникаций. Автором формулируется следующий механизм работы с общественностью в среде новых медиа по направлению противодействия экстремизму и терроризму, в том числе:

- до кризисных событий: правовое просвещение; информационно-пропагандистская работа по выстраиванию гражданской идентичности; профилактическая работа по предупреждению деструктивных явлений;

- во время кризисных событий (например, резонансные события по вовлечению несовершеннолетних в экстремистскую деятельность или перерастание бытового конфликта в межнациональный с активизацией экстремистов из числа мигрантов и местных жителей): грамотное освещение событий (например, запрет на публикацию персональных данных свидетелей

¹ Венцель С.В. Освещение борьбы с терроризмом и экстремизмом в СМИ: рекомендации для журналистов // Обзор.НЦПТИ. 2022. №3 (30). С. 42–55.

² «Запутавшиеся в сети». Вести - специальный репортаж. [Электронный ресурс] // Портал «Смотрим». URL: <https://smotrim.ru/video/2709046> (дата обращения: 13.11.2023).

и очевидцев), конструктивное и своевременное реагирование на информационные вбросы, управление рисками;

- после кризисных событий: демонстрация позитивных практик, дискредитация образа преступников; закрепление результатов и постанализ ситуации.

Для органов власти, отвечающих на региональном и муниципальном уровнях за взаимодействие со СМИ, особенно важно выстроить работу с находящимися в регионе экспертами в сфере противодействия экстремизму, с лидерами общественного мнения, с профессорско-преподавательским составом (для своевременного купирования угрозы в образовательной среде) и с общественниками, причем не только прогосударственными, но и занимающими нейтральную позицию (в условиях проведения СВО говорить о взаимодействии с антигосударственными общественниками и лидерами общественного мнения не приходится, поскольку за антигосударственную позицию и дискредитацию ВС РФ они получают статус иноагента со всеми вытекающими ограничениями на работу с органами власти). Данный тезис подтверждают незаконные протестные акции в Республике Дагестан в 2022 году (под воздействием частичной военной мобилизации) и в 2023 году (под воздействием конфликта в секторе Газа), спровоцированные сеткой небольших телеграмм-каналов, курируемых украинскими ЦИПСО. Сложность оперативного курирования данных событий в информационном пространстве была затруднена отсутствием конструктивно действующих региональных и муниципальных лидеров общественного мнения, а также некоторым параличом в действиях органов власти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политический экстремизм в современной Российской Федерации по-прежнему остается актуальной проблемой, требующей конструктивного решения на основе тесного межсубъектного взаимодействия, выстроенного информационно-методической инфраструктуры, а также оперативного решения факторов, которые могут стать катализатором развития экстремистской деятельности. Политический экстремизм обладает перечнем характерных черт, среди которых: способность политизировать любые экстремистские проявления, реализовать политическую деятельность посредством нелегитимного политического насилия, а также использовать идеологические конструкты и общественные проблемы для обоснования собственной деятельности. Политический экстремизм становится возможным вследствие комбинирования ряда факторов: от актуализации общественно-политических конфликтов до метаморфоз идеологических конструктов. Ключевой целевой аудиторией, наиболее подверженной воздействию политического экстремизма, становится именно молодежь, причем внутри подразделяемая на различные группы риска: молодежь с низким уровнем критического мышления, мигранты, безработная молодежь и т.д.

Главными символическими ресурсами современного общества, которое подвергается динамичным процессам цифровизации и внедрения интернет-технологий, становятся информационные ресурсы: производимая, передаваемая, получаемая, обрабатываемая, распространяемая информация. Фундаментальной средой для информационного взаимодействия нового типа в современном обществе становятся новые медиа. Новый тип информационного взаимодействия предполагает стирание границ между производителями и потребителями информации. Новые медиа предполагают следующую важную опцию – теперь производство информации не может обходиться без учета целевых аудиторий, которые потребляют информацию. В цифровой среде новых медиа контент может выступать как часть большого

комплекса, так и как самостоятельный объект. Ключевым видом новых медиа выступают социальные медиа, представляющие собой социальные сети, мессенджеры, видеохостинги и некоторые иные платформы для общения, создания и распространения контента. Новые медиа и социальные медиа, в частности, оказали мощное воздействие на генерирование социального капитала в силу возможности накопленных в онлайн-среде ресурсов формировать новые социальные коммуникации или преобразовывать старые интерактивные формы. Новые медиа формируют обстановку наличия отдаленного присутствия, относящегося к способности медиумов обеспечить обмен информацией и социальным опытом между различными пользователями, находящимися за пределами физического взаимодействия друг с другом. Тем самым, новые медиа способны оказывать значительное воздействие на характер взаимодействия, на способы обмена накопленного социального опыта. Постоянно формируются новые сообщества и группы под воздействием отдельных лидеров мнений – игроков с высоким уровнем влияния на поведение пользователей. В данных сообществах устанавливаются собственные социальные нормы, соблюдение которых обеспечивает членство пользователей в них, в данных сообществах конструируются новые формы идентичности. Такие сообщества становятся медиатизированными мирами, обладающими собственными коммуникативными конфигурациями, нарративами и идейными конструктами. Это своеобразные цифровые сообщества, коммуникации в которых устанавливаются на основе общности мировоззрений и функционируют за счет создания специального контента на интерактивной основе, что позволяет воспроизводить социальный опыт. Основа медиатизированного мира – нарратив как когнитивный инструмент формирования действительности.

Распространение проявлений политического экстремизма в среде новых медиа происходит преимущественно в двух направлениях: организация и обеспечение деятельности (включая финансирование и вербовку), а также пропаганда деятельности (включая распространение нарративов

экстремистских течений и организаций). Фундамент экстремистских течений и организаций – идеология как совокупность ценностей и идей на устройство общества и государства. Идеология экстремизма вне зависимости от направленности обладает перечнем общих черт: обоснование и пропаганда идей превосходства различного характера, распространение идей в интересах конкретной социальной группы, доминирование взгляда о деконструкции существующего порядка, а также отсутствие монолитности, что является базовым слабым местом экстремистской идеологии. Активное распространение идеологии политического экстремизма в современном мире преимущественно происходит посредством новых медиа, предоставляющих пользователем интернета широкие возможности по поиску, созданию и распространению информации. Данное распространение происходит под воздействием нескольких механизмов: «пузыри фильтров» и «эхо-камеры», катализатором которых выступают алгоритмизация формирования результатов поисковых запросов (как технический аспект) и низкий уровень критического мышления у пользователей новых медиа (как социальный аспект). Благодаря воздействию «пузыря фильтров» пользователь попадает в особые цифровые экосистемы с сообществами и пользователями со схожим мировоззрением. Затем происходит активация «эхо-камер» как коммуникативных практик, замыкающих пользователя в рамках определенных медиатизированных миров, в том числе имеющих характер экстремистских течений. Фактор низкого уровня критического мышления обусловлен наличием и развитием в сознании пользователей особых когнитивных искажений как систематических ошибок в мыслительном процессе. Мышление человека или пользователя, которое подвергается постоянному влиянию экстремистских идеологов, рискует трансформироваться в мышление по заданным (но, при этом, ошибочным) шаблонным моделям, которые в условиях широкого распространения в новых медиа «эхо-камер» и «пузырей фильтров» будут постоянно укореняться. Поэтому в когнитивных исследованиях ученые уделяют значительное

внимание превентивным мерам, а именно формированию нарративных моделей противодействия когнитивным искажениям, ведущим к широкому проникновению идеологии политического экстремизма в сознание пользователей.

Развитие экстремистских течений в среде новых медиа определялось и определяется двумя тенденциями: усиление и нормализация в общественном сознании. Усиление таких течений определено комплексом накопленных общественных проблем, являющихся причиной для развития экстремизма. Нормализация экстремистских течений проявилась в легитимации в сознании пользователей как участников виртуальных коммуникаций, отражающих мнения различных аудиторий и пользовательских групп. Экстремистские течения в среде новых медиа можно классифицировать по следующим критериям: масштабы деятельности и охваты аудитории; концептуально-смысловое ядро; используемые технологии и грани соприкосновения реального и виртуального миров. Среди основных технологий вовлечения в экстремистские течения в новых медиа следует выделить: интерактивные практики; тактика «ингимаси»; вовлечение через субкультуры, в основе которых вербальная агрессия и реальное насилие. В основу функционирования экстремистских течений в новых медиа положены нарративные коммуникативные стратегии, эффективное использование которых позволяет расширять аудитории собственных последователей. В свою очередь, стержень нарративных коммуникативных технологий – это «язык ненависти», состоящий из нескольких уровней: мягкий уровень по созданию негативного образа другой социальной группы; средний уровень по оправданию насилия; жесткий уровень по побуждению к насилию. Ключевой механизм «языка вражды» – этнофолизмы, в основе которых лежат стереотипы. Стереотипы, в свою очередь, могут быть усилены за счет воздействия когнитивных искажений в сознании человека. Экстремистские течения в новых медиа используют целый набор нарративных стратегий: конструирование собственной общности и выстраивание идентичности;

конструирование образа противостоящих социальных групп с приданием им максимально негативных черт; актуализация и репрезентация общественных проблем и конфликтов между различными социальными группами; усиление собственной идентичности за счет системной виктимизации и обвинений других социальных групп в причинах накопленных проблем; снятие барьеров на применение насилия в отношении других социальных групп благодаря демонизации их образов; обоснование необходимости применения насилия для защиты на фоне эскалации конфликта; полная делигитимация образа других социальных групп для последующего их уничтожения, что фактически означает переход к полномасштабному террору. На основе контент-анализа деструктивных сообществ экстремистской направленности сформулированы следующие универсальные нарративы, используемые вне зависимости от тематической направленности: «погибающее общество», «демонический враг», «предательское окружение», «братство», «герой-спаситель», «лучший мир».

Одним из ключевых направлений противодействия политическому экстремизму является профилактика его распространения, в том числе в новых медиа. Профилактика предполагает создание условий для недопущения совершения правонарушений и преступлений. Профилактика предполагает, в первую очередь, работу с сознанием и развитием критического мышления, в частности. Предлагаются следующие технологии борьбы с угрозой: нормативно-правовые; организационные; просветительские и информационные. Важную роль в системе противодействия и профилактики, в частности, играет подготовка кадров, требующая в современных условиях интеграции различных подходов к обучению, акцентирования внимания на практикоориентированности, интерактивности и работе с актуальной повесткой, а также внедрения следующих технологий: проблемное, разноуровневое, междисциплинарное и игровое обучение. В свою очередь, сама система профилактической работы вне зависимости от типа субъекта, который осуществляет профилактику (органы власти в сфере образования,

молодежной политики или культуры, образовательные организации и т.д.), должна включать в себя четыре обязательных направления деятельности, обеспечивающих системность и эффективность при решении поставленных задач: институционализация, планирование, обеспечение и реализация.

Просветительские технологии, направленные на молодежь как на социальную группу, наиболее подверженную воздействию экстремистских течений, должны быть нацелены, в первую очередь, на развитие критического мышления – сложного процесса мышления, основанного на постоянной рефлексии и состоящего из следующих компонентов: восприятие, анализ, синтез, оценка, саморегуляция. Сами профилактические мероприятия должны соответствовать ряду критериев:

— правильно подобранный формат, желательно дискуссионный, предполагающий интерактивное взаимодействие с целевой аудиторией, на которую оказывается профилактическое воздействие. Интерактивный формат позволяет наиболее полно включать участников мероприятий в генерацию смыслов, а также оперативно выявлять личностей с деструктивными установками для последующего уровня профилактического воздействия, с одной стороны, а с другой стороны, определить потенциальных лидеров общественных мнений для включения их в ретрансляцию позитивных установок;

— правильно подобранная тема мероприятия, позволяющая в рамках поставленных задач решить определенную профилактическую проблематику. Важно не ограничиваться исключительно правовым просвещением, а закладывать также коммуникационные навыки, инструменты решения возникающих проблем, алгоритмы защиты от угроз, с которыми могут столкнуться представители молодежи, например, от угрозы вербовки в деятельность экстремистских и в последующем террористических организаций;

— фигура лектора/эксперта, привлекаемая для проведения профилактического мероприятия. Подходящего кандидата для реализации

поставленных задач должны отличать знание предмета и профессионализм, высокий уровень эрудиции, уверенность в публичных выступлениях, наличие харизмы, наличие инструментов для того, чтобы заинтересовать аудиторию, а также способность доносить сложную информацию о важности защищаться от экстремистов доступным для целевых аудиторий языком.

В рамках профилактической работы в цифровой среде новых медиа особую роль играют технологии по производству и распространению позитивного профилактического контента для делегитимации экстремистских нарративов и внедрения в сознание пользователей новых медиа. Успешность создания позитивного контента зависит от трех компонентов: само послание, фигура нарратора (которым может быть, например, лидер общественного мнения) и сама коммуникация, в том числе место распространения контента. Сам же нарратор, как и любой эксперт или специалист, задействованный в профилактике распространения экстремизма, должен обладать когнитивной ригидностью для воспрепятствования изменения системы мышления под воздействием экстремистских нарративов.

Создание позитивного профилактического характера является комплексной задачей, требующей привлечения большого количества ресурсов: от технических от кадровых. В первую очередь, следует привлекать для создания и последующего распространения контента представителей молодежи, а именно студенческие молодежные коллективы, уже занимающиеся медиаконтентом в рамках образовательных организаций. Однако требуется обучение данных коллективов особенностям работы в сфере противодействия экстремизму и прочим деструктивным явлениям. На данный момент единственной положительно себя зарекомендовавшей площадкой в Российской Федерации по подготовке сообщества молодых медиаспециалистов в сфере противодействия экстремизму и терроризму является ежегодный Всероссийский фестиваль социального медиаконтента «Параллели», опыт которого можно использовать при реализации схожих региональных и федеральных проектов.

Сама система по противодействию распространения политического экстремизма является многоуровневой. На федеральном уровне действует Межведомственная комиссия по противодействию экстремизму в Российской Федерации, преимущественно состоящая из правоохранительных органов, в перечень задач которых входит блокировка противоправного контента и привлечение нарушителей к юридической ответственности. С точки зрения выстраивания профилактической работы следует отметить специальный межведомственный Координационный совет Минобрнауки России по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма. Созданная при Координационном совете сеть специальных центров двух типов (векторные и Координационные центры) нацелена на выработку подходов к профилактике и их практическую реализацию. Причем целью создаваемых в субъектах Российской Федерации на базе ВУЗов Координационных центров является координация, обеспечение профилактической работы, а также помощь другим субъектам профилактики (учебно-методическая, информационная и т.д.) на региональном и муниципальном уровнях.

На обозначенных уровнях взаимодействие субъектов по профилактике происходит по двум основным векторам: информационно-просветительские, профилактические мероприятия и мероприятия для специалистов; работа в сфере новых медиа по обеспечению информационной безопасности. В рамках первого вектора представлен перечень возможных субъектов, а также мероприятий, к проведению которых данные субъекты могут привлекаться как соорганизаторы и партнеры. В рамках второго вектора выделены такие важные направления, как: мониторинг информационного пространства (включая новые медиа) на предмет выявления, в том числе, экстремистских явлений; разработка и последующее распространение информационно-просветительских материалов; формирование общества экспертов и лидеров

общественного мнения для профилактического воздействия. Важно отметить, что к работе по всем обозначенным направлениям, как показывает практика, может быть привлечен широкий спектр субъектов помимо правоохранительных органов и органов власти: институты гражданского общества, компании в области информационных технологий, отдельные пользователи как киберволонтеры, образовательные организации высшего образования.

В цифровой среде новых медиа важную роль в профилактике распространения экстремизма продолжают играть и проходящие процесс конвергенции традиционные СМИ. Однако на региональном и муниципальном уровнях в условиях проведения СВО работа с общественностью по освещению событий в новых медиа должна быть более активной, чем в настоящее время, и проходить в тесном взаимодействии со СМИ, лидерами общественного мнения, экспертного сообщества и органами власти, в первую очередь в сфере коммуникаций. Важно выстроить с представителями СМИ регулярные коммуникации для оперативной информационно-методической помощи по тематике противодействия экстремизму с целью предотвращения «информационных взрывов» при возникновении в обществе напряженности, например, на межнациональной или межрелигиозной почве. В целом, на федеральном и региональном уровне должны выстраиваться тесные и прочные коммуникации между всеми субъектами противодействия экстремизму, представителями традиционных и новых медиа для сбалансированной и результативной работы по борьбе с актуальными угрозами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Литература:

1. АВ 2001 г. Выпуск 6. О политическом экстремизме (аналитической обзор) [Электронный ресурс] // Портал Государственной Думы. URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4434/14548> (дата обращения: 28.12.2021)
2. Авдеев Е.А. Социокультурные детерминанты экстремизма среди молодежи Северного Кавказа: проблемы, риски, рекомендации / Авдеев Е.А., Воробьев М.Е., Ерохина М.Е. // Обзор.НЦПТИ, 2021. – № 2 (25). – С. 28–36.
3. Авксентьев В.А. Террористические угрозы на Юге России: мнение политиков и экспертов / В.А. Авксентьев, Г.Д. Гриценко, О.И. Лепилкина, М.М. Шульга// Научная мысль Кавказа, 2017. – № 4. – С. 70–77.
4. Авксентьев В.А. Факторный анализ динамики региональной ситуации на Северном Кавказе через призму человеческого капитала / В.А, Авксентьев, Г.Д. Гриценко // Власть, 2017. – № 1. – С. 33–45.
5. Авксентьев В. А. Юг России в зеркале конфликтологической экспертизы / Аксюмов Б. В., Гриценко Г. Д. (и др.). / под ред. акад. Г.Г. Матишова, Н.И. Голубевой, В.А. Авксентьева. Р-на-Дону: изд-во ЮНЦ РАН, 2011.
6. Актуальные подходы к профилактической работе в молодежной среде через призму специальной военной операции. Коллективная статья сотрудников НЦПТИ // Обзор.НЦПТИ, 2023. – № 3(34). – С. 39 – 46.
7. Акулич М.М. Троллинг в социальных сетях: возникновение и развитие // Вестник Российского университета дружбы народов, Серия: Социология. 2012. – № 3. – С. 30–36.
8. Антонова Ю.А. Виртуальное сообщество в социальной сети как способ распространения экстремистской идеологии среди молодежи // Политическая лингвистика, 2012. – № 4. – С. 71–80.

9. Арчаков М.К. Идеология политического экстремизма // Социум и власть, 2012. – №6 (38). – С. 59–62.
10. Арчаков М.К. Политический экстремизм: сущность, проявления, меры противодействия: Монография / М. К. Арчаков. – М.: изд-во Юрайт, 2018; Екб.: изд-во УрФУ. – 295 с.
11. Бааль Н.Б. Методы профилактики политического экстремизма молодежи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2012. – № 1 (11). – С. 293–297.
12. Бабаджьян А.Н. Человек и история в философии Карла Ясперса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения, 2009. – Серия 6. – Выпуск 4. – С. 240–244.
13. Балугев Д.Г. Влияние так называемых новых медиа на процесс политической идентификации / Д.Г. Балугев, Д.И. Каминченко // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология, 2016. – № 2. – С. 39–42
14. Батухтина О.А. Признаки этнического экстремизма в интернет-среде / О.А. Батухтина, А.Н. Новоселова // Проблемы современной науки и образования, 2021. – № 1. – С. 62–65.
15. Бек Дж.С. Когнитивная терапия: полное руководство. М.: ООО «И. Д. Вильямс», 2006.
16. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. М.: Academia, 1999.
17. Бирюкова Н.Б. Концепция логики Дестюта де Траси. В кн.: Бирюкова Н.Б. Логическая мысль во Франции XVII- начала XIX столетий: Французские предвосхищения идей математической логики. М., 2006. С. 103–120.
18. Болгов Н.В. Политический экстремизм на постсоветском пространстве и в России как угроза ее военной безопасности / Н.В. Болгов, Н.Б. Бааль // Военная мысль, 2021. – № 1. – С. 20–32.

19. Брайко Д.Н. Экстремизм, терроризм и информационные угрозы глазами молодежи Ростовской области (опыт пилотажного исследования) / Д.Н. Брайко, А.С. Быкадорова // Обзор. НЦПТИ, 2018. – № 3 (14). – С. 53–61.
20. Бродовская Е.В. Специфика критического мышления российской молодежи в условиях цифровизации / Е.В. Бродовская, А.Ю. Домбровская, Р.В. Пырма, А.А. Азаров // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета, 2019. – № 1. – С. 14–23.
21. Брокмейер Й. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы / Брокмейер Й., Харре Р. // Вопросы философии, 2000. – № 3. – С. 29–42.
22. Буткевич С.А. Идеология терроризма и экстремизма: явные и скрытые угрозы // Общество и право, 2016. – №4 (58). – С. 88–93.
23. Васьков М.А. Характеристики молодежного политического экстремизма как препятствия социализации молодежи // Обзор.НЦПТИ, 2015. – № 5. – С. 10–15.
24. Венцель С.В. Алгоритм профилактической работы среди иностранных студентов // Обзор.НЦПТИ, 2022. – № 1 (28). – С. 38–50.
25. Венцель С.В. Институты гражданского общества в противодействии распространению политического экстремизма в новых медиа // Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия: сб. ст. по материалам LVI междунар. науч.-практ. конф. № 9(56). М., Изд. «МЦНО», 2021.
26. Венцель С.В. Инфографика «Путь к СВО» / С.В. Венцель, А.В. Волощук, А.В. Саенко // Обзор.НЦПТИ, 2023. – № 1 (32). – С. 6–17.
27. Венцель С.В. Исследование украинских националистических информационно-просветительских материалов: результаты анализа и выводы / С.В. Венцель, А.В. Волощук, А.В. Саенко // Обзор. НЦПТИ, 2023. – № 1 (31). – С. 30–42.

28. Венцель С.В. Новые медиа как среда распространения политического экстремизма // Теории и проблемы политических исследований, 2023. – № 9А (т. 12). – С. 70–75.

29. Венцель С.В. Опыт НЦПТИ в образовательной подготовке кадров в сфере противодействия идеологии терроризма // Вестник Национального антитеррористического комитета, 2023. – № 1(30). – С. 16–20.

30. Венцель С.В. Освещение борьбы с терроризмом и экстремизмом в СМИ: рекомендации для журналистов // Обзор.НЦПТИ, 2022. – №3 (30). – С. 42–55.

31. Венцель С.В. Особенности мониторинга противоправного контента в интернете в рамках киберволонтерской деятельности // Обзор. НЦПТИ, 2021. – № 1 (24). – С. 30–37.

32. Венцель С.В. Политическая радикализация пользователей социальных сетей: факторы и особенности в контексте распространения экстремизма // Вопросы национальных и федеративных отношений, 2020. – № 5. – С. 1217 – 1225.

33. Венцель С.В. Политический экстремизм в пространстве новых медиа: проблемные аспекты и технологические нюансы // Вопросы политологии, 2021. – № 3 (67). – С. 728–738.

34. Венцель С.В. Практические рекомендации по обеспечению комплексной безопасности вуза / Венцель С.В., Денисов С.Ф. // Обзор. НЦПТИ, 2023. – № 3(34). – С. 48–62.

35. Венцель С.В. Символы праворадикальных течений в Рунете: историческая преемственность и современные черты // Обзор.НЦПТИ, 2021. – № 3 (26). – С. 25–37.

36. Венцель С.В. Статистические данные по преступлениям экстремистской направленности на территории России / С.В. Венцель, А.А. Врембьяк // Обзор. НЦПТИ, 2023. – № 4(35). – С. 22–44.

37. Верховский, А.М. Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ / А.М. Верховский. М.: РОО «Центр «Панорама», 2002.
38. Внутренний отчет о профилактическом мероприятии в рамках реализации адресной профилактики среди студентов колледжа // Обзор.НЦПТИ, 2022. – №4 (31). – С. 48–52.
39. Волощук А.В. Противоправный контент в русскоязычном сегменте сети Интернет: динамика изменений за период с 2015 по 2020 гг // Обзор. НЦПТИ, 2020. – № 4 (23). – С. 42– 52.
40. Войтоловский Ф.Г. Идеологическая рефлексия мировой политики // Международные процессы, 2009. – № 1 (19). – С. 44–56.
41. Вольчик В.В., Маслюкова Е.В. Нарративы, идеи и институты // Terra Economicus, 2018. – Т. 16. – № 2. – С. 150–166.
42. Восприятие экстремизма и других информационных угроз в образовательной среде // Обзор.НЦПТИ, 2022. – №1 (28). – С. 18–28.
43. Гаджиев М.М. Культурный экстремизм в российском обществе: от реальных проявлений к попытке осмысления // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки, 2022. – Т. 37. – № 1. – С. 53-58.
44. Гаджиев М.М. Феномен культурного экстремизма в российском обществе: теоретический концепт и реальные проявления // Вопросы политологии.,2023. – Т. 13. – № 3 (91). – С. 942-950.
45. Глянцев Н.С. Лидеры мнений как инструмент противодействия идеологиям терроризма и экстремизма // Обзор.НЦПТИ, 2021. – № 1. – С. 45–51.
46. Гетц Р.Н. Политический экстремизм: позиции видения в современной научной литературе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Т., 2011. – № 4 (10). – С. 43–47.

47. Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. – М.: Институт социологии РАН, 2004. 752 с.
48. Гринько С.Д. Профилактика молодежного экстремизма. // Государственная служба и кадры, 2021. – № 1. – С. 133–135.
49. Грицкевич Ю. Н. Медиатекст и медиаграмотность в системе высшего образования / Ю. Н. Грицкевич, С.В. Лукьянова, Л.М. Попкова // СНВ, 2022. – №4. – С. 253–258.
50. Гришанина Т.А. Развитие теории коммуникации и концепций формирования общественного мнения // Электронный научный журнал «Архонт», 2021. – № 2 (23). – С. 82– 89.
51. Губанов Д.А., Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. «Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства» / Под ред. чл.-корр. РАН Д.А. Новикова. – М.: Издательство физико-математической литературы, 2010.
52. Гундарь Е.С. О предотвращении экстремизма // Региональные политические исследования, 2015. – № 1(6). – С. 47–49.
53. Гундарь Е.С. Новые формы молодежной политической активности в Российской Федерации (на примере Юга России) / Е.С. Гундарь, И.М. Пальцев // Современная наука и инновации, 2017. – № 4. – С. 235–239.
54. Дженкинс Г. Конвергентная культура. М.: РИПОЛ классик. 2019.
55. Добелли Р. Искусство ясно мыслить. Перевод Леоновой Г. Изд-во: Манн, Иванов и Фербер, 2020. с. 245
56. Дукин Р.А. К вопросу определения понятия «социальные медиа» // Общество: социология, психология, педагогика, 2016. – № 4. – С. 37–39.
57. Духова Р.Л. Интернет как средство формирования террористических и антитеррористических ценностей: представления студентов вуза / Р.Л. Духова, Л.В. Попова // Научно-методический электронный журнал «Концепт», 2014. – Т. 20. – С. 4791–4795.
58. Ерохин А.М. Социальное самочувствие молодежи Кавказа в контексте социально-политических проблем / А.М. Ерохин, И.С. Бакланов,

С.М. Воробьев, Е.А. Авдеев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2019. – №11. – С. 37–42.

59. Злоказов К.В. Основные экстремистские концепты и их лексические признаки: результаты эмпирического исследования / К.В. Злоказов, А.А. Рожков // Политическая лингвистика, 2020. – № 1 (79). – С 97–103.

60. Иванов А.В. Глава 2.4 Дискурс насилия и вражды как основа идеологии религиозного экстремизма / А. В. Иванов // Религиозная социализация в постсекулярном мире: дискурсивные практики и социокультурные риски: монография. – Саратов: ИЦ «Наука», 2021. – С. 87–103.

61. Иванов А.В. Конструирование радикальной субкультурной идентичности в культурно сложном обществе / А.В. Иванов, В.Е. Козлов // Казанский педагогический журнал, 2020. – №5. – С.253–256.

62. Йенсен К. Справочник медиа и исследование коммуникации. «Раутледж». 2002.

63. Казаков А.А. Западная коммуникативистика об установлении повестки дня: анализ основных подходов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. С. 55–60.

64. Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения / Пер. с англ. Х.: Ин-т прикладной психологии «Гуманитарный Центр», 2005.

65. Капицын В.М. Экстремизм и терроризм: политико-психологическое сходство и различие // Социально-гуманитарные знания, 2020. – № 5. – С. 98–104.

66. Карючин Ю.П. «Политический экстремизм» в современном мире: сущность и понятие // Наука о человеке: гуманитарные исследования, 2008. – № 2. – С. 9–14.

67. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016.

68. Касюк А.Я. Религиозно-политический экстремизм - угроза национальной безопасности России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки, 2017. – № 3 (787). – С. 48–56.
69. Ковалев, О.А. Нарративные стратегии в литературе (на материале творчества Ф.М. Достоевского) : монография / О.А. Ковалев. – Б. : Изд-во Алт. ун-та, 2009.
70. Козлов К.А. Деятельности сети координационных центров по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактике экстремизма в период 2022-2023 годов // Обзор. НЦПТИ, 2023. – № 3 (34). – С. 13–23.
71. Комалова Л.Р. Язык вражды в публичном дискурсе Интернета. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: Реферативный журнал, 2021. – № 2. – С. 92–118.
72. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму [Электронный ресурс] // Портал «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/72259556/> (дата обращения: 28.12.2021).
73. Концепция сотрудничества государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма (Утверждена Решением Совета глав государств СНГ от 26.08.2005 г.) [Электронный ресурс] // Портал «АТЦ СНГ». URL: <https://www.cisatc.org/1289/135/152/276> (дата обращения: 28.12.2021).
74. Корнев А.А. Обратная связь в обучении и педагогическом общении // Rhema.Рема, 2018. – № 2. – С. 112–125.
75. Коростелева Л.В. Экстремистский дискурс: признаки, иллюкуция, прагматика // Юрислингвистика, 2015. – № 4. – С.19–27.
76. Кошелев Д.А. Деятельность по противодействию экстремизму в России: необходима точная настройка. // Актуальные проблемы правоведения, 2018. – №3. – С. 24–27.

77. Краснов Г.С. Теоретическое обоснование концепций трансмедийного сторителлинга / Г.С. Краснов, А.А. Сидорня // Молодой исследователь Дона, 2018. С. 94–108.
78. Крохичева Г.Е. Развитие сегментарного SWOT-анализа / Г.Е. Крохичева, С.В. Романова, М.В. Смогрунова, С.И. Шека // Новые технологии, 2012. – № 4.
79. Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях информатизации и глобализации социума: постановка проблемы // Историческая и социально-образовательная мысль, 2011. – № 3. – С. 65–68.
80. Кугай А.И. Экстремизм: природа, симптоматика, опыт и условия противодействия // Управленческое консультирование, 2015. – № 2. – С. 18–23.
81. Кугай А. И. Надежды и разочарование: процессы вовлечения в радикальные экстремистские группировки и выхода из них // Управленческое консультирование, 2023. – № 2. – С. 122–131.
82. Куценко М.В. Восприятие молодежью экстремистских идеологий в образовательной среде на примере ЮФО и СКФО: анализ результатов социисследования // Обзор.НЦПТИ, 2020. – № 2(21). – С. 47–55.
83. Куценко М.В. Восприятие радикальных идеологий в образовательной среде: результаты социологического исследования / М.В. Куценко, С.В. Венцель // Обзор.НЦПТИ, 2024 г. – № 2(37).
84. Куценко М.В. Восприятие экстремизма и других информационных угроз в образовательной среде Приволжского и Уральского федеральных округов: анализ результатов социологического исследования // Обзор.НЦПТИ, 2020. – № 4(23). – С. 12–32.
85. Куценко М.В. Проект «Контент-фабрика «Параллели» как инструмент профилактики // Обзор.НЦПТИ, 2021. – №3 (26). – С. 18–24.
86. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчунова / Институт Фонда «Общественное мнение»; под ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. М., 2004.

87. Магомедов А.К. Оптимизация межэтнических отношений в республике Дагестан: роль политических технологий // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки, 2019. – № 1. – с. 33–39.
88. Магомедов Н.Г. Лингвистические маркеры экстремизма. // КАНТ, 2020. – № 1 (34). – С. 151–155.
89. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003.
90. Мальцева Т. В. Метод фокус-групп в академических исследованиях // Прикладная юридическая психология, 2008. – № 3. – С. 130–133.
91. Мангейм К. Идеология и утопия. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.
92. Манович Л. Теории софт-культуры. Изд-во: Красная ласточка. 2018.
93. Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. Быть свободным или бороться с экстремизмом? // Новый мир, 2008. – № 11. – С. 132–152.
94. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] Портал ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 28.12.2021)
95. Минаков А. В. Некоторые психологические свойства и особенности Интернет как нового слоя реальности / А . В . Минаков . М . , 2002 . - 11 с .
96. Мирошниченко И.В. Поляризация дискурсивного пространства (на примере хэштэга #RUSSIA в социальной сети TWITTER) / Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А., Гнедаш А.А. // Каспийский регион: политика, экономика, культура, 2019. – №1 (58). – С 53–60.
97. Мирошниченко И.В. Публичная политика как пространство конвертации нематериальных ресурсов в факторы развития территорий / И.В. Мирошниченко, Е.В. Морозова // Полит. наука, 2022. – №3. – С. 144–161.

98. Михалёва О.Л. Политический дискурс: способы реализации атональности // Построение гражданского общества: Материалы международного гуманитарного конгресса. - Ч.3: Русский язык: его современное состояние и проблемы преподавания. - Иркутск: Изд-во Ирк. гос. пед. ун-та, 2002

99. Морозов И.Л. Левый экстремизм в современном обществе: особенности стратегии и тактики // Полис, 1998. – № 3. – С. 212–214.

100. Морозов И.Л. Политический экстремизм в современной России — новые тенденции // PolitBook, 2012. – № 3. – С. 97–106.

101. Мухаметзянова Ф. Ш. Организация мониторинга дополнительных образовательных программ в сфере противодействия идеологии экстремизма и терроризма / Ф.Ш. Мухаметзянова, Р.Х. Гильмеева // Казанский педагогический журнал, 2016. – № 3 (116). – С. 9–10.

102. Назаров В.Л. Технологии профилактики вовлечения молодежи в деятельность деструктивных организаций, групп и сообществ в сети интернет (на примере Свердловской области) / В.Л. Назаров, Н.С. Колегова, Е.В. Горбунов // Обзор.НЦПТИ, 2021. – №2 (25). – С. 37–44.

103. Ним Е. (Не)социальное конструирование реальности в эпоху медиатизации // Социологическое обозрение, 2017. – Т. 16. – № 3. – С. 409–426.

104. О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 23 марта 1995 г. N 310 [Электронный ресурс] // Портал «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/10102720/> (дата обращения: 28.12.2021).

105. Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе: Резолюция 1344 (2003) Парламентской Ассамблеи Совета Европы. [Электронный ресурс] // Сайт Парламентской Ассамблеи Совета Европы URL:

[https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/\[Russian_documents\]/\[2003\]/\[Sept_2003\]/Res%201344%20Rus.asp](https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/[Russian_documents]/[2003]/[Sept_2003]/Res%201344%20Rus.asp) (дата обращения: 28.12.2021)

106. Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц: распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р (ред. от 29 октября 2022 г.) [Электронный ресурс] // Консультант.Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411064/e8730c96430f0f246299a0cb7e5b27193f98fdaa/ (дата обращения: 22.10.2023).

107. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 114-ФЗ. [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/12127578/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (дата обращения: 22.10.2023).

108. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 [Электронный ресурс] // Консультант.Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 22.10.2023).

109. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 [Электронный ресурс] // Портал «Консультант.Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 22.10.2023).

110. Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 г. № 430-р (ред. от 29.10.2022 г.). [Электронный ресурс] // Консультант.Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411064/e8730c96430f0f246299a0cb7e5b27193f98fdaa/ (дата обращения: 22.10.2023)

111. О Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г.: Указ Президента РФ от 29.05.2020 N 344 [Электронный ресурс] //

Консультант.Плюс.URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 22.10.2023)

112. Патеев Р.Ф. Джихадистская субкультура: механизмы радикализации и внешнее проявление // Гражданско-патриотическое воспитание молодежи – вопрос национальной безопасности: материалы Всероссийской национальной научно-практической конференции (Ростов н/Д, Таг, С., Симф., 25–26 апреля 2018 г.). Т.2. / Южный федеральный университет; Ростов н/Д; Т.: Изд-во ЮФУ, 2018. – С. 204–211.

113. Патеев Р.Ф. Развитие российской модели мусульманского образования как фактор противодействия экстремизму // Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Мх: Изд-во «Лотос», 2007.

114. Паризер Э. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? / Пер. с англ. А. Ширикова. М.: Альпина Бизнес Букс. 2012.

115. Пащенко И.В. Идеология террористических сообществ в сети Интернет: технологии распространения и специфика противодействия // Caucasian Science Bridge, 2018. – №1 (2). – С. 12–24.

116. Пащенко И.В. Информационная активность радикальных националистических объединений в социальных сетях рунета и терроризм // Гуманитарий Юга России, 2022. – №1. – С. 73–86.

117. Подшибякина Т.А. Когнитивная нарратология: методологические возможности исследования в политической науке // Политическая наука, 2023. – №3. – С. 81–97.

118. Потапова Л.А. Актуализация отдельных методов профилактики распространения идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде (опыт НИЛ «Научное-методическое обеспечение профилактики экстремизма

и ксенофобии в системе российского образования» МГПИ имени М.Е. Евсевьева) // Обзор.НЦПТИ, 2019. – № 1 (16). – С. 14–24.

119. Потапова Л.А. Поиск инструментов преодоления экстремистских и коррупционных рисков мировоззрения в условиях реализации государственной молодежной политики // Обзор.НЦПТИ, 2020. – № 1 (20). – С. 19–27.

120. Поцелуев С.П. По ту сторону «спирали молчания»: инструменты исследования праворадикальных идеологов / Поцелуев С.П., Константинов М.С., Макарова Е.К. // Политическая концептология, 2015. – № 4. – С. 221–246.

121. Раймон А. Опиум интеллектуалов. М.: АСТ, 2015.

122. Романов Н. А. Политический экстремизм как угроза безопасности страны. М.: ИСПИ РАН. 1997. 394 с.

123. Русанова О. А. Этнорелигиозный экстремизм как социальное явление в российском обществе (на примере северокавказского региона) // Вести. Моекун-та. Сер. 18 : Социология и политология, 2005. – № 2. – С. 117.

124. Седых Н.С. Социально-психологические особенности пропаганды экстремизма и терроризма посредством Интернета // Социальная психология и общество, 2013. – № 2. – С. 137–147.

125. Сериков А. В. Третья генерация молодежных экстремистских организаций в российском обществе // Гуманитарий Юга России, 2018. – № 3 (7). – С. 77–87.

126. Сморгунов Л. В. Институты публичного управления интернетом: сравнительный анализ России, Беларуси и Казахстана // Управленческое консультирование, 2020. – №12 (144). – С. 24–39.

127. Сморгунов Л.В. Современные тенденции в государственном управлении: от нового государственного менеджмента к управлению публичной политикой // Полит. наука, 2022. – №3. – С. 100–121.

128. Стинс О., Ван Фухт Д. Новые медиа // Вестник ВолГУ, 2008. – № 7. – С. 98–107.

129. Трунов А.А. Интеллигенция, идеология и утопия в эпистемологическом проекте К. Манхейма // *НОМОТНЕТІКА: Философия. Социология. Право*, 2020. – Т. 45. – № 4. – С. 711–718.
130. Тюпа В.И. Жанровая природа нарративных стратегий // *Филологический класс*, 2018. – № 2. – С. 19–24.
131. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. В: Перемена, 2000.
132. Щетинина Е.В. Диагностика выявления маркеров асоциального поведения учащихся как эффективный инструмент организации первичной профилактической работы в образовательной среде / Е.В. Щетинина, С.С. Бредихин // *Обзор.НЦПТИ*, 2020. – № 3 (22). – С. 43–47.
133. Щетинина Е.В. Работа киберлабораторий как фактор профилактики экстремистских и террористических проявлений в сети «Интернет» // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право*, 2018. – №1. – С. 115–119.
134. Шушкина А.Г. Критическая теория общества сегодня // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*, 2014. – № 2. – С. 98–103.
135. Чурилов С.А. Курс «Медиаграмотность» для школьников: как разработать и внедрить в образовательный процесс / С.А. Чурилов, Т.С. Шевченко // *Обзор.НЦПТИ*, 2023. – № 2(33). – С. 37–41.
136. Хепп А. Исследование коммуникативных фигураций медиатизированных миров в условиях «Тотальной медиации» // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 2020. – № 38 (2). – С. 98–123.
137. Энгель В.В. Современные дефиниции экстремизма: компаративный анализ // *Российский юридический журнал*, 2021. – № 5. – С. 82–91.
138. Энгель В. В. Основные дефиниции экстремизма в международном праве. Компаративный анализ // *Ксенофобия и экстремизм: глобальные*

вызовы и региональные тренды: Сборник докладов Международной онлайн-конференции. 2022. – с. 31–41.

139. Якунина Н.А. Критическое мышление: аналитическое осмысление понятия // Гаудеамус, 2019. – № 4 (42). – С. 21–26.

140. Ямалитдинов А.А. Экстремизм: его разновидности и формы // Вестник Уфимского юридического института МВД России, 2016. – № 4 (74). – С. 37–40.

141. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 147

142. Яхьяев М.Я. Превращенные формы исламских феноменов как идеологическая основа экстремизма и терроризма / В сборнике: Российский ислам как фактор укрепления межнационального и межконфессионального мира и согласия. Материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к празднованию 1100-летия принятия Ислама Волжской Булгарией. Казань, 2023. – С. 169–177.

143. Яхьяев М.Я. Факторы воспроизводства экстремизма и терроризма в современной России: комплексный анализ // Исламоведение, 2016. – № 3. – С. 26–39.

144. Яхьяев М.Я. Шахидство в исламе и шахидизм в современном мире // Исламоведение, 2021. – Т. 12. – № 2 (48). – С. 19–33.

145. Ashour O. Online De-Radicalization? Countering Violent Extremist Narratives: Message, Messenger and Media Strategy [Электронный ресурс] Terrorism Analysts: URL: <http://www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/128/html> (data access: 15.08.2020)

146. Bell D. The End of Ideology: on the exhaustion of political ideas in the fifties. NY.: Free Press ; London: Collier Macmillan, 1962.

147. Berezna A. Terror Inc.: How the Islamic State became a branding behemoth [Электронный ресурс] Yahoo News. URL: [YoTInGP5ZzZEkhM6Xlr9UC7zU_OonqlfQTKsU7qQmwpANGcKIT9WufCBD](https://www.yahoo.com/news/terror-inc-how-the-islamic-state-became-a-branding-behemoth-120000111.html)

BuwYJNrCq2kIKaU1xGh1aKM22Db0IDAy2cG1ScnYGJOJgLz9jMQetUfEBWi
FF1KCPyuz3IOprmR1pnr1Gwp7x9 (data access: 15.08.2020)

148. Brewer M.B., Campbell D.T. Ethnocentrism and Intergroup Attitudes: East African Evidence. N.Y., «Halsted/Wiley». 1976. pp. 529

149. Bruner J. Self-making and world making // Journal of Aesthetic Education. 1991. Vol. 25(1). P. 67-78.

150. Cardon D. A quoi rêvent les algorithmes: Nos vies à l'heure des big data. Paris: Seuil, 2015. 112 pp.

151. Countering Islamist Extremist Narratives: A Strategic Briefing [Электронный ресурс]. URL: <https://studylib.net/doc/18361217/countering-islamist-extremist-narratives--a> (data access: 13.12.2020)

152. Couldry N., Hepp A. The Mediated Construction of Reality. Cambridge: Polity Press. 2016.

153. Couldry N. Media Rituals: A Critical Approach. Routledge. URL: <http://eclass.uoa.gr/modules/document/file.php/MEDIA165/media%20rituals.pdf> (data access: 11.08.2020).

154. Dounia Bouzar, Carol Rollie Flynn. ISIS recruit not just ideological. URL: <https://www.fpri.org/article/2017/09/isis-recruiting-not-just-ideological/> (data access: 05.05.2020)

155. Eder J. Narratology and Cognitive Reception Theories. T. Kind, H.-H. Müller (eds). What Is Narratology? Questions and Answers Regarding the Status of a Theory. B.: de Gruyter, 2003. P. 277–301.

156. Elzen van den J. Radicalisation: A Subtype of Religious Conversion?. URL: <https://www.universiteitleiden.nl/binaries/content/assets/customsites/perspectives-on-terrorism/2018/04-radicalization---a-subtype-of-religious-conversion-by-julien-van-den-elzen.pdf> (data access: 26.03.2023)

157. Fast N. J., Gruenfeld D. H., Sivanathan N., Galinsky A. D. Illusory Control: A Generative Force Behind Power's Far-Reaching Effects // Psychological Science. 2009. T. 20, вып. 4. С. 505–508.

158. Fisher, W. R. Clarifying the narrative paradigm. *Communication Monographs*. 1989. No. 56(1), p. 55- 58.
159. Fischhoff, B. An early history of hindsight research. *Social Cognition*, 25, 2007. P. 10-13.
160. Freedman M. *Ideology: a Very Short Introduction*. O.:Oxford UP, 2003.
161. Jenkins, H. (2006). *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York: New York University Press.
162. Jensen, K. B. *Media // The International Encyclopedia of communication*. Malden (USA), Oxford (UK), Carlton (Australia), 2008.
163. Hate on TikTok. URL: <https://gnet-research.org/2020/07/07/hate-on-tiktok/> (data access: 05.08.2020)
164. Hepp A. The communicative figurations of mediatized worlds: Mediatization research in times of the 'mediation of everything' // *European Journal of Communication*. 2013. Vol. 28. No. 6. P. 615-629.
165. Hjarvard S. *The Mediatization of Culture and Society*. London: Routledge 2013. 173 p.
166. Incels Toronto attack terrorism ideological violence. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/06/02/incels-toronto-attack-terrorism-ideological-violence/> (data access: 07.05.2020)
167. Krotz F. From a social worlds perspective to the analysis of mediatized worlds // *Media Practice and Everyday Agency in Europe / Ed. by L. Kramp, N. Carpentier, A. Hepp, et al.* Bremen: Edition Lumière, 2014. P. 83-99.
168. Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: Oral versions of personal experience // Helm J. (Ed.) *Essays on the Verbal and Visual Arts: Proceedings of the American Ethnological Society*. - Seattle: University of Washington Press, 1966. P. 12-44.
169. Labov W. *Language in the Inner City: Studies in the Black English Vernacular*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972. 412 p.

170. Lofland J., Stark R. Becoming a World-Saver: A Theory of Conversion to a Deviant Perspective // *American Sociological Review*. 1965. Vol. 30. No. 6. P. 862-875.
171. McLuhan, E. The Genesis of Laws of Media // *The Antigonish Review*. № 74, V. 5, 1988.
172. Mehr Extremisten in Deutschland [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/verfassungsschutz-extremismus-101.html> (data access: 15.08.2020)
173. Perloff R. *Political Communication: Politics, Press, and Public in America*. Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1998.
174. Potseluev S.P., Konstantinov M.S., Podshibyakina T.A. Strategies of cognitive censorship as an effect of “new media” // *Dilemas contemporáneos: Educación, Política y Valores*. 2020. Vol. VII.
175. Prince, G. *A Dictionary of Narratology*. Lincoln & London: University of Nebraska Press, 2003.
176. Teocharis Y. The Conceptualization of Digitality Networked Participation // *Social Media + Society*. 2015. DOI: <https://doi.org/10.1177/2056305115610140>.
177. Thornley, J. What is «social media»? URL: <https://propr.ca/2008/what-is-social-media/> (data access: 11.08.2020).
178. Thompson J.B. *The Media and Modernity. A Social Theory of the Media*. Cambridge. URL: <https://johnpostill.com/2010/03/30/communication-and-social-context-thompson-1995/> (data access: 11.08.2020).
179. Sarbin, T.R. (2004) Narrativ kak bazovaya metafora dlya psikhologii [Narrative as a basic metaphor for psychology]. *Postneklassicheskaya psikhologiya [Postnonclassical psychology]*. 1, 6-28.
180. Schiffrin D. *In Other Words: Variation in Reference and Narrative*. Cambridge University Press, 2006. 390 p.
181. Schmidt A. Radicalisation, De-Radicalisation, Counter-Radicalisation: A Conceptual Discussion and Literature Review. URL:

<http://www.icct.nl/download/file/ICCT-Schmid-Radicalisation-De-Radicalisation-Counter-Radicalisation-March-2013.pdf> (data access: 26.03.2023).

182. Schultz W. Reconstructing mediatization as an analytical concept. *European Journal of Communication*. 2004. No. 19 (1). P. 87–101.

183. Silverstone R. *Media and Morality: On the Rise of the Mediapolis*. Cambridge: Polity Press. 2006

184. Shantz J. One Person's Garbage. Another Person's Treasure: Dumpster Diving, Freeganism, and Anarchy. *VERB*, 2005, Vol. 3, pp. 1-11.

185. Sotlar A. Some Problems with Definition and Perception of Extremism within Society. NCJRS - National Criminal Justice Reference Service by U.S. Department of Justice. URL: <http://www.ncjrs.gov/pdffiles1/nij/Mesko/208033.pdf> (data access: 15.02.2020). When Twitter

186. Bans Extremists, GAB Puts Out the Welcome Mat. URL: <https://www.adl.org/blog/when-twitter-bans-extremists-gab-puts-out-the-welcome-mat> (data access: 05.08.2020)

187. Sunstein C.R. *Echo chambers*. Princeton, Princeton University Press, 2001. 108 p.

188. Cardon D. *What re Algorithms dreaming of? The Berlin Review of Books*. 2017.

189. Wiktorowicz Q. *Radical Islam Rising: Muslim Extremism in the West*. *International Journal Middle East Studies*. 2007. 39(01).

Диссертации и авторефераты диссертаций

190. Арчаков М.К. *Политический экстремизм в России: сущность, проявления, меры противодействия: дис. ... док. полит. наук. Благ.* 2016. – 2016.

191. Данилов П.А. *Защита прав, свобод и законных интересов личности при противодействии экстремизму: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. – 31 с.*

192. Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. – 42 с.

193. Филинский А.А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999 - 2000 г.г.: автореф. дис. ^ канд. филол. наук. Тверь, 2002. – 15 с.

194. Хоровинников А.А. Экстремизм как социальное явление (философский анализ): ав-тореф. дис. . канд. филос. наук. Сар. 2007. – 27 с.

Другие виды источников информации:

195. Атаев А.В. Новые угрозы в условиях роста религиозного радикализма на Кавказе [Электронный ресурс] // Информационный портал «Sputnik». URL: <https://az.sputniknews.ru/expert/20141125/301268815.html> (дата обращения: 24.08.2020)

196. Аудитория Интернета в 2022 году [Электронный ресурс] // MediaScope. URL: <https://mediascope.net/news/1460058/> (дата обращения: 04.11.2023).

197. Безопасность в науке и образовании [Электронный ресурс] // Дон24. URL: <https://don24.ru/rubric/obschestvo/bezopasnost-v-nauke-i-obrazovanii.html> (дата обращения: 04.11.2023).

198. Блогеры и профилактика [Электронный ресурс] // Группа НЦПТИ в социальной сети «ВКонтакте». URL: https://vk.com/wall-112267450_8129 (дата обращения: 14.11.2023).

199. Всероссийский форум «Интернет без угроз» // Лендинг. URL: <https://форум.интернетбезугроз.рф/> (дата обращения: 04.11.2023).

200. Журналистам Дона и новых регионов дали рекомендации по противодействию терроризму и экстремизму [Электронный ресурс] // Дон 24. URL: https://don24.ru/rubric/obschestvo/zhurnalistam-dona-i-novyh-regionov-dali-rekomendacii-po-protivodeystviyu-terrorizmu-i-ekstremizmu.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=htt

ps%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 24.11.2023)..

201. «Запутавшиеся в сети». Вести - специальный репортаж. [Электронный ресурс] // Портал «Смотрим». URL: <https://smotrim.ru/video/2709046> (дата обращения: 13.11.2023).

202. Интернет-ресурс «Интерактивная карта профилактической деятельности в образовательных организациях и научных учреждениях Российской Федерации». URL: <https://map.ncpti.ru/> (дата обращения: 04.11.2023).

203. Контент-фабрика «Параллели» [Электронный ресурс] // Лендинг. URL: <https://proekt-paralleli.ru/> (дата обращения: 04.11.2023).

204. Критерии идеального лектора в сфере профилактики [Электронный ресурс] // Группа НЦПТИ в социальной сети «ВКонтакте». URL: https://vk.com/wall-112267450_8034 (дата обращения: 14.11.2023).

205. Медиаландшафт Digital в России. 2023 год [Электронный ресурс] // Госдиджитал. URL: <https://gosdigital.ru/wp-content/uploads/2023/04/medialandshaft-rossii-20.04.2023.pdf> (дата обращения: 04.11.2023).

206. Мечты алгоритмов: наше «посчитанное» бытие [Электронный ресурс] // Портал «Лятучы ўніверсітэт» URL: <https://fly-uni.org/stati/mechty-algoritmov-nashe-poschitannoe-bytie/> (дата обращения: 04.07.2020)

207. Лебедев С. По следам новозеландской трагедии: психологические и социально-политические корни ультраправого терроризма на примере Брентона Тарранта // [Электронный ресурс] Сайт Российского совета по международным делам. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/slebedev/34599/?sphrase_id=40249693 (дата обращения: 07.06.2020)

208. На заседании Рабочей группы по противодействию терроризма Корсовета обсудили результаты анализа методических рекомендаций

[Электронный ресурс] // Координационный совет Минобрнауки России. URL: <https://news.ncpti.ru/news/4> (дата обращения: 04.11.2023).

209. Розенфельд И. Дискурс и нарратив [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Cursorinfo.co.il». URL: <http://cursorinfo.co.il/news/analyze/2006/03/01/discurs/> (дата обращения: 26.05.2020)

210. Сборник сценариев профилактических мероприятий. Ростов н/Дону: НЦПТИ ФГАНУ НИИ «Спецвузавтоматика», 2022. 121 с.

211. Сборник сценариев профилактических мероприятий. Ростов н/Дону: НЦПТИ ФГАНУ НИИ «Спецвузавтоматика», 2023. 105 с.

212. Сборник лучших практик адресных профилактических мероприятий. Ростов н/Дону: НЦПТИ ФГАНУ НИИ «Спецвузавтоматика», 2023. 105 с.

213. Сергей Венцель: нужно смотреть на каждый случай вербовки отдельно [Электронный ресурс] // Молодежь Дагестана. URL: https://md-gazeta.ru/antiterror/126706?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 24.11.2023).

214. Социологическое исследование об уровне восприятия экстремизма в образовательной среде [Электронный ресурс] // Интерактивная карта профилактической деятельности в образовательных организациях и научных учреждениях Российской Федерации. URL: <https://map.ncpti.ru/events/24-03-2022-sotsiologicheskoe-issledovanie-ob-urovne-vozpriyatiya-ekstremizma-v-obrazovatelnoy-srede> (дата обращения: 04.11.2023)

215. Тезисы антироссийской пропаганды. [Электронный ресурс] // Группа «НЦПТИ» в социальной сети «ВКонтакте». URL: <https://vk.com/@-112267450-tezisy-antirossiiskoi-propagandy> (дата обращения: 15.10.2023).

216. Число пользователей интернета в России достигло 124 млн [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12698757> (дата обращения: 04.11.2023).

217. Эксперт НЦПТИ Сергей Венцель рассказал о маркерах радикализации, важности обеспечения безопасности персональных данных, а также об актуальных проектах Центра в эфире Радио «Дон-ТР» // [Электронный ресурс] МАЯК, ВЕСТИ FM, РАДИО РОССИИ. URL: https://vk.com/wall-112267450_7982 (дата обращения: 24.11.2023).

Приложение А – Процедура мониторинга информационного пространства на предмет выявления противоправного контента

Мониторинг — изучение информационного пространства сети Интернет на предмет выявления противоправного контента: пропаганда и оправдание террористической деятельности, вовлечение в экстремистскую деятельность.				
Направление 1. Самостоятельный поиск контента сотрудниками НЦПТИ ФГАНУ НИИ «Спецвузавтоматика»		Направление 2. Обработка присланного киберволонтерами материала в рамках постоянной коммуникации		Направление 3. Проведение тематических онлайн-акции по поиску контента совместно с АНО «Интернет без угроз»
Инструмент 1. Ручной поиск в рамках работы с цифровыми платформами.			Инструмент 2. Автоматизированный поиск посредством специальных парсеров для последующей ручной обработки.	
Площадки мониторинга:				
Ссылки, форумы	Социальная сеть «ВКонтакте»	Видеохостинг YouTube	Видеохостинг TikTok	Мессенджер Telegram
Формат выявляемого контента				
Изображения	Текст	Видеозапись	Аудиозапись	
Примеры тематических открытых материалов, разработанных с участием автора диссертационного исследования и опубликованных в группе НЦПТИ в социальной сети «ВКонтакте»				
Информационные карточки: 1) Анализ выявленного противоправного контента за первое полугодие 2023 года 2) Анализ выявленного противоправного контента за 2023 год			Вебинары: 1) Вебинар «Планерка безопасности» для киберволонтеров (2023 год) 2) Вебинар «Планерка безопасности: противоправный контент» (2022 год)	

Приложение Б – Процедура анализа статистических данных

Наименование этапа	Проведенная работа
Этап 1 Подготовительный	<p>Сформулированы и определены:</p> <ul style="list-style-type: none"> - <i>цель</i>: проследить изменения и определить характер трансформации правонарушений по статьям экстремистской направленности в ближайшей ретроспективе (2018 – 2022 гг.); - <i>задачи</i>: определить перечень исследуемых статей (ст. 20.3., 20.29. и 20.3.1. КоАП РФ; ч. 1 ст. 148, ст. 207.3, ст. 280, ст. 280.2, ст. 282., ст. 282.1., ст. 282.2., ст. 282.3., ст. 282.4., ст. 357 УК РФ), определить перечень информационных ресурсов для обработки информации (сайты порта правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ и Судебного департамента при Верховном Суде РФ); определить перечень вопросов для рассмотрения (количество осужденных; половозрастная характеристика; гражданство, место жительства, уровень образования, род занятий).
Этап 2. Статистическое наблюдение	Собран статистический материал посредством сплошного исследования при использовании метода основного массива. В качестве вида исследования проведено документальное по выкопировке официальных сведений.
Этап 3. Статистическая группировка и сводка	Проведена работа по группировке и последующей сводки статистических материалов.
Этап 4. Статистический анализ изучаемого явления, формулировка выводов	Проведены вычисления статистических показателей, дано графическое изображение, изучена динамика, тенденции, установлены связи между явлениями. Интерпретированы результаты и даны выводы.
Этап 5. Литературная обработка и оформление полученных результатов	Результаты оформлены в качестве научной статьи. Выходные данные: Венцель С.В., Врембяк А.А. Статистические данные по преступлениям экстремистской направленности на территории России // Обзор. НЦПТИ. 2023. № 4(35). С. 22–44.

Приложение В – Процедура проведения социологических исследований

Наименование этапа	Проведенная работа
<p>Этап 1 Подготовительный</p>	<p>Сформулированы и определены:</p> <ul style="list-style-type: none"> - <i>цель</i>: выявить отношение к идеологии терроризма и экстремизму среди обучающихся; - <i>задачи</i>: выявить восприятие респондентами идеологии терроризма и экстремизма; определить отношение студентов к причинам вовлечения людей в террористическую и экстремистскую деятельность; выявить отношение студентов к политике противодействия терроризму и экстремизму; выяснить эффективность проведения профилактических мероприятий. <p>Руководитель рабочей группы по проведению социологического исследования – Куценко М.В., начальник информационного отдела НЦПТИ ФГАНУ НИИ «Спецвузавтоматика». Автор диссертационного исследования принимал участие в работе группе в качестве исполнителя и эксперта.</p>
<p>Этап 2. Статистическое наблюдение</p>	<p>Собран статистический материал посредством заполнения анкет обучающимися образовательных организаций высшего образования, подведомственных Минобрнауки России в период с 2019 – 2021 годы. Данное поэтапное социальное исследование проводилось НЦПТИ ФГАНУ НИИ «Спецвузавтоматика» по поручению Минобрнауки России во всех федеральных округах. В 2023 году проведено комплексное социологическое исследование во всех федеральных округах, включая новые субъекты Российской Федерации. За все годы общее количество опрошенных приблизилось к отметке в 100 000 человек.</p>
<p>Этап 3. Статистическая группировка и сводка</p>	<p>Проведена работа по группировке и последующей сводки статистических материалов.</p>
<p>Этап 4. Статистический</p>	<p>Проведены вычисления статистических показателей, дано графическое изображение, изучена динамика, тенденции,</p>

анализ изучаемого явления, формулировка выводов	установлены связи между явлениями. Интерпретированы результаты и даны выводы.
Этап 5. Литературная обработка и оформление полученных результатов	<p>Результаты оформлены в качестве серии научных статей:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) Восприятие экстремизма и других информационных угроз в образовательной среде // Обзор. НЦПТИ. 2022. №1 (28). С. 18-28. 2) Куценко М.В. Восприятие молодежью экстремистских идеологий в образовательной среде на примере ЮФО и СКФО: анализ результатов социсследования // Обзор.НЦПТИ. 2020. № 2(21). С. 47 – 55. 3) Куценко М.В. Восприятие экстремизма и других информационных угроз в образовательной среде Приволжского и Уральского федеральных округов: анализ результатов социологического исследования // Обзор.НЦПТИ. 2020. № 4(23). С. 12 – 32. 4) Куценко М.В., Венцель С.В. Восприятие радикальных идеологий в образовательной среде: результаты социологического исследования // Обзор. НЦПТИ. 2024. № 2(37).

Приложение Г – Процедура проведения анализа материалов на предмет нарушения действующего антиэкстремистского законодательства

<p>Определение целеполагания исследования: проведение экспертизы полученных из зоны проведения специальной военной операции украинских информационно-просветительских материалов, выявленных в библиотеках и учебных заведениях на территории Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей на предмет определения потенциально опасных материалов, содержащих признаки фальсификации истории, разжигания ненависти и вражды в отношении русских и русскоязычных (русофобии), а также реабилитации нацизма и одобрения деятельности националистических и неонацистских украинских организаций и движений, в том числе признанных согласно законодательству Российской Федерации экстремистскими</p>	
<p>Формирование состава аналитической группы НЦПТИ ФГАНУ НИИ «Спецвузавтоматика»</p>	<p>Венцель С.В. – руководитель рабочей группы, начальник отдела аналитической и образовательной деятельности НЦПТИ</p>
	<p>Волощук А.В. – специалист отдела аналитической и образовательной деятельности НЦПТИ</p>
	<p>Саенко А.В. – специалист отдела аналитической и образовательной деятельности НЦПТИ</p>
<p>Определение параметров анализа</p>	<p>Перечень:</p> <ul style="list-style-type: none"> - информация об авторах/издательстве; - целевая аудитория; - используемые приемы подачи информации; - внедряемые идейные установки (нарративы); - уровень доступности материалов для целевых аудиторий.
<p>Результаты анализа</p>	<p>1) во всех материалах выявлены признаки нарушения действующего антиэкстремистского законодательства, материалы отправлены в правоохранительные органы для последующего реагирования</p> <p>2) подготовлен публичный отчет в формате научной статьи. Выходные данные: Венцель С.В., Волощук А.В., Саенко А.В. Исследование украинских националистических информационно-просветительских материалов: результаты анализа и выводы // Обзор. НЦПТИ. 2023 г. № 1 (31). С. 30-42.</p>